Владимир Янов

ТАЙНА
ТАЁЖНОГО ТАЛИСМАНА.

(«ТТТ»)

Необыкновенные приключения

Марины и её друзей, Саши и Паши, в городе Находка,

на горе Сестра, в Шамбале и в Дальнем Космосе.

Приключенческая повесть для юных путешественников и романтиков.

г. Находка

2002 г

Предисловие

Пять миллиардов лет существует в безбрежном бесконечном космосе наше немеркнущее светило, основа нашего появления и существования — тёплое ласковое ***Солнце****. За этот непредставимый сознанию промежуток времени из обломков комет, астероидов и межзвёздной пыли возникли планеты Солнечной системы, в том числе – и наша старушка* ***Земля****, история которой насчитывает не менее трёх миллиардов лет. За этот период на Земле минуло множество геологических эпох, глобальные катастрофы не раз сотрясали планету, меняя её облик, а нередко – и её обитателей.*

Завершилась ***архейская*** *эпоха продолжительностью в невообразимый миллиард лет, когда над сумрачным безжизненным мировым океаном полыхали мощнейшие грозы, гигантские молнии вонзали в кипящий первичный раствор свои огненные стрелы, от которых в океане зародились первые аминокислоты, ставшие прообразом последующей богатейшей жизни на планете Земля.*

Миновал мрачный ***палеозойский*** *период с полным господством на планете гигантских океанских ракообразных* ***трилобитов****. Гибелью цивилизации* ***динозавров*** *завершился неистовый* ***мезозойский*** *период, которому мы обязаны накоплением основных мировых запасов каменного угля.*

Завершается ныне и грандиозный ***кайнозойский*** *период, время расцвета* ***млекопитающих*** *и современной* ***растительности****, апофеозом которого явилось появление венца творчества Природы —* ***человека****. Именно с появления людей начинается история многострадальной нашей цивилизации продолжительностью всего немногим более одного миллиона лет со всеми её победами и ошибками.*

Но ведь вся огромная история человечества состоит из отдельных маленьких историй каждой человеческой личности, каждого небольшого человеческого рода или племени, как-то проявивших себя в ней и, может быть, канувших потом в безвестности. Каждая местность хранит в своей памяти множество местных исторических моментов, определивших в дальнейшем её развитие. Конечно, это характерно и для нашего Приморского края, и для окрестностей замечательного приморского города Находка.

В устье реки Сучан (с недавних пор – р.Партизанская) и на берегах залива Находка (зал. Америка) люди селились с самых незапамятных времен. Соседство реки и тайги, сопок и моря были и до сих пор остаются самым удобным и выгодным местом для проживания человека – от первобытного до современного. К сожалению, история освоения нашего края скудна на документальные свидетельства. Здесь не было сумрачных монастырских келий, в глубине которых мудрые летописцы шаг за шагом и день за днём описывали бы события приморских «временных лет» для грядущих поколений.

История древней приморской жизни писалась скудным бытом за земляными стенами городищ, в племенных распрях за лучшие участки для проживания, в отчаянных битвах народов с захватчиками за право жить на своей земле. Редкие ржавые и пыльные экспонаты печально молчат на закрытых стеллажах пустынных музеев.

Но если бы мы научились читать по их истрёпанному временем облику, мы узнали бы множество величественных или горьких страниц из древней истории нашей родной земли.

Именно этого я и хотел достичь на страницах моей повести. Мне очень хотелось бы, чтобы юные находкинцы, прочитав эту книгу, другими глазами посмотрели бы на свой, такой привычный и вроде бы обыкновенный город, и поняли бы, на какой замечательной земле они живут, с какими интереснейшими памятниками старины соседствуют, и сколько таких же мальчишек и девчонок провели детство и юность на этих же самых берегах за тысячи лет до них, и какие прекрасные личности могли творить здесь историю края. И тогда, очень мне хотелось бы, чтобы они по-другому начали относиться к своему городу, стали бы беречь его, украшать и улучшать для своих грядущих потомков. А именно это и требуется для продолжения жизни на нашей прекрасной планете.

Автор

1.

Наконец-то началось настоящее приморское, жаркое и душное, почти тропическое, июльское лето, когда с утра обнажённое солнце, сонно выбираясь из-за острой верхушки легендарной Сестры, вдруг всей своей мощью обрушивается на город, обволакивая его знойным жаром, плавя асфальт как сливочное масло, и доводя измученную зноем почву до состояния обожжённой глины. И, кажется, нет от этого никакого спасения, что всё живое в городе томится последние мучительные часы, погибая от испепеляющей жары и иссушающей жажды.

Но вдруг после полудня, невесть откуда появившийся свежий морской бриз нагоняет с моря тёмную грозовую тучу. Она стремительно накрывает город, и вот уже гремит неистовый раскатистый гром, блещут ветвистые, как рога матёрого изюбра, молнии, и через мгновение на изнемогающую от знойного марева Находку из иссиня-чёрных туч обрушивается могучий, словно принесшийся из экваториальных джунглей, ливень. Тотчас вниз по склонам ринулись бурлящие ручьи, и уже, в свою очередь, мерещится, что наступил новый всемирный потоп, что эти потоки с небес никогда не иссякнут, что все мы обречены непременно погибнуть в неистовых кипящих водах – как вдруг опять из-за туч вырывается ослепляющее солнце. И снова – чистое небо, опять жара, только уже влажная, липкая, душная, но ее хватает лишь до близкого вечера, а там опять наступает мучительная сушь, от которой в Находке есть только одно спасение – нырнуть в чистые бирюзовые воды какой-либо из пригородных морских бухт и выползать оттуда на берег лишь для того, чтобы вмиг просохнуть и вновь горячо задышать на прокаленном, чисто отмытом кварцевом песке раздольных находкинских пляжей.

Марина с Пашкой безвольно распластались на своем обычном месте – на пляже в бухте Лашкевича у подножия любимой Сестры и всем истосковавшимся за тягучую приморскую зиму и слякотную находкинскую весну по теплу и морю телом впитывали знойный жар долгожданного лета после долгого барахтанья в обжигающей прохладе сонного, тоже отдыхающего после недавнего шторма моря.

Народу здесь было немного. В последнее время все почему-то предпочитали отдыхать на новом пляже в бухте Песчаной. Там был шумный сервис, надоедливые кавказцы с шашлыками, корейцы с уже появившимися, но ещё жутко дорогими арбузами, шеренги крутых иномарок, на весь пляж оглушающий «хеви-металл» и всё остальное, должное присутствовать на главном городском и самом солидном частном пляже.

А здесь народу было поменьше, звуки потише, сервис отсутствовал, но зато никто через тебя не перешагивал, никто не предлагал самый «спелий арбуз» и самый «сочний

шашлик». Здесь можно было с тихим удовольствием просто греться на солнышке и болтать о своём.

Пашка плюхнулся мокрым, озябшим от получасового барахтанья в синей воде телом на жгучий песок и зажмурился от удовольствия:

– Да, Марина, даже только ради этого мгновения стоит жить здесь и терпеть нашу бестолковую приморскую зиму. Вот кем бы я хотел стать, – мечтательно сказал он, – акванавтом, человеком-амфибией или, в крайнем случае, дельфином. Как ты думаешь – дельфины всё-таки разумные существа, или это всё выдумки журналистов?

Марине не хотелось болтать. Она тоже испытывала сладкую лень и истому от воды, солнца и просто от свободного валяния на горячем песке. Но Пашке надо ответить, ибо он был друг, друг закадычный, на всю оставшуюся жизнь. Поэтому она, нехотя шевеля губами, кое-как прошептала:

– Не знаю, Паша. Вот вырасту, закончу МГУ, стану умной журналисткой, тогда все тебе объясню. А вообще мне кажется, что дельфины гораздо умнее некоторых наших общих друзей. И чего, спрашивается, надо было Сашке именно сегодня, в такую прекрасную погоду, забираться на дачу? Что они, эти помидоры и огурцы – до субботы не дотянут?

– Ну, может, и дотянут, только родители его очень просили помочь, а отец обещал, что если он польет в эту духоту грядки, возьмёт его вечером сюда, под Сестру, на рыбалку. У его батяни тут особые свои места и ловушки имеются. Вот Сашка и решился на дачный подвиг. Да и овощи, – потянулся на песке Пашка, - они тоже, как люди, чуть не успел, и опоздал, уже поздно бывает.

– Ну и пусть, – великодушно согласилась Марина. – Мои родители тоже говорят, что на даче один день год кормит. Сашка, наверное, завтра будет рассказывать о своих подвигах – и об огурцах и удочках... Надо пожелать ему ни рыбы, ни чешуи на рыбалке.

Они помолчали, расслабленно отдаваясь солнцу и ласковому ветерку. Паша, прикрыв глаза, что-то лениво ковырял в песке. Марина сначала машинально смотрела на его занятие, а затем это её заинтересовало:

– Что это у тебя?

Паша бросил взгляд и вынул из песка небольшой ржавый кусочек металла:

– Не знаю, – ответил он, – железяка какая-то. Мало их, что ли, на берегу ржавеет?

Но Марина не отступила, взяла в руки ржавый комочек, повертела его и с пафосом сказала:

– Знаешь, Паша, а ведь ты нечаянно нашёл наконечник стрелы древнего жителя этих мест. Вот смотри – эта тонкая часть входила в бамбуковую стрелу, а вот это раньше было остриём, очень тонким и опасным. Может быть, на этом самом месте этой стрелой много лет назад был ранен или даже убит древний воин, – печально закончила она.

Паша тоже повертел в руках ржавый кусок железа и скептически усмехнулся:

– Может, ты и права. А может быть, этой стрелой в те самые давние времена юный охотник хотел завалить молодого поросёнка, но на горе всего племени его мужественная рука дрогнула, и он промахнулся, а пущенная стрела попала в море, а затем на пляж, где мы её и отыскали. А неудачливого охотника родное племя отдубасило копьями по спине, и на ужин осталось с постными корешками.

– Могло быть и так, - засмеялась Марина. – Люди здесь жили многие тысячи лет, кто знает, как все было на самом деле. Я вот, кстати, слышала от краеведов, что именно здесь, в устье нашей реки Сучан, тысячу лет назад стоял большой город-порт чжурчженей. А потом их страну разорили орды Чингисхана, эта древняя страна впоследствии так и не смогла восстановиться, и почти тысячу лет была практически необитаема.

Помнишь, нам рассказывали, что когда сто сорок лет назад сюда пришли русские моряки, здесь не было постоянных посёлков и городов? Только по берегам рек и морских бухт на время селились в нескольких фанзах китайцы и удэгейцы. Представляешь, вот бы

нам попасть в то время, к чжурчженям. Мы научили бы их современным знаниям, ремёслам, искусству воевать... Может, тогда они победили бы монголов, и было бы все по-другому. Как ты думаешь, Паша?

– Я думаю, что это было бы здорово, только чему ты их сможешь научить? Да и попасть туда сейчас никак невозможно.

Марина ничего не ответила, но бросила взгляд вдаль на величественную и гордую сопку Сестра и вдруг заметила на её склоне странную перемену. Сама сопка показалась ей помолодевшей, девственно зелёной, с обширными кедровыми рощами на склонах, а на гребне она увидела длинную пёструю, вроде бы похоронную процессию. Это было очень далеко, но Марина отчётливо видела, как впереди шли молодые мускулистые воины, нёсшие на носилках утопающее в ярких цветах тело погибшего, за ними шли плакальщицы, затем воины с колчанами стрел и копьями, а уже потом и вся остальная процессия. Одна фигура показалась ей вроде даже чем-то знакомой и очень странной, но затем видение заструилось в воздухе, заколебалось и исчезло, оставив после себя привычный голый склон сопки и синее небо над ней.

– Чего только не померещится в жаркий день! – подумала девочка и с задорным криком: – Хватит валяться! День к закату, а мы ещё не накупались, как следует! – с разбега бросилась в набегающую волну вечно юного прибоя. Вслед за ней разбежался и нырнул в пенистую волну её верный друг и оруженосец Пашка.

2.

Много дней и ночей продолжается битва племени Белого Леопарда с ордами диких кочевников за своё стойбище, за свой народ, за могилы своих предков. Не сломлен дух отважных воинов, ещё есть запасы стрел, копий и камней для отражения врагов, ещё осталось в подвалах и тайных хранилищах вяленое мясо и копчёная рыба для пополнения сил воинов, но хмурится старый вождь, печален его взгляд и тяжелы думы. Много лун назад напали дикие степные племена на его народ, и привёл их страшный Злой Белый человек. Немало кочевников истребили искусные и смелые воины племени Белого Леопарда, много жестоких атак отразили они от родного очага. Рядом с мужьями, отцами, сыновьями и братьями храбро сражались беззаветно преданные им жены, матери, сестры и дочери. Но редеют ряды отважных защитников, а врагов не становится меньше. Всё новые и новые волны ряженых в звериные шкуры варваров накатывают на маленькое таёжное стойбище в устье родимой Сучан-реки.

Всё видят мудрые глаза старого вождя Таргу, все слышат его чуткие, привыкшие к таёжным шорохам уши. Всё ближе видит он израненные груди защитников, всё громче слышит звериное рычание наседающих врагов. Уже выведены в безопасные места старики, женщины и дети, которым предстоит возрождать жизнь на этом священном месте, вынесены и спрятаны в тайных недоступных местах сокровища племени. Ничего не достанется торжествующим врагам, ворвавшимся в стойбище, кроме гордых жизней его защитников. Но осталась одна забота у мудреца Таргу, которая не даёт ему уйти в страну предков, закрыть усталые глаза и упокоиться посреди стойбища в окружении скорбящих соплеменников.

Очередное наступление врагов ознаменовалось новой вспышкой ожесточенного звериного рёва набегающей орды. Лавина приближающихся диких криков долетела до старика.

– О! Они уже прорвали оборону и скоро будут здесь. Мне уже не успеть скрыться в убежище.

Глаза мудреца устало закрылись:

– Пора, промедление опасно для всего нашего народа.

Он величавым кивком головы и взглядом подозвал Унушу, самого храброго и дерзкого молодого воина, уже многие дни и ночи охранявшего его покой у входа в хижину.

– Унушу, сын мой, очень скоро враги ворвутся в наше стойбище и овладеют им. Невеликую они возьмут добычу, гораздо больше жизней оставят они у врат Родины нашей. Но открою тебе великий секрет племени Белого Леопарда – врагов привёл сюда очень плохой Злой Белый Человек, который охотится за талисманом-оберегом нашего племени – Небесным Камнем, упавшим к нам в стойбище с Неба, когда мои прадеды в третьем колене были ещё совсем молодыми. Этот чудесный талисман все прожитые годы помогал нашему народу выстоять против многочисленных врагов, спас нас во время великого мора, когда многие племена вымерли от страшной болезни, выручил нас во время Большой Воды, когда многие народы погибли в водоворотах внезапного Великого Потопа.

Но даже могучая сила Небесного Камня не может помочь нам справиться с множеством врагов, которых привёл сейчас с собой Злой Белый Человек. Видимо, великие злобные силы помогают ему. Нам надо сейчас уступить, чтобы сохранить силу и дух племени, чтобы было, кому вернуться на обгоревшие развалины домов наших и вновь вдохнуть жизнь в очаги предков. Унушу, ты храбрый воин и умный юноша. Тебе я готов вручить благополучное будущее племени Белого Леопарда. Принимай наш тайный чудесный талисман, сын мой, как величайшую волшебную святыню и оберегай от злых людей и дурных дел. Этот волшебный камень никогда не должен попасть в худые руки наших врагов.

Вождь слабеющими руками снял с морщинистой шеи потёртый кожаный мешочек, развязал его, вынул небольшой гладкий серый камешек, ласково погладил его и прикоснулся к нему сухими губами. Тотчас тусклый комочек преобразился, по нему побежали ласковые оранжевые искорки, которые разгорались, сливаясь в угольки, всё более пламенеющие и наполняющиеся глубоким огнём и радостным теплом. Наконец, из полыхающего огнём камня вдруг ударил в небо тонкий оранжевый лучик, после которого камень быстро потускнел и затих. Приободрившийся старик ещё раз поцеловал его, спрятал в мешочек и с тяжёлым вздохом повесил на шею преклонившему колени юноше.

– Огромная добрая сила в этом камне, сынок, и ты должен сберечь эту силу для будущих славных дел нашего племени. Ступай поскорей, не то я слышу приближение врагов наших. Беги скорее в тайное убежище к нашему народу и помни: пока камень с тобой – ты в безопасности.

– А ты, дедушка? – взволнованно спросил со слезами на глазах юноша.

– Мне всё равно уже не жить, – ответил старик, – а ты поспешай, а то скоро будет поздно, и помни, что я тебе сказал.

Едва юноша принял этот необыкновенный дар, как неистовый победный рёв нападавших раздался уже совсем рядом. Унушу резко обернулся на крики, схватил лук и колчан со стрелами, быстро и точно выпустил несколько стрел в набегающих врагов и, оставив вождя возлежать посреди поляны перед своим жилищем, исчез в кустах цветущего жасмина, в котором утопало стойбище.

На поляну перед жилищем вождя ворвались одетые в шкуры грязные дикие, страшно гримасничающие люди. Отчаянно размахивая грубыми топорами и кривыми палицами, они устроили на площади пляску вокруг поверженного вождя. Вдруг из кустов на поляну вышел высокий худощавый человек с непривычным для этих мест белым лицом, длинным прямым носом, с серебряным крестом на груди поверх тёмных истрёпанных одежд. Странный незнакомец склонился над умирающим Таргу и принялся шарить у него на груди. Ничего не обнаружив, он пришел в бешенство, его белое измождённое лицо фанатика налилось кровью, он приподнял старика за лохмотья на груди и зло зашипел:

– Где амулет? Где Небесный Камень? Отвечай, проклятый язычник, иначе я истреблю всё твоё поганое племя, а тебя отдам живым на съедение голодным шакалам.

Но ничего не ответил ему гордый Таргу. Он выдержал его свирепый взгляд, затем посмотрел в солнечное небо с надвигающейся от дальнего перевала грозовой тучей, презрительно улыбнулся и из последних сил плюнул в искаженное ненавистью лицо врага. Это привело незнакомца в лютую ярость. Он приподнял старика за грудь, выхватил у ближайшего дикаря дубинку и собрался нанести ему смертельный удар, как вдруг его взгляд на чём-то остановился, а лицо исказил страх. Он что-то увидел поодаль, за спинами жмущихся друг к другу дикарей.

Рука фанатика безвольно опустила окровавленное орудие убийства, он упал на колени, ткнулся лицом в землю и забормотал молитвы, часто крестясь дрожащими пальцами и повторяя непослушным языком имя святой Девы Марии. Вслед за ним упали ниц и неловко закрестились ничего не понимающие дикари. Эта странная сцена продолжалась несколько минут. Затем фанатичный злобный монах вдруг дёрнулся и, смешно приподняв острый зад, пополз куда-то вперёд, извиваясь по-змеиному.

3.

Одинокий космический корабль стремительно и бесшумно рассекает чёрное равнодушное пространство гиперкосмоса, изредка оживляемое мелкими звёздными скоплениями и редкими планетными системами. Умные приборы оберегают его от столкновений с многочисленными блуждающими метеорными потоками, кометами и астероидами, следят за правильностью курса, поддерживают необходимый температурный и газовый режим внутри корабля, ведут радиообмен информацией с далёкой родной планетой. Но особенно тщательно они следят за соблюдением специального режима внутри овальной капсулы, размещённой в центральной части корабля.

Кажется, уже целую вечность космический странник пронзает пространство со скоростью, ненамного уступающей быстрому фотону. Много раз менялась картина созвездий на главном мониторе командного отсека, пока не проявились на нём очертания гигантского космического ковша, внутри которого возникла и стала быстро приближаться небольшая планетная система центрального типа из девяти планет, вращающихся по круговым орбитам вокруг стабильного светила шестой величины, относимого к разряду жёлтых «карликов».

На подходе к этой планетной системе космический странник погасил субсветовую скорость до суборбитальной, приборы изменили режим содержания загадочной капсулы, из которой удалили консервирующий состав и создали воздушную среду, богатую азотом и кислородом. К моменту выхода корабля на круговую орбиту вокруг третьей голубой планеты, крышка капсулы откинулась и из неё медленно поднялось и расползлось по стенам тёмнолиловое липкое жирное облако. Это «нечто», освоив ребристые стены командной рубки, столь же медленно и величаво сползло по вертикальным канальцам в небольшое углубление в центре рубки, затем, собравшись в скользкий комок, оно стало подниматься над полом, постепенно превращаясь в человекоподобное существо. Наконец, с трудом оформившись в гуманоида, «нечто» овладело своим непослушным телом и взяло управление кораблём на себя, сразу включив аппаратуру общего поиска. В течение многих витков голубой планеты вокруг своего светила никаких результатов получено не было, но однажды техника отреагировала на предмет поиска. Все еще расплывчатое, «Нечто» как-то сразу собралось, оформилось окончательно в фигуру молодого человека и направило корабль вниз, навстречу таинственным и столь долгожданным сигналам.

Его полёт готовила вся угасающая планета. Немногочисленное, уцелевшее после катастрофического удара гигантского блуждающего астероида население спряталось в подземных убежищах от космической стужи и ураганных ветров, оставшихся

господствовать на поверхности планеты. Но самое ужасное было не в этом. Самый страшный итог планетарной катастрофы заключался в уничтожении Божественного Камня, хранившегося в Главном Хранилище на острове Разума посреди океана. Огромный осколок развалившейся некогда планеты, гигантский железокаменный обломок размером с сам остров, на огромной скорости врезался в остров и уничтожил, превратив в огонь, дым и пыль. Вместе с ним испарился и драгоценный Небесный Камень, которому его родная планета обязана самой жизнью.

Попав в невообразимо далёкие времена на ещё необитаемую планету, этот хрупкий обломок древних чужих цивилизаций, содействуя эволюции своим живительным излучением, помог планете стать обитаемой и процветающей. Но, вместе с тем, он избаловал молодую цивилизацию своим постоянным присутствием. Изнеженный народ этой планеты не научился думать самостоятельно. Любое проявление мысли проверялось на Божественном Камне, а чаще всего мудрецы всей планеты на ассамблеях восседали вокруг чудесного советчика и молили его помочь им решить ту или иную проблему. Камень не отказывал никому, чем ещё более способствовал превращению всего народа в безвольных тунеядцев.

Лишившись такого безотказного чудесного помощника и попав в сложнейшие посткатастрофические условия, нация приуныла и приготовилась вымирать. Всё застыло на планете. Не появлялись новые свежие идеи в головах учёных, не спорилась работа в руках умелых мастеров, даже почти перестали рождаться дети. Необходимо было спасать цивилизацию.

Огромными усилиями самых отчаянных уцелевших учёных и техников для спасения цивилизации был организован поиск подобного чудо-камня в других мирах. Долгие годы поисков не приносили результата, пока вдруг в легендах одного дикого народа на окраине галактики не обнаружились следы подобного чудесного Камня. На Всемирном Совете было решено все силы бросить на снаряжение космического корабля, способного достичь пределов той звёздной системы и привезти на вымирающую планету Камень-Спасатель.

Вся планета работала над подготовкой суперкорабля, способного достичь окраины Галактики и выполнить спасательную миссию. Весь народ участвовал в выборе героя-звездолётчика, пока не доверил это почетное и великое дело именно ему, Эборгу. Наконец, он, Эборг, преодолев огромные расстояния и бессчётные опасности, приступает к заключительной части своей великой миссии. Камень найден, надо лишь взять его и вернуться, как вдруг возникли осложнения. Оказалось, что пресловутый дикий народ уже давно не дикий. Их цивилизация ненамного отстала в развитии от его родной, а кое в чём – и превзошла. И они вовсе не жаждут отдавать свой Камень кому бы то ни было, и за Камень надо будет ещё побороться, а это было так необычно и неприятно для Эборга, потому что он никогда не пытался за что-нибудь бороться и никто никогда его этому не учил.

4.

Что было сил бросился храбрый Унушу прочь от врагов. Троих из них он успел уложить наповал своими точными стрелами, а пока остальные мешкали, по тайной звериной тропе, на которой не раз ставил ловушки на диких свиней и коз, кинулся вверх к спасительным тайным пещерам его племени. Но погоня не оставила его. Унушу оглянулся и увидел, что враги обходят его со всех сторон, тесня к неприступным отвесным скалам, нависающим над морем. Из последних сил бросился юноша к тёмным уступам, стремясь укрыться среди них от преследователей, сознательно уводя вражеский отряд от места, где должно было прятаться и ждать его родное племя. Стремительно он добежал до скал, но враги догоняли. Особенно старался уродливый детина со шрамом через всё лицо от правого виска к левой щеке. Он кричал громче всех, бежал быстрее всех, и его стрелы

летели дальше всех. Вот дикарь приостановился, присел и с колена выпустил стрелу, просвистевшую совсем рядом и едва не попавшую Унушу в правое бедро.

Дикари набежали со всех сторон, и Унушу ничего не оставалось, как ринуться к скале и, цепляясь за камни и мелкий кустарник, полезть вверх. Подниматься было трудно и страшно. Камни сыпались из-под ног, кусты и корни не держали, но внизу сопели преследователи, и останавливаться было нельзя. Вот еще один выступ, здесь корень молодого дубка предлагал себя в помощь, там небольшая ниша, где можно немного отдохнуть. Запыхавшийся Унушу, распластавшись на скале, отдыхал, мучительно хватая воздух усталыми лёгкими. Перед его глазами был потрескавшийся от старости и изъеденный туманом известняк, в котором он увидел вдруг глубокую трещину, зигзагами уходящую вглубь скалы. В этот момент ему в правое плечо попала коварная стрела. Тут же ещё одна вонзилась в левую руку. Он взглянул в сторону, откуда летели стрелы, и увидел на соседнем уступе того страшного дикаря со шрамом через всё лицо. Безобразный урод в грубых шкурах забрался на небольшую площадку по соседству и в упор расстреливал юношу. Третья стрела поразила левое бедро, и тотчас нога стала неметь и стынуть.

Унушу понял, что ему уже не уйти от врагов, но надо выполнить последнюю волю старого вождя, спасти святой амулет. Он умудрился нестерпимо болевшей левой рукой снять с плеча лук, вложить в него стрелу, изо всей силы натянуть тетиву из жилы сохатого и всадить её ликующему дикарю со шрамом прямо между глаз. Со звериным воем смертельно поражённый гигант полетел в гулкую пропасть. Затем юноша неимоверным напряжением сил постарался снять с шеи кожаный мешочек с заветным амулетом вождя, для того чтобы спрятать его в обнаруженную глубокую трещину, но с захолонувшим сердцем вдруг не нашёл его у себя на шее.

Ужасная потеря совершенно обессилила юношу, сознание стало его покидать, усталые пальцы разжались, и он полетел уже без памяти в гудящую бездну и в пенистый прибой. Последнее, что осталось у него в угасающем сознании, это чья-то огромная тень, накрывшая его, и странный свистящий звук, и дуновение свежего ветра в душный зной.

5.

Огромный лиловый с жёлтыми рисованными полосами тигр, смешно вращая глазами, смотрел на Марину из-за поваленного кедра. Ей надо было пройти мимо него по тропинке, где-то там вдали её ждали мама и папа, но тигр был свиреп, топорщил усы и круто выгибался, как соседская кошка Мурка на пробегавшую мимо собачонку. Марине было страшно и жутко, но интригующе забавно, она пошла по тропочке мимо гримасничающего тигра, а зверь вдруг кинулся на неё, затем неожиданно оборотился красным дребезжащим, громко звонящим трамваем, который всё наезжал, наезжал и звонил без конца. Марина в страхе отстранялась от него, закрывалась руками, кричала что-то в отчаянии и вдруг проснулась в своей старенькой кроватке в детской, где на стене висел коврик с забавным тигрёнком, а на тумбочке трезвонящим трамваем заливался изнемогающий трудяга-будильник.

Как приятно просыпаться, спасаясь от кошмарного сновидения, и ощущать, что страх твой всего лишь сон, что все на свете хорошо и солнечно, что где-то есть на свете мама и папа, твои друзья и твои любимые вещи, что стоит только откинуть одеяло и ступить босыми ногами на пол, как тотчас начнётся новый день, который должен принести что-то новое и замечательное. Что Марина и сделала. Она ступила на покрытый толстым паласом пол и этим обыденным движением открыла новый июльский день, который начался с телефонного звонка.

Звонил Сашка и сообщил интересную новость. Вчера он с отцом был на рыбалке под Сестрой с ночёвкой. Палатку они поставили в устье реки на левом её берегу на террасе, и поздно ночью перед сном он заметил странное оранжевое свечение на соседних

скалах. Сашка показал его отцу, но тот не обратил на таинственное мерцание на прибрежных скалах никакого внимания.

– А кто его знает, сынок, – отмахнулся отец. – Может, это от Луны отражение, вон она какая сейчас большая в полнолуние, а может, просто так кажется нам с тобой. Ты о рыбалке думай, где нам с тобой утром удочки забросить, да не с пустыми руками домой прийти. Мамка опять ругаться будет. Скажет, шляетесь, бездельники, полными ночами, а толку от вас никакого нет – и права ведь будет.

Но Сашку рыба не очень интересовала. Тем более что он точно знал, что на скалах светился не лунный блик и не его разыгравшееся воображение. Утром Сашка нашёл то место, где полыхало оранжевое пламя, но это его не обрадовало. Место было очень высоко на узком уступе, и добраться до него было не просто. А под ним резкими зубастыми пиками торчали острые камни.

– Ты знаешь, Мариша, – так он звал иногда подругу на романтический лад, – я походил там после рыбалки и прикинул, как туда забраться. Давай быстро собирайся, я всё с собой взял – верёвку, карабины, крючья. Пашка уже ждёт нас. Ты возьми только поесть чего-нибудь посущественнее, а то у нас одна картошка да лук.

Маришины родители занимались бизнесом, и у них в холодильнике всегда было, что поесть, чем ребята нередко и пользовались. Да и не жалко было вовсе Марине банки тушёнки и кружка колбасы для закадычных и верных друзей. Договорившись о встрече на автовокзале, Марина положила трубку, быстренько позавтракала ещё горячей котлетой с макаронами, бросила в маленький рюкзачок купальник, нехитрую провизию из холодильника, пару банок консервов и выскочила на улицу.

Июльский день опять радовал теплом, горячим солнцем, не успевшей запылиться зеленью на деревьях. Ночью прошумел небольшой ливень, оставив на тротуаре чистые лужицы. Кое-где доцветал жасмин, наполняющий воздух щемящей прощальной прелестью своего праздничного аромата. Идти было легко и приятно, и Марина даже пожалела, что слишком быстро добежала до автовокзала, где её уже поджидали закадычные друзья – Сашка и Пашка. Заводилой у них был рыжий Сашка, с красно-коричневой патлатой шевелюрой, в веснушках и с облупленным носом. Характер у него был взрывной, но бесконечно справедливый. Из-за этого у него частенько случались стычки со сверстниками, в которых неизменно побеждал Сашка.

Дело в том, что он, даже жестоко в кровь избитый, никогда не сдавался, отчего более сильные противники отступали, ошарашенные его стойкостью. С Сашкой Марина училась с первого по пятый класс в 14-й школе, а потом она перешла в новый класс в только что отстроенную 12-ю школу, а Сашка остался в прежнем классе. С Пашкой же она только что отучилась в 8-Б классе и вместе перешла в 9-й Б. Паша был умным, рассудительным и немногословным мальчишкой, но тоже верным рыцарем её образа. Худощавый и высоковатый, он был немного близорук и носил очки в круглой оправе, чем напоминал Валеру, героя знаменитого детского боевика «Неуловимые мстители».

Зимой они вместе проводили свободное время, помогали друг другу с «домашкой», бегали на каток и осваивали лыжню, а уж во время летних каникул были вообще неразлей вода. Всегда втроём бродили они по окрестностям Находки, освоили все пляжи города, уходили с маленькой палаткой на несколько дней в отдалённые живописные бухты со странными названиями: Юз-гоу, Таз-гоу и даже в такую не очень близкую бухту – украшение Находки – в бухту Три Озера, где действительно были три небольших чистейших озера с обилием диких уток. Возле одного из них ребята нашли стоянку древних людей с остатками каменных орудий, кремневыми наконечниками стрел и костями съеденных нашими предками животных.

А сейчас их путь лежал на левый берег устья реки Сучан, к подножию похожей на пирамиду сопки Сестра, на склоне которой Сашка обнаружил какое-то загадочное свечение. По правде говоря, не особенно верили они в некое свечение, а просто интересно им было открывать и исследовать малоизвестные уголки в окрестностях родного города.

Ребята устроились на самых удобных местах в хвосте салона, автобус мягко заурчал и покатил по давным-давно знакомой им дороге.

– Слышали, вчера один парень на Пограничной умер от передозировки, – хмуро сказал Пашка. – Я с ним года два назад общался, когда он еще нормальный был. Он тогда рисовал здорово, на гитаре мог сыграть что угодно. А недавно его встретил – глаза пустые, сам никакой, еле идет, говорят, на героин подсел. Крыша и съехала. Никак не мог дозу достать, а вчера у кого-то выпросил, да сразу два шара себе и вкатил…

Марину передёрнуло:

– Не понимаю я этих дурачков. Все же знают, что один раз попробовал – и всё, на всю жизнь рабом шприца становишься. Совсем не длинную жизнь – они же до 35 лет не доживают. Подлые сбытчики им впаривают: – «Попробуй! Попробуй! Только один раз! Не понравится – не будешь больше!». Дураки верят, пробуют, привыкают и, как бараны, идут стадом на убой, обогащая мерзавцев-наркодельцов.

– Я как раз вчера Абдуллу видел, – вставил Сашка. – Он опять с «товаром» приехал. Всю ночь к нему машины сновали одна за другой. Все приезжают тусклые, квёлые, чуть живые, а уезжают – глаза блестят, лица наперекосяк от счастья. Вот, мол, сейчас закайфую, а завтра продам дозы, «бабок» настрогаю и долги отдам.

- Ага, и становятся рабами таких, как Абдулла! – добавила Марина, - Об одном лишь думают, как бы денег добыть и дозу купить.

– А я вчера, когда с рыбалки приехал, – снова вставил Саша, – Штымпу врезал по затылку, наркоту у него отобрал и высыпал в помойку. Так он её из контейнера собирал в обратно в пакетик. Собирает, а сам плачет от такого горя.

– Да Штымп то особо не виноват, – сказал рассудительный Паша. – Он уже законченный наркоман, с иглы никогда не сойдет. Наказывать надо тех, кто их снабжает «зельем», кто продает дозы. Тех же Абдуллу с Цибулей.

Марина вспомнила хлипкую жалкую фигуру наркодилера Цибули, похожую на луковицу зелёными перьями вниз, и её опять передёрнуло от отвращения.

У Сашки заблестели глаза:

– А главное, ведь все знают, чем занимается Абдулла. И никто его не остановит! Даже менты чуть ли не честь ему отдают! – он вдруг хихикнул в кулак. – Я ему сегодня ночью подарочек оставил – запоры на воротах эпоксидкой залил! К вечеру, может, выберется, если новые замки и ворота поставит.

Они вышли из автобуса сразу за мостом, по рыбацкой тропке спустились к реке и пошли вниз по течению. Лагерь решено было разбить на месте Сашкиного с отцом ночлега. Поставили там малюсенькую двухместную палатку с полом, смастерили из камней и рогулек очаг, побросали в палатку спальные мешки, рюкзаки и отправились на рекогносцировку.

Точно определить, где же было странное свечение, Сашка, конечно, не мог. Но, ориентируясь на лагерь, он прикинул его примерное положение, и оно оказалось в самом неприступном месте, на скальном участке подъёма. Наобум лезть на сопку не стоило, и ребята с радостью искупались в медленно стекающей в море речке, а затем, наскоро перекусив, занялись рыбалкой. К вечеру на куканчике у них болтался десяток мелких рыбёшек и один средних размеров линок, выловленный, как ни странно – Пашкой, хотя обычно рекорды ставил везучий Сашка.

После ухи, сваренной и слегка переперченной Мариной, но съеденной всеми с завидным удовольствием, и крепкого чая, когда начало смеркаться, стали ожидать таинственного свечения, но того всё не было.

Уже давно стемнело, город по ту сторону реки разгорелся электрическим заревом, вокруг разлетались мигающими маячками светлячки, а обещанный Сашкой эффект не объявлялся.

– Саш, а, может, тебе действительно показалось? – начал ехидничать Пашка. – Может, это ракету кто пустил, или от окурка трава занялась да погасла?

Сашка сидел хмурый, жевал травинку и всё смотрел в сторону горы, где он вчера наблюдал нечто непонятное.

– Я не знаю, что это было, но оно было! – сердито, но уверенно сказал он. – Я не шизик и не мистик, чтобы придумывать странные истории. Не знаю, повторится ли это явление сегодня или нет, верите вы мне или нет, но я видел что-то очень необычное, – закончил он, как отрубил, и замолк, смотря на сопку и покусывая травинку.

6.

Сумрачные коридоры Ватикана редко бывают многолюдны. Построенные несколько веков назад с единственной целью – подавлять посетителей своим величием – они столько лет исправно достигали ее. В этих коридорах никогда ни у кого не возникало мирских желаний, никогда радостный смех не раздавался за этими печальными анфиладами. Зато сколько величайших интриг было сплетено за «божественными» стенами, сколько судеб как личных, так и государственных было загублено под этой «святой» крышей, сколько жизней оборвалось по высочайшей указке из этих, обитых красным бархатом, кабинетов.

Об этом думал младший папский библиотекарь прелат Дионисий, идя в парадной сутане на приём к его святейшеству кардиналу Августину в его угловой кабинет на Святой площади государства Ватикан.

Секретарь уже поджидал его. Он показал ему рукой на кабинет и негромко сказал:

– Его святейшество ждёт Вас.

Прелат вошёл в кабинет и утонул в древней роскоши парчового кабинета, в странной смеси средневековой мебели из черных африканских пород деревьев и современной офисной мебели с электронной начинкой. Кардинал сидел один за огромным, во весь зал, столом и внимательно смотрел на вошедшего. Это был грузный мужчина лет под шестьдесят с унылым лицом и с длинным кавказским провисшим носом, одетый в серую мантию с красным подкладом. Он подождал, пока прелат удобно устроится в кресле, и тихо спросил:

– Что привело Вас ко мне, отец Дионисий? Что нового в нашей библиотеке?

Прелат собрался с духом:

– Ваше святейшество! Как вы знаете, основная задача нашей работы в прекрасной Папской библиотеке заключается в разборе многочисленных документов, с древнейших времён хранящихся в ней. Все её сотрудники каждый день занимаются изучением свитков, булл и прочих бумаг, которыми изобилуют тайные хранилища Ватикана. Несколько дней тому назад я неожиданно обнаружил заброшенные, совсем не разобранные бумаги середины тринадцатого века, среди которых меня особенно заинтересовал дневник папского миссионера Алквилла, посланного папой Ценчио Савелли на восток обращать тамошние дикие народы в христианство.

Алквилл, отличавшийся особой жестокостью и фанатизмом, с группой вооруженных монахов отбыл на двух римских судах в Причерноморье, затем через Персию и Аравию достиг Древнего Китая и должен был направляться далее в Индию. Однако он почему-то не пошёл в Индию, а повернул на север и попал в восточную Сибирь, через которую достиг Тихоокеанского побережья в районе нынешнего российского Приморья. Здесь он покорил крупное племя диких манчжур, с которыми начал с необъяснимым упорством воевать против местных племен. Опустошив целые районы Дальнего Востока, он внезапно таинственно исчезает после одной из схваток с местными племенами. Последние уцелевшие его друзья-соратники еле выбрались живыми из таёжных дебрей Приморья и через три года добрались до Папского трона, где их встретил совершенно другой Святейший Папа, которого они уже абсолютно не интересовали, поскольку начиналась очередная делёжка захваченных германских земель, и Папа не мог отвлекаться на всякие восточные глупости. Их докладные записки собрали

в свёрток и, не читая, бросили в тёмный угол папской библиотеки, где они и пролежали более семисот лет.

А между тем, в дневнике Алквилла было очень много интересного, на что я и обратил внимание. В них рассказывается, что в Северном Китае Алквилл со товарищи освободили из китайского плена старого больного чжурчженя, который в благодарность за это рассказал ему об одной реликвии Племени Белого Леопарда, как они себя называют. Так вот, это племя, по словам Алквилла, обладает волшебным Небесным Камнем, который оказывает племени помощь в добрых делах. С тех пор как к хижине Вождя племени с неба упал этот красно-оранжевый, всегда теплый и ласковый камень, народ племени забыл о голоде, неурожаях, морах, болезнях и прочих бедах. Племя стало непобедимым для любых врагов и искусным в ремёслах.

Впервые на Дальнем Востоке оно занялось неслыханным – наряду с охотой и рыболовством стало на выжженных землях сажать злаки и овощи, и всегда им сопутствовал прекрасный урожай. Узнав о чудесном камне-обереге, Алквилл пренебрёг чудесами Индии и отправился к чжурчженям. Покорённые им многочисленные племена диких манчжуров, следовавшие вместе с ним, не встречали нигде серьёзного сопротивления, пока не вышли на племя Белого Леопарда.

Однако хитрый Алквилл не стал сразу воевать с сильным племенем. Он постарался войти в доверие к старому вождю, задарив его дорогими подарками – германскими клинками и парижскими зеркалами, которыми восхищался весь тогдашний цивилизованный мир. Миссионер открыто восторгался чудодейственным амулетом племени, ему удалось даже уговорить старого вождя показать его и позволить подержать его в руках, после чего им овладела безумная страсть к обладанию этим необыкновенным камнем. Он предложил вождю продать амулет ему за золото, которого он немало награбил у разорённых племен в богатом этим металлом крае. Но мудрый вождь отверг предложение с негодованием, чем и обрёк племя на длительную войну. Несколько лет длилась в дальневосточной глухой тайге неистовая битва за Небесный Камень.

Но сколь ни мужественно боролся таёжный народ с нападавшими, сколь ни велика была помощь Небесного Оберега, всё же сила святого Креста оказалась сильнее. Племя было вынуждено отступить в тайные схроны, спасаясь от полного истребления. К сожалению при бегстве амулет был утерян в местах, описанных в дневнике, и, несмотря на яростные поиски полубезумного Алквилла, найден не был. Через несколько дней миссионер и сам исчез в дремучей тайге при невыясненных обстоятельствах, но успел описать все свои приключения в походных записках. Перед исчезновением он взял с товарищей клятву, что они во что бы то ни стало доставят его записи к Папскому Престолу. Клятву свою соратники по кресту выполнили тяжкою ценою своих жизней. Только двое соратников Алквилла из тысячи вернулись в Рим с его отчётом, – тихо закончил свой рассказ богослов-книжник.

–И что вы думаете по этому поводу? – спросил задумчиво кардинал. – Что вас так поразило в этой старинной истории?

Ваше Преосвященство, – ответствовал книжник, – я полагаю, что эта история связана с известной вам легендой о Чаше Святого Грааля или о священном Камне Шамбалы, Камне Шантамани, как его называют в Азии. Согласно старинной восточной литературе, в 331 году нашей эры с неба в Тибетские скалы упал с неба священный камень, который при падении распался на несколько частей, разлетевшихся в разные районы мира. Этот камень по преданиям обладает могучей мистической силой, помогая своим владельцам в добрых делах. Упавшие с неба обломки чудесного камня дали толчок к развитию многих древних цивилизаций, способствовали гуманизации жестокого древнего мира.

Впоследствии страны, имеющие в собственности такой священный осколок, сделали поразительный скачок в развитии, намного опередив своих не столь везучих соседей. Но, согласно древней легенде, феноменальный успех ждёт ту страну, которая

сможет собрать вместе все фрагменты волшебного камня. Именно эту проблему пытался решить Адольф Гитлер своими тайными экспедициями в Тибет в тридцатых-сороковых годах. Но, слава господу, у него ничего не получилось.

–Но насколько это всё достоверно и что конкретно вы предлагаете, отец Дионисий?

–Ваше преосвященство, мы получили сообщение от секретного агента из Израиля. Именно там сейчас находится один из обломков Священного Камня. Так вот, недавно наш агент сообщил, что в последнее время израильский фрагмент сильно активизировался, наблюдается постоянное свечение, временами происходит процесс выброса неизвестной нам энергии, после чего свечение притухает. Вполне возможно, что где-то обнаружен неизвестный фрагмент, с которым происходит повышенный диалог на полевом уровне. В настоящее время мы не знаем других мест, где бы мог быть обнаружен подобный объект, кроме как на юге российского Дальнего Востока. В дневнике Алквилла совершенно точно указан район, где был утерян чудесный Камень. Сейчас это гора Сестра в окрестностях города Находка в Приморском крае. Кстати, именно в этом районе Земли в последние годы отмечена необыкновенная активность неопознанных летающих объектов, так называемых НЛО. Они тоже проявляют интерес к подобным явлениям.

А предлагаю я организовать экспедицию в этот район под совершенно легальным предлогом развития там католицизма. Сейчас в России можно делать всё, что угодно. Полагаю, я сам справился бы с этим непростым заданием. Помощника найду себе на месте из местных католиков или из кого-нибудь ещё. Я думаю, – он выдержал значительную паузу, – что настойчивостью, деньгами и с божьей помощью мы сможем вернуть этот уникум в лоно нашей церкви. Это всё, что я хотел Вам сообщить, Ваше Преосвященство.

– Спасибо, отец Дионисий, – задумчиво поблагодарил богослова кардинал, – мы подумаем об этом и в самое ближайшее время сообщим Вам о наших планах. А пока продолжайте изучать все связанные с этой историей документы. Но, я думаю, что в эту авантюрную историю не должны впутываться служители господа. Найдите среди ваших знакомых человека преданного, и способного выполнить такое непростое поручение. Мы снабдим его средствами и необходимыми документами.

Вечером следующего дня в небольшом китайском ресторанчике недалеко от знаменитого Колизея патер Дионисий встретился с неким, очень похожим на него, господином. Отличался господин от уважаемого богослова-книжника лишь присутствием на бородатой физиономии наглого бесстыжего взгляда, присущего откровенным бандитам. Они беседовали около часа, изредка прерывая тихий разговор краткими тостами, поднимая перед собой изящные фужеры с красным вином.

Через неделю католический миссионер с документами патера Дионисия, с сомнительной чёрной бородкой и наглыми жадными глазами, отправился с миссионерской миссией в Приморский край, в город-порт Находку.

7.

Марина Сашке доверяла полностью – конечно, что-то было необычное в тот вечер на склонах горы Сестра, что-то он видел. Но для неё это было совсем не так важно. Ей было просто приятно посидеть тёплым вечером с друзьями на берегу реки, и этого уже было достаточно для хорошего настроения.

– Будет что или не будет, ребята, это не главное. А самое главное, что мы сейчас сидим у костра и нам хорошо вместе. А вот и Луна из-за горы показалась, смотрите, какая огромная. Здорово-то как! – восхищенно закончила она и вдруг осеклась и испуганно протянула. – А это что? – и показала рукой в сторону сопки.

На одном из её скальных уступов разгоралось оранжевое зарево. Оно слабо мерцало, но с каждым мерцанием становилось всё ярче и заметнее. Вдруг медленно

набиравшее силу свечение ослепительно вспыхнуло, и из него вырвался тонкий оранжевый луч, ушедший вертикально в небо и потерявшийся где-то в далёких таинственных космических просторах. Ребята застыли, зачарованно глядя на необычное явление. Однако после выброса энергии свечение потускнело, оранжевый огонь притух, только временами ещё вспыхивал редкими всполохами, рассыпался яркими искрами и снова притухал. Ребята затаили дыхание. Марина так крепко впилась ногтями Пашке в руку, что её ногти посинели, а Пашкина рука побелела, но они оба этого не замечали.

Заворожённые необычайным зрелищем, ребята не сразу заметили яркую звёздочку в небе, как раз там, куда ушел оранжевый луч. А эта звездочка, едва появившись, стала быстро увеличиваться в размерах, и Марина её приметила, когда она стала самой яркой на небосводе.

– А это что? – в очередной раз изумилась она.

Пашка, едва взглянув, вымолвил:

– Да, летит что-то. Самолёт, наверное.

Саша возразил:

– Какой самолёт? Так тихо и столь стремительно ни один самолёт не летает.

Паша, присмотревшись на быстро приближающуюся и увеличивающуюся в размерах звёздочку, вдруг ахнул и прошептал:

– Ребята, да это же «тарелка»! Настоящая «летающая тарелка» или по-научному – «НЛО», что значит Неопознанный Летающий Объект. Вот это да, ребята! А я думал, что это всё выдумки про них психи разные рассказывают.

Между тем звёздочка стремительно выросла и зависла над оранжевым свечением уже ярко сияющим шаром. Затем шар медленно сместился ниже на поляну, опускаясь перед ребятами всего метрах в двухстах. Перед самой землёй он выпустил три длинные опоры, опустился на них, немного покачался, как бы устраиваясь поудобнее, и стал похож на избушку на трёх худых курьих ножках. Затем ребята увидели, как снизу у шара выдвинулась вертикальная лестница, и по ней стала спускаться высокая стройная фигура в серебристом не то скафандре, не то просто костюме.

Сашка не вытерпел:

– Инопланетянин! – восхищенно протянул он, – давайте встретим его как следует, познакомимся, может он нас на своей «тарелке» покатает.

И, не дожидаясь ответа, он вскочил и кинулся к пришельцу. Не желая оставлять друга одного, за ним кинулись и Марина с Пашкой, хотя в душе Марина была не совсем с ним согласна. Она читала где-то, что подобные контакты могут быть опасны для людей, но рассуждать было некогда.

Неожиданно ребята увидели, что пришелец резко остановился, оглянулся на них, поднял руку с ладонью, обращенной к ним, словно тормозя их, и они остановились, буквально упёршись в упругую, но плотную среду, которая не пускала их дальше. Напрасно Пашка и Сашка руками и ногами пытались преодолеть это необычное препятствие. Они словно хотели пройти сквозь поролоновую стену, сначала мягко уступающую, но затем упорно и осторожно, отталкивающую.

Пока они так барахтались, высокий пришелец поспешно вернулся обратно в шар, тотчас втянувший в себя опоры и стремительно и бесшумно исчезнувший в залитом лунным светом небе. Упругое сопротивление среды внезапно исчезло, и ребята кубарем повалились вперёд на траву. Ошарашенные, они и не пытались подняться, лежали вповалку, только смотрели друг на друга широко раскрытыми глазами и покачивали головами.

– Вот это да, – только и смог, наконец, вымолвить Пашка. – Что все это значит?

– Это много что значит, но самое главное – что мы дураки безмозглые, – вдумчиво ответила Марина. – А всё ты! – она указала на Сашку. – Зачем кинулся, сломя голову. Мы спугнули их и не узнаем теперь никогда, что им было надо.

– Это надо хорошенько обдумать, – в тон ей ответил умный Пашка, – но мне кажется, что пришелец хотел что-то взять на скале. Скорее всего, именно то, что там светилось. Вы же видели, он направился прямо к месту свечения, но мы ему не дали этого сделать. Почему-то они не хотят, чтобы мы об этом знали. А если так, то они попытаются это сделать в другой раз, когда нас здесь не будет.

– А это значит, – продолжил догадливый Сашка, – что, либо мы должны их тут ждать в засаде, либо, – он задумался, – либо должны опередить их и взять то, не знаю что, сами на скале. Смотрите, свечение ещё продолжается. Видите, ещё чуточку отсвечивает.

На тёмном склоне горы действительно было ещё заметно слабое мерцание оранжевых бликов.

Марина сонно зевнула, устало потёрла глаза и сказала:

– Ребята, а уже светает. Ясно, что мы спугнули звёздных гостей. Сегодня сюда уже никакая «тарелка» не прилетит, а нам надо немного поспать – днём придётся немало полазить по скалам и посмотреть, что же там так заманчиво светится, что на это мерцание даже из космоса инопланетяне слетаются, как бабочки на костёр. Я предлагаю сейчас разбежаться по спальным мешкам и чуточку поспать, пока солнце не выкурит нас из палатки.

Предложение было принято как наиболее разумное, но перед сном ребята всё же успели установить на поляне колышки-вешки, которые днем при совмещении дадут точное направление на то место, где они ночью обнаружили загадочное свечение.

Проснулись они уже совсем поздно от пекущей духоты. Поднявшееся солнце так накалило палатку, что внутри получилась настоящая баня, вытерпеть которую, тем более, в спальном мешке, хоть и в лёгоньком, было невозможно. Немного помогло то, что солнце всё утро пряталось за Сестрой и вышло из-за неё только к полудню, сразу обрушив на ребят в палатке весь свой июльский жар. Проснувшись, они сразу вспомнили ночные события и пожалели, что не взяли с собой фотоаппарат.

– Расскажи кому-нибудь – ведь ни слову не поверят! – сокрушался Сашка, – А ведь нам не приснились ночные приключения. На самом деле мы видели и свечение на скалах, и «летающую тарелку» в виде сверкающего шара, и какого-то пугливого инопланетянина, и то, что мы барахтались непонятно в чём, а пройти так не смогли.

– Это силовое поле было какое-то, – оживился Пашка. – Они такой забор поставили от нас. Только непонятно, то ли это они за нас боялись, чтобы не навредить нам при взлёте, то ли они опасались, что мы узнаем немало лишнего. Мне кажется что, скорее всего, последнее.

– Ребята, – подала голос Марина, – нас было трое, и мы все видели одно и тоже. Это не может быть ни сном, ни галлюцинацией. Наркоту мы не употребляем, это все знают, не такие мы дураки. Надо, когда вернёмся в город, описать свои наблюдения каким-нибудь учёным, и пусть они разбираются. Только нужно исследовать это место, где что-то ночью светилось. Давайте, быстро перекусим, и за дело! Веревки, крючья, обвязку с карабинами взяли?

Получив утвердительный ответ, Марина разлила друзьям крепкий геологический чай, заваривать который они научились в прошлом году в гостях у морских геологов в их лагере в посёлке Приисковом, раздала бутерброды, и через пять минут торопливого завтрака ребята были уже готовы к очередным приключениям.

Нагрузившись альпинистским снаряжением, мальчики отправились к сопке, а Марина осталась в лагере в роли направляющего. Время от времени, когда ребята слишком отклонялись от нужного курса, она по ночным вешкам указывала, куда им следует идти. Так мальчишки подошли к сопке и стали подниматься. Сначала это было не очень сложно и, цепляясь за кустарник, молодые деревца, плетучку дикого винограда и лимонника, они поднялись метров на пятьдесят и упёрлись в скалистый мысок, круто вздымавшийся ломаными уступами к вершине. Марина стала подавать им знаки, по которым они поняли, что подниматься надо как раз по этим скалам.

8.

Ганс не любил Дюссельдорф, несмотря на то, что это был его родной город. Он родился и вырос в этом промышленном гиганте, застроенном бесчисленными фабриками и фабричками, заводами и заводиками, но основное место среди них занимал огромный химический комбинат, производящий удобрения, стиральные порошки, средства для мытья окон, посуды и еще десятки полезных порошков и жидкостей для домохозяек. Химкомбинат, до войны производивший вооружение и боевые газы, во время войны был полностью разрушен союзной авиацией. Однако, после войны он был заново построен по новому американскому проекту и поэтому считался очень современным, удобным и на удивление чистым.

Тем не менее, Ганс не любил свой родной город. Ему нравились небольшие немецкие, аккуратные городки, застроенные семейными коттеджами, возле которых на старинный манер размещались свинарники, курятники и крольчатники. Он мечтал, что когда-нибудь сможет построить такой дом в пригороде, чтобы после работы прийти домой и заняться своим личным хозяйством. А пока что он работал на ненавистном ему химкомбинате дежурным оператором, жил в скромной двухкомнатной квартире и раз в неделю по пятницам ходил в военный клуб, где встречался с бывшими солдатами вермахта за кружкой пива и баварскими колбасками.

Особенно он сдружился за последние годы с бывшим офицером СС Гельмутом Вентцелем, который в далёкие сороковые годы двадцатилетним безусым юнцом участвовал в секретной миссии фюрера в Тибете. Он и сейчас, старый и высохший, выглядел настоящим служакой, с прямой спиной и орлом во взгляде. А как он умел после нескольких кружек пива петь песни фатерланда. Когда старый солдат вскакивал и запевал:

– Горы служат Фюреру и ждут команды «Залп»!» – и все в баре вставали и подхватывали припев:

– «Веди нас, «Фюрер», в бой, Победа за тобой! Весь мир мы покорим с тобой, – у Ганса по спине пробегали мурашки счастливого ужаса, и он всегда удивлялся, как только стены и потолок древней таверны выдерживают такой взрыв живых эмоций.

Вот и сегодня, когда Ганс вошел в клуб, старый Гельмут уже сидел за своим обычным столиком под искусственной пальмой, и возле него уже стояли две кружки тёмного пива. Он призывно махнул Гансу, приглашая к столу. Когда Ганс подошел, уже изрядно набравшийся старый служака посадил его перед собой и, приобняв за плечи и выпучив глаза, вымолвил тайным полушепотом-полусвистом:

– Гансик, ты мне друг, и я хочу рассказать тебе одну старую тайну. Гансик, ты умеешь хранить тайны? Поклянись, что никому не расскажешь того, что я тебе сообщу сейчас.

После того, как Ганс поклялся именем фюрера, благодарный старик продолжил:

– В конце тридцатых годов меня послали по поручению самого Адольфа, – он закатил глаза от восхищения и поднял вверх скрюченный от ревматизма указательный палец, – в секретную экспедицию на Тибет. Мы там искали загадочную страну Шамбалу, в которой живут боги, мудрейшие из мудрых, одним словом – Учителя. Три года мы слонялись по этой высокогорной таинственной стране с самым загадочным народом на земле. Ветры, вьюги, морозы, и это летом, когда внизу в долинах зреет виноград и чай. Вокруг беднейший народец-тибетцы, питается только молоком от яков, костры разводит «кизяком» от них, и от холода спасается в их толстых и тёплых шкурах. Быки у них там такие высокогорные. Зато молятся они своим богам целыми сутками – с утра и до утра.

Вот однажды попали мы в жестокую пургу. Лето в зените, а мы на голом скалистом перевале замерзаем всей экспедицией из восьми немцев и трёх проводников из местных племён. Ветер с ног валит, снегом лицо забивает, яки вьючные легли мордой от ветра, прикрыли носы шерстью, и дремлют. Они привычные, а нам совсем конец приходит. И

вдруг откуда-то выходит к нам странный человек в лёгкой летней одежде с посохом в руках и в сандалиях на босу ногу. Мы глаза выпучили – откуда он в этой одежонке здесь взялся. А он улыбнулся нам, сказал что-то нашим проводникам и указал перед собой, приглашая идти по тропе вниз с перевала. Проводники нас тоже приглашают, но сами не идут, говорят, что им нельзя туда. А нам делать нечего – или здесь сгинуть, или, может быть, там ещё поживём. Пошли мы за незнакомцем. Откуда-то взялась широкая чистая тропа, прошли мы по ней минут пять и подошли ко входу в большую пещеру. Я гляжу внимательно, стараюсь путь запоминать, но дороги обратной не видно за снежной метелью. А пещера, точно, странная какая-то – вход очень правильной формы, дверей никаких нет, а как только вошли, сразу тепло стало, хоть раздевайся.

Отвели нас по длинному коридору в отдельную пещеру или, точнее, в комнату, потолок высоченный, стены ровные, покрыты розовой плиткой, не то гранитной, не то мраморной. Усадили по-восточному на ковёр, принесли чай, молоко, лепешки с сыром. Мы как только поели, так сразу спать захотели, и нас тут же на ковре и уложили. А ночью я проснулся, по нужде надо выйти, а куда идти – не знаю. От стен свет слабый идет, вижу несколько дверей в зале. Прошёл я одну, другую – никого и ничего. Прошел через третью и обомлел.

Попал я в странную комнату, вроде их усыпальницы. Стоят посреди просторного зала три каменных, едва прикрытых циновками ложа, а на них возлежат три гигантских человека, метра под три с половиной ростом, волосы белые, как молоко, и не понять, то ли они спят, то ли это мумии хорошо сохраненные. Лица величественные, спокойные, одно даже вроде улыбающееся, руки вытянуты вдоль тела. Тела завернуты в какие-то полотна, а в головах у них из камня вырублена каменная полураспустившаяся роза, и внутри бутона лежит сияющий камень. Светится камень тот глубоким сочным оранжевым светом, искорки в нем играют, лучики постреливают.

Удивился я такому камню, подошёл и взять хотел в руки, посмотреть, пощупать, как вдруг внезапно оказался на улице перед входом в пещеру. Там меня встретил буддийский монах в лохмотьях и отвёл в комнату к моим друзьям, где я ещё поспал до утра. Проснувшись, я хотел ещё раз пройти в ту комнату, где был ночью, но этой комнаты с гигантами не нашёл. Я точно запомнил дорогу, по которой прошёл ночью и утром повторил её, но никаких следов загадочной комнаты не обнаружил. Когда я рассказал про свои ночные приключения руководителю экспедиции штурмбаннфюреру Отто Крюгеру, он высмеял меня при всех, сказав, что всё это приснилось мне после таких чудовищных физических нагрузок в горах.

А впоследствии мне самому стало казаться, что это был просто кошмарный сон. Так я думал все эти долгие годы, пока мне на глаза не попалась заметка из журнала «Шпигель» о том, что во время культурной революции в Китае отряд хунвейбинов добрался до Тибета, где разорил немало буддистских храмов, а из одного пещерного города выбросил мумии трёх белокурых гигантов. Тела пролежали на склоне до темноты, их не трогали ни птицы, ни звери, а наутро исчезли, оставив лишь лохмотья истлевших одеяний. И тогда я понял, что всё это я видел в действительности, но от меня скрыли монахи свои тайны и я очень жалею, что не успел взять в руки тот чудесный камень. Очень может быть, что это и был осколок Чаши Святого Грааля, за которым мы так долго охотились и так обидно упустили.

Но вот что мне недавно сообщил мой хороший знакомый из России. Он работает уже третий год в каком-то германском фонде во Владивостоке. Я давным-давно рассказывал ему эту историю про великанов и про чудный камень в тибетской пещере. Так вот он мне написал, что однажды во время случайной встречи с одним из местных авторитетов тот обмолвился, что недавно подвозил в город троих подростков, с интересом рассматривавших у него в машине какой-то странный камень, светившийся глубоким внутренним оранжевым светом и испускавший тонкие острые оранжевые лучики. Он пишет, что сможет найти этих детей.

Но я дряхлый старик. Мне никак не справиться с таким путешествием. Вот если бы ты, Ганс, смог поехать туда вместо меня и овладеть этим камнем, то мы с тобой стали бы властелинами мира. Я очень прошу тебя поехать в Россию, в порт Находку! – зашептал Гельмут приятелю на ухо. – Поезжай под видом бизнесмена! Когда ты вернёшься сюда с камнем, я открою тебе его секрет. Ты, сынок, всю оставшуюся жизнь сможешь жить на широкую ногу, уедешь из отравленного Дюссельдорфа в Баден-Баден или на Канары, женишься на кинозвезде и получишь всё, что хочешь. Сынок, выручи старика, я очень тебя прошу. Все расходы я беру на себя, у меня есть кое-какие накопления на старость.

Ганс слушал повествование старого нациста с небывалым интересом. Он даже забыл про пиво, и пригубил его, только когда старик закончил свои воспоминания. Он не сомневался ни секунды.

– Я согласен, – кратко заявил он. – Если ты это серьёзно, Гельмут, то завтра я беру расчёт на заводе, послезавтра оформляю визу, ты телеграфируешь твоему другу во Владивосток о моём приезде, и я лечу туда, на дикий таинственный русский Дальний Восток.

Через два дня Ганс с документами от некой местной фирмы вылетел в Москву, а затем по бизнес-визе во Владивосток. Через три дня он уже жил в гостинице «Находка» в одноместном номере на третьем этаже и с удивлением взирал на прекрасную панораму города-порта с видом на залив Америка и на загадочную пирамидальную вершину под названием Сестра. Он ещё не знал, какие странные приключения свяжут его с этой величественной сопкой.

9.

– Ну что, Паша, пошли в связке. Я первый, ты страхующий! – Сашка был альпинистом поопытней Пашки, и его слово было здесь решающим. Так они и пошли, подбадривая друг друга, полагаясь на напарника и посматривая назад на направляющую их Марину. Крюк, верёвка, карабин, снова – крюк, верёвка, карабин. И так, шаг за шагом, они поднялись ещё метров на двадцать, и тут Марина показала перекрещенные руки и побежала к ним. Значит они на месте. Саша, шедший первым и находившийся повыше, забил покрепче очередной крюк, проверил карабин и осмотрелся. Они находились на небольшой площадке скального выступа, на ней можно было немного посидеть, передохнуть и поискать причину таинственного оранжевого свечения. Внизу подошедшая Марина одобряюще помахала им.

– Ребят, все отлично! Вы прямо на месте. Что там видно?

– Да ничего особенного, скалы да камни, да ты внизу, как букашка в купальнике, – проворчал висящий на крюке Пашка. – Сань, ты подвинься, я поднимусь, посижу немного, а то вишу здесь, как переспевшая груша.

Саша не сдвинулся в сторону:

– Паш, ты не обижайся, но ты не груша. Ты, Паш, прокисшая слива, а всё потому, что забываешь первое правило альпиниста, которое гласит, что лучше висеть, чем летать.

Саша встал в полный рост, вбил в трещину возле себя очередной крюк, зацепил за него веревку, переступил ногами устраиваясь поудобнее, и…. стремительно полетел вниз, поскользнувшись на каком-то предательском камне. Последний забитый им крюк не выдержал, вывернулся с куском скалы, и они оба с Пашкой оказались висящими на одном крюке, причём Сашка был теперь внизу и раскачивался эдаким живым маятником.

Паша мигом сообразил и успел вбить дополнительный крюк, стало спокойнее, но не легче. Пока Сашка болтался на веревке в метре от скалы, Пашка не мог сдвинуться с места, и они оба теперь болтались на одной верёвке и, как поняли – влипли вполне серьёзно. Марина внизу застыла в ледяном ознобе. Теперь Сашке надо было как-то дотянуться до скалы, затем по ней подняться до Пашки, забраться выше него, закрепиться

и только тогда начать спуск. Несколько раз Сашка начинал раскачиваться, пытался зацепиться за скалу и удержаться на ней, но всякий раз из этого ничего не получалось.

И в этот момент он заметил на скале, в глубине крохотного уступа, в узенькой трещине, из которой цепко тянулась вверх ветром туда заброшенная тоненькая берёзонька, не совсем обычный камень. Он был не как все. Все камни были самые обыкновенные – шероховатые, серые, остроугольные обломки древнего известняка, а этот был гладенький, как обмылок, овальной формы, темно-коричневого, но очень сочного необычного цвета, и Саше показалось, что внутри него вспыхнула какая-то искорка, как в том сердолике, который нашла Марина два года назад в Артеке на пляже и однажды показала друзьям.. Саша раскачался в очередной раз и, протянув руку, умудрился ловко снять камень со скалы. И снова камень его удивил. Он оказался внутренне тёплым, ласковым и, как ни странно, вызывал невольное уважение. Такое чувство возникает при общении с большой любовью изготовленной и очень полезной вещью.

Саша внимательно разглядел его, погладил, попытался безуспешно поцарапать ногтем, лизнул и потёр о брюки, пытаясь определить его настоящий цвет, сказал:

– Паш, какой-то камень чудной, – и положил в карман. Потом он снова раскачался на верёвке, цепко ухватился за скалу, ловко забрался на глазах восхищённого Пашки на карниз и сел на него, беспечно свесив ноги. Через минуту, передохнув чуточку и поняв, что сегодня им испытывать судьбу более не стоит, ребята стали спускаться. Вскоре они уже стояли рядом с Мариной и с удивлением глазели на злополучную скалу, где только что висели зыбкой гроздью, как переспевший виноград.

– Сашка, как ты здорово забрался на карниз! – восхищённо сказал Пашка, – Прилип к скале, как ящерица. Я уже думал, нам с тобой тут спасателей придётся дожидаться.

– А я и сам толком не понял, как это получилось, – смущенно ответил чуть покрасневший Сашка, – Как только этот камень в карман положил, так всё легко стало.

– Какой камень? – заинтересовались Пашка с Мариной.

Саша достал из кармана камешек-обмылок, и все обомлели. На Сашкиной поцарапанной ладошке лежал осколок Солнца. Камень светился глубоким внутренним оранжевым светом, как бы медленно перетекавшим внутри него. В нём постоянно вспыхивали мелкие яркие лучики, которые, как искорки, тотчас гасли, но вспыхивали следующие. Ребята молча смотрели на чудо-чудное, пока до Марины не дошло:

– Ребята, так вот что вчера там светилось, и вот за чем прилетала «тарелка»... Вы понимаете, что это значит?! Это значит, что надо удирать отсюда, пока инопланетяне не вернулись и не отобрали камень у нас. Видимо, это очень полезный камень, если за ним из Космоса прилетают такие шальные и пугливые гуманоиды. Срочно собираемся и едем в город.

Ребята незамедлительно свернули палатку и отправились на автобус, на ходу давясь бутербродами. На остановке перед мостом через Сучан никого не было. Номер 116 должен был подойти минут через двадцать, и ребята заскучали.

– Хорошо бы попутку снять, – мечтательно сказал Саша.

Он вытащил из кармана свою находку и опять стал её пристально рассматривать. Казалось, что камень заснул. Цвет его стал серо-пепельный, тусклый, только по его неровным краям пробегали искорки и колючие оранжевые лучики. Ребята вновь засмотрелись на странный камень, и не услышали, как возле них остановился истекающий чёрным лаком огромный «Лэнд Круизер». Ребята опешили. В кабине за рулём сидел и радостно и сердечно им улыбался ненавистный Абдулла.

– А-а, – протянул он, – молодым людям в город надо? Садитесь, подвезу! – Абдулла весь сочился радушием. – Вы что, с ночёвкой были? – спросил он, косясь на свёрнутую палатку. – А тут, говорят, ночью «тарелку» летающую видели. Не к вам, случайно, прилетала? У вас такая красивая девочка, кто хошь прилетит!

– Нет, не к нам, – хмуро ответил Сашка, устроившийся на переднем сиденье. – Но прилетала, это точно, мы её видели, и инопланетянина тоже видели. Но мы его спугнули, побежали к нему, а он испугался и удрал!

– О! О, интересно как, да? Инопланетянин, а удрал! Он что, вас испугался? Вы что, такие страшные? Что ему надо было тут? – продолжал он радушную беседу.

Ребят этот вопрос насторожил.

– Откуда нам знать? Он на «тарелке» прилетел и на ней же улетел обратно. Нам ничего не рассказал.

– А что это у вас за камень такой интересный был в руках? Я такого никогда не видел. У нас на Кавказе камней много, но таких не видел. Сердолик есть, красивый камень, но он совсем не такой. Покажи, пожалуйста, посмотреть хочу! – неожиданно попросил он.

– Какой камень? – простодушно спросил Сашка. – Тот камень я на дороге нашёл и выбросил уже.

– Зачем обманываешь? Я видел, ты его в карман положил. Покажи, пожалуйста, никогда такой камень не видел!

– Да нет у меня никакого камня в кармане, – разозлился Сашка. – Я не геолог, камни собирать.

Абдулла понял, что ребята скрывают свою находку, которая ему показалась очень интересной и напомнила один очень давний разговор, и сменил тему:

– А у меня сегодня совсем беда случилась. Какой-то озорник мне ворота все испортил. Утром в гараж зайти – не могу! Ворота открыть – не могу! Меня здесь все уважают – пожарные приехали, виручать хотели, сварку пришлось визивать. Совсем ворота менять надо. Хорошие ворота, новые ворота, зачем портить? Ты мне скажи, если тебе плохо, я помогу! Зачем ворота портить? – сокрушался он, поглядывая на ребят и ища сочувствия.

Ребята покивали головами, а Сашка даже причмокивал и приговаривал:

– Это надо же! Вот ведь как! Это надо же...

Но они, к счастью, приехали, наконец, на «Бархатную». Ребята суховато поблагодарили всё ещё качающего головой Абдуллу, и вышли из кондиционированной прохлады люксового джипа в душный июльский вечер. Подождав, пока Абдулла отъедет, они расхохотались.

– Знал бы Абдулла, кого подвёз, от огорчения бы помер.

– Так ему и надо! – зло вставил Сашка. – Наживается на смертях и болезнях, а из себя обиженного строит. Ему вчера за один вечер на сотню ворот баксов накидали, бедненький нашёлся.

В жаркий вечер им захотелось прохладного мороженного, и оно, конечно, было в знакомом «Бистро». Но денег на ледяное лакомство у них не было.

– Как жаль,– разочарованно протянула Марина.– Так захотелось лизнуть студеный пломбир.

Едва она произнесла это, как дверь кафе открылась и на улицу выглянула девушка в белом халате, продавщица мороженного. Она стрельнула глазами на ребят:

– Ребята, мороженного хотите?

– А как же?– разочарованно протянул Сашка.– Но денег у нас нет.

– Это неважно. У меня беда. Электричество отключили, и не скоро подключат. Пропадает мороженное в холодильнике совершенно напрасно. Вот возьмите, полакомьтесь. Хоть какая польза будет.

Милая девушка протянула ребятам три большущих стакана с белоснежным лакомством.

Когда они со стремительно тающим мороженным присели в скверике возле кафе, Сашка достал из кармана таинственный темно-оранжевый камень с мерцающими искорками внутри и сказал:

– Ребята, я вам так скажу – это не простой камень. Я это понял сразу, как только взял его в руки там, на скале. Только благодаря ему мы легко спустились со скалы. Взяв его в руки, я стал абсолютно уверен в себе, что со мной ничего худого не случится. А потом вспомните, как только мы подумали о машине до города, тотчас она появилась. Абдулла никогда не брал в машину посторонних, а тут вдруг сам остановился и подвёз. Я уверен, что это всё камешек «виноват». А история с мороженным? Только мы помечтали о нём, как тут же получили. Не зря инопланетяне за ним прилетали. Никому пока об этом болтать не надо. Ещё неизвестно, чем всё это закончится. Очень жаль, что его заметил именно Абдулла. Надо быть впредь поосторожнее. Камень предлагаю хранить у каждого из нас по очереди, чтобы никто чужой не знал, у кого он находится в данный момент.

На том они порешили и разошлись. До завтра этот заманчивый оранжевый камень остался у Сашки.

Когда Саша подходил к дому, уже сгустились сумерки. Ему осталось пройти через два темных проходных подъезда в длиннющих пятиэтажках. Но в самой первой арке его уже ждали. Три тёмных силуэта отделились от стен и лениво, по блатному шаркая ногами пошли ему навстречу. Одного в центре Саша узнал сразу. Это был известный всему району и городу наркоман и наркодилер Арапкин по кличке Цыбуля.

– Ну что, Рыжий, продолжаешь дуру гнать? Ты зачем у Штымпа дозу отобрал и в помойку выбросил? Ты знаешь, каких бабок это стоит? – с блатным акцентом, с издёвкой небрежно спросил он. – А ведь мы тебя предупреждали, очень просили – не мешай приличным людям хорошо жить!

Сашу разобрал смех.

– Это кто, ты что ли, такой приличный? Или придурковатый твой дружок Штымп, который за девять лет в школе читать не выучился? Сейчас от смеха умру. Ты, Цыбуля, негодяй, и все твои дружки-наркоманы – придурки. На бедах людских наживаетесь. Сами свою жизнь губите, и других идиотов туда же за собой тянете. Пока я здесь, не будет вам спокойной жизни. И не боюсь я вас, подонков.

– А-а, Рыжий, ты ещё и митинги устраиваешь? Ну, сейчас мы тебя отучим, язычок твой укоротим!.

Шпана обступила Сашу, прижав к прохладной шероховатой стене и разом кинулась на него, стремясь сбить с ног. Но Саша был далеко не новичок в уличных потасовках. Он не стал ждать, и первым же ударом снёс с ног обнаглевшего Цыбулю. Второго, незнакомого хлюпика, он уронил на исшарканный пол прохода элементарной подсечкой, а третьего, старого знакомого – обиженного Штымпа – просто кинул через бедро. Всё-таки он не терял время даром в секции по борьбе «самбо», и разобраться с обкуренными дистрофиками ему было не так сложно. Уложив их на прохладный бетон, он небрежно перешагнул через лежащую шпану, и уже совсем было выбрался из-под арки, как кто-то в темноте крепко схватил его за штанину и рванул вниз, выламывая ногу. Саша не удержался и неловко упал на бок.

Тут на него навалились все трое и начали весьма серьёзно колошматить. Пытаясь отбиться, барахтаясь в проходе, Саша вдруг с ужасом почувствовал, как у него в суматохе из кармана выскользнул заветный тёпленький обмылочек. Забыв об опасности, он изловчился и нащупал его на холодном бетоне. И как только он взял трепещущий, казалось, камешек в руки, как вдруг стал совершенно спокоен и расчётлив. Он стряхнул с себя сопящих недорослей, вскочил на ноги, отряхнулся и размахнулся правой изо всех сил, чтобы выдать им всем по полной программе, но, к своему изумлению, не увидел их рядом. Саша поднял глаза и увидел их всех троих почему-то с перекошенными от страха лицами, медленно отступающими к выходу из прохода. Саша удивился этому и вдруг с удивлением заметил, что весь светится. Его фигура была окутана неярким ореолом оранжевого цвета, эдакой аурой, слабо пульсирующей и даже отбрасывающей нечёткие тени от его врагов. Тени не было только от него самого. Перепуганная неожиданным явлением шпана резко развернулась и кинулась в спасительную темноту.

– Ещё раз поймаю с наркотой – так легко не отделаетесь! – запальчиво прокричал им вслед несколько помятый, но довольный Сашка. Его волнение и возбуждение прошло, а с ним успокоился и камень. Свечение его притухло, он успокоился и погас, только в глубине его ещё изредка вспыхивали далёкие искорки. Саша бережно и благодарно погладил успокоившийся и притухший камень и положил его обратно в карман. Спал он в эту ночь очень крепко, без сновидений.

10.

Вот уже целую неделю над далёкой, затерянной в саванне африканской деревушкой стоит тяжелая гнетущая тишина. Не слышно громкой человеческой речи, не слышно ни детского смеха, ни плача младенца, даже собаки не брешут по ночам, отпугивая голодных хищников. Хмурые молчаливые женщины на нещадно дымящих очагах наскоро готовят еду мрачным, отводящим глаза мужчинам. Те, так же наскоро и безразлично проглотив съестное, поспешно скрываются в саванне, подальше от помрачневшей деревни. Даже доблестный вождь племени, самый искусный воин Гоиша, тоже тихо сидит в своей хижине, не глядя на трёх своих жён и раздавая лёгкие подзатыльники притихшим детям.

Причина столь странного поведения простого и жизнерадостного народа была крайне проста. Как раз целую неделю не выходит из своей хижины главный шаман племени мудрый Тимбукту. Давно такого не было в деревне, с тех самых пор, когда на деревню упал страшный мор и половины деревни не стало за несколько дней. Тогда шаман удалился в хижину и все дни и ночи беспрестанно уговаривал злых духов оставить в покое его народ. Он вышел только тогда, когда страшная болезнь покинула деревню, и оставшиеся в живых, схоронив погибших, снова стали радоваться жизни.

Теперь же народ совсем потерялся в догадках. Что обеспокоило мудрого Тимбукту? Почему столько дней не смолкает бубен в его хижине, не стихают таинственные заклинания, не показывается он своему встревоженному народу?

Но вот как-то вечером вдруг стих его бубен, умолкли его камлания и, наконец, перед заходом солнца показался народу сам главный шаман – вещий Тимбукту. Вышел он посеревший от ночных бдений, исхудавший от магических напряжений, сел на своё место перед костром и молча стал ждать, пока пред его очи соберётся весь его народ. А когда собрались малы и стары, сильны и слабы, здоровы и хворы, он начал говорить свою долгожданную речь тихим голосом, но его слышал каждый.

–Люди моего племени! – обратился он к притихшим соплеменникам, – вот уже много солнц и лун я смотрел и слушал нашу судьбу, и то, что я увидел и услышал, очень меня опечалило. Мы дети саванны. Мы не можем жить нигде больше, как только в родной и знакомой нам до последней травинки саванне. Саванна дает нам еду, питьё и жилище. В ней мы рождаемся, живём и уходим к предкам, передавая саванну молодым. Наши предки прожили здесь многие тысячи лет, и нам здесь жить бы ещё многие-многие годы.

Но белые люди пришли к нам незваными и убивают саванну. В саванне уже нет зверя, и чтобы добыть его, наши охотники должны идти далеко в горы. В нашей саванне уже не растут на деревьях плоды, которые дарят нам жизнь и здоровье, и за ними мы должны идти очень далеко, в места, где ещё нет белых людей. Но это ещё не все наши беды. Духи сказали мне, что очень скоро в наши места придут белые люди, выроют глубокие шахты и начнут бурить нефтяные скважины. Тогда из этих мест совсем уйдёт весь зверь, перестанут плодоносить деревья и чёрные стервятники закружат над нашим посёлком. Белые люди совсем не думают о нас, и у нас нет никакой надежды на то, что они поймут нас и помогут нам. Много дней и ночей провёл я в беседах с духами, прося у них помощи для моего народа.

И духи подсказали мне, что в далёкой северной стране, в городе на берегу Великого Океана есть очень давно потерянный волшебный камень, который может нам помочь. Духи сказали мне, где этот камень и как его взять. Я должен отправиться в дальние края, добыть этот камень и вернуться с ним в родное племя. Этот волшебный камень спасёт наше племя и оградит саванну от белых людей. Но я старый человек, много сезонов дождей прошло на моём веку, и мне одному никак не справиться с таким тяжёлым путешествием. Мне нужен молодой сильный помощник и я хочу, чтобы со мной отправился в путь младший сын вождя Симба. Юный сын вождя Симба, где ты? Выйди на Круг и, прямо смотря перед собой, скажи племени, хочешь ли ты пойти со мной в далёкую северную страну и найти для своего народа чудесный спасительный оберег.

Народ, сидевший на центральной площади деревни, заволновался, услышав такие невесёлые известия от духов. Старики закачали головами и зацокали языками, молодые решительно задвигались и закричали, что тоже хотят пойти с Тимбукту в далёкую северную страну и добыть чудесный талисман для родного племени. Но тут толпа расступилась, и в центр вышел красивый юный негр Симба с золотым кольцом в носу и с золотой бриллиантовой серёжкой в мочке правого уха. В правой руке он держал бамбуковую пику с наконечником из рога молодой антилопы. Молодые девушки залюбовались его статной фигурой и закручинились, не желая, чтобы красавец Симба покидал их надолго. Но юноша, отважно потрясая пикой, объявил, что он рад отправиться с мудрым старым Тимбукту в далёкую северную страну и привезти оттуда волшебный камень, который поможет его племени сохранить привычный уклад, прогонит белых людей с их страшными шахтами и глубокими скважинами, из которых несёт мерзким подземным миром, с их машинами, губящими зверей и прекрасную саванну – туда, откуда они пришли. На том все и закончилось.

Старый Тимбукту и юный Симба стали готовиться к далёкому путешествию. Племя тоже начало приготовление к долгим и столь важным проводам. Охотники отправились в саванну за поросятами, чтобы отметить шумным праздником отъезд великого шамана, а женщины отправились в дальние пещеры за калебасами, в которых хранилась уже который месяц давно созревшая пьянящая и пенистая ананасовая брага, без которой и в Африке праздник не праздник.

Неделю гремели в деревне неистовые тамтамы. Подогретое сладкой бражкой племя поедало трёх добытых и целиком зажаренных поросят и бешено плясало прощальные танцы для своих пилигримов. Когда все калебасы опустели, а мяса не осталось даже на поросячьих рёбрах, ранним утром два путешественника вышли из родной деревни под прощальные песни племени и отправились к океану, чтобы там сесть на пароход, плывущий в далекую северную страну Россию. На плече сухого сморщенного старика висел видавший виды бубен из кожи молодого павиана, а юный горделивый негр в правой руке нес бамбуковое копьё, которое было заговорено самыми великими шаманами плоскогорья, а наконечник из рога молодой антилопы был вымочен в самом страшном яде Африки – бальзаме Четырёх Стихий.

На четырнадцатый день они дошли до большого океанского порта, где Тимбукту быстро договорился с капитаном либерийского судна, что за один небольшой камешек, размером всего с булавочную головку, необработанного алмаза, который старый шаман достал из своего бубна, он доставит путников в далёкий порт Находка, куда судно должно зайти за грузом леса. На следующий день сухогруз под либерийским флагом, с капитаном-малайцем, филиппинским экипажем и двумя необычными пассажирами вышел в море и взял курс на Находку.

11.

В последние дни в гостинице «Находка» наблюдалось заметное оживление. Персонал озабоченно носился по вестибюлю и по этажам, суетливо перетаскивая мебель и

гостиничное оборудование и что-то горячо обсуждая втихомолку. Из отрывочных фраз случайный посетитель смог бы понять лишь то, что на днях в гостинице ожидается прибытие неких знатных иностранцев, с коими следует обращаться очень бережно, не хамить, как всегда, прибирать за ними как следует, подготовить под них два люкса на третьем этаже, а в ресторане повара срочно осваивали блюда итальянской и немецкой кухни, из чего можно было заключить, что гости ожидаются именно из этих европейских стран.

Уборщица тётя Груня, недовольно ворча, в третий раз закончила протирать и без того сияющий пол в вестибюле и вышла на крыльцо вдохнуть свежего воздуха, когда к гостинице подрулила шикарная иномарка с дипломатическим номером и из неё вышел упитанный монах в чёрной сутане. На шее у него болтался массивный серебряный крест, а на сутане с правой стороны груди горел золотом значок с изображением знаменитой папской тиары. Близоруко щурясь и широко улыбаясь, он раскланялся со встречающей его дирекцией гостиницы, пожал им руки и, сослепу не разобравшись, пожал руку и едва успевшей избавиться от измученной швабры тёте Груне, отчего она крайне смутилась и покраснела, но невольно успела заметить в оттопыренном внутреннем кармане сутаны монаха тугие пачки новеньких зелёненьких денежек.

– Ишь ты, – удивилась она, – божий человек, а доллары любит. И куда же он их тут девать-то будет? Уж не на девок ли?

Она нахмурилась, сплюнула и украдкой перекрестилась.

Тем временем улыбающегося и кланяющегося монаха увели в палаты, а тётя Груня продолжала наводить чистоту, оттирая от пыли зеркальные стёкла входных дверей. Однако дирекция не ушла с крыльца, явно ожидая ещё кого-то. Действительно, вскоре к гостинице подлетел сверкающий чёрный «Мерседес», из коего выскочил крупный и резвый молодой человек в джинсовом костюме и с моднейшим саквояжем на колёсах. Опять повторилась церемония встречи высокого гостя, но руку тёте Груне никто более не жал, однако прибывший молодой человек внимательно оглядел её и едва приметно кивнул.

Когда уже перед концом рабочего дня тётя Груня вновь вышла на крыльцо проверить состояние чистоты вверенной ей площади, вдруг, откуда ни возьмись, возле неё появился тот самый монах в сутане. Он любезно улыбнулся ей, оглянулся по сторонам, вынул из кармана зелёную бумажку, сунул ласково в руку опешившей тёте Груне и полушёпотом спросил на невероятном русском:

– Гиде Сиестра?

Тётя Груня не поняла, но почему-то покраснела и, поспешно спрятав бумажку за лифчик, тоже таинственным полушёпотом спросила:

– Чья сестра?

А потом, вроде как сообразив, что у католиков они все вроде бы братья и сёстры, тем же полушепотом чисто по-русски, подмигнув, спросила:

– Что, девочку надо? Эх – святой отец, а всё туда же!

На это монах обрадовано закивал головой:

– Си, си, сиестра, сиестра!

Затем он изобразил руками какую-то крышу и показал куда-то на горизонт.

Тётя Груня поняла это тоже своеобразно:

– Так тебе, святой отец, девочку на дому надо? Эк тебя угораздило... Где ж я тебе найду сразу такую, да с удобствами? Щас, подожди тут, я с подругами погутарю.

Она проскочила в вестибюль, затем нырнула куда-то ещё, откуда вынырнула с размалёванной девицей в красной кожаной куцей юбке и в блузке, состоящей из одного декольте. Девица оценивающе посмотрела на монаха, взглянула на Груню:

– Ты не гонишь, Груша, бабки у него есть?

Затем она, развернув на зубастом рту радостную улыбку, лениво подошла к монаху, взяла его за руку, подмигнула и промолвила:

– Папик, поехали ко мне! Будет тебе девочка под крышей за твои бабки.

Новый постоялец оказался в весьма затруднительном положении. Будучи в сутане и со святым крестом на шее в незнакомой варварской стране, и желая лишь узнать от бестолковой старухи, где находится гора Сестра, он не придумал ничего другого, как отскочить от девицы с таким диким воплем, что к нему тотчас выбежала вся дирекция, которая полчаса успокаивала мнимого богослова, предлагая ему минералку, пальцем показывая ему с крыльца гору Сестра, не понимая, однако, на кой ляд она ему сдалась. Ошарашенной тёте Груне директор исподтишка показал кулак и покрутил палец у виска.

Едва закончился переполох с монахом и недоразумение удалось удачно разрешить, а тётя Груня опять принялась за своё очень нужное и полезное дело, как возле неё вдруг оказался следующий новый постоялец. Это был уже молодой человек в прекрасном джинсовом костюме, прибывший на чёрном «Мерседесе», который неслышно подошёл к ней с тыла и вкрадчивым полушёпотом спросил на немыслимом русском языке:

– Гиде Сиестра, мутер?

Тут уже завопила на всю ивановскую перепуганная тётя Груня, на крики которой опять сбежалась вся дирекция, принявшаяся успокаивать и обихаживать перепуганного уборщицей постояльца, Ганса из Дюссельдорфа, приехавшего в Находку по делам бизнеса. Однако и на этот раз никто так и не понял, на кой ляд нужна оказалась этому немецкому бизнесмену наша гора Сестра. А несчастной Груне директор показал уже два кулака и дважды покрутил у виска суровым указующим пальцем.

Когда новый международный скандал уже с немцем угас, и тётя Груня вновь принялась протирать и так сияющий чистотой облицовочный диорит, она вдруг заметила в углу за колонной хохочущего негритёнка с бамбуковым копьём в руке. Весёлый арапчонок лукаво подмигнул ей, внезапно перекувыркнулся на месте в диковинном сальто, и, став на ноги, победно потряс своим игрушечным оружием, высоко подняв его над головой.

Тёте Груне это не понравилось. Чего здесь делает этот развязный арапчонок, когда вокруг столько серьёзных людей? Она, взяв в руку отжатую тряпку, направилась к нему, намереваясь шугануть незваного гримасничающего гостя и, тем самым, реабилитировать себя перед начальством, но, выйдя из-за колонны, она никого не увидела. Арапчонок исчез, как будто его и не было вовсе. Тётя Груня потрясла головой, протёрла оба недоумевающих глаза, ещё раз огляделась вокруг, сплюнула с отчаяния и, бросив тряпку в подсобку, пошла отпрашиваться домой, ссылаясь на усталость и мигрень. Её отпустили с большим сочувствием и пониманием. Выходя из гостиницы, она вновь услышала тихое хихиканье арапчонка, раздавшееся в том же углу, но это её уже не напугало, а лишь заставило потрогать свой лоб, столь же молча покрутить пальцем у своего виска и печально поплестись домой.

12.

После той удивительной ночи друзья не встречались целую неделю. Маринка на следующее утро уехала с семьёй в гости к папиным друзьям в Уссурийск, а Сашку и Пашку напрягли родители – пришлось им все эти дни трудиться на своих дачных участках, доокучивая картошку, пропалывая и поливая огородную зелень. Вернулись они только в воскресенье вечером, когда вернулась домой из гостей и Маринка, и, созвонившись, друзья решили встретиться как обычно утром на площади Совершеннолетия.

В понедельник Сашка проснулся утром рано в прекрасном настроении. Сразу вспомнились потрясающие события таинственной Ночи Приключений – какой-то фантастический инопланетянин с «летающей тарелки», загадочное свечение на скале, странный оранжевый камень, греющий ласковыми оранжевыми лучиками, его таинственная аура, прогнавшая шпану в проходе возле дома. Он достал его из стола и

обомлел. Камень стал совсем другим, обычным темно-серым, шероховатым, прохладным, но по-прежнему странным. Теперь по нему медленно прокатывались тёмные пятна, сливающиеся в причудливые волны, и только изредка внутри него, в глубине вспыхивали робкие оранжевые искорки. Саше стало не по себе, он пожал плечами, сунул камень в карман и, наскоро позавтракав стаканом кефира, вышел на улицу и отправился к Пашке на Пограничную.

Саша пошел пешком самым коротким путём через отсыпанный когда-то пустырь озера Солёного. Шел, посвистывая, держа руки в карманах, и на мостике через протоку вдруг едва не столкнулся со странным человеком. Тот как-то внезапно появился посреди мостика, одетый по-восточному, вроде индуса, со сложенными на груди руками, смотря Саше прямо в глаза. Ему, чтобы пройти мимо и перейти на другую сторону протоки, пришлось прижаться к перилам и кое-как протиснуться, пробормотав:

– Извините.

Незнакомец не сдвинулся с места, только повернулся вслед за Сашей и посмотрел на его карман, где лежал необычный камень. Саша пожал плечами, проворчал, что пройти не дают, и прошествовал далее. Пройдя каких-то метров десять, он оглянулся на странного незнакомца, но уже не нашёл его. Закутанный в восточный палантин незнакомец бесследно исчез. Саша не придал этому особого значения, решив, что он просто скрылся в густых зарослях на берегу протоки. Мало ли что у человека может случиться – может, живот прихватило, или вспомнил, что утюг не выключил дома, а насчёт его облачения, так сейчас в чём только не ходят.

Пашка его уже ждал в скверике близ Центральной площади, где неподалёку и жил с отцом и братиком восьми лет. Мама у них умерла от какой-то страшной болезни три года назад, и отец до сих пор жил один с детьми. Они пошли вдвоем к площади Совершеннолетия, где должны встретиться с Мариной, оживлённо переговариваясь и посмеиваясь по поводу недавних приключений Саши со шпаной. Подходя к площади, ребята увидели странную картину – среди деревьев в сквере у пересохшего фонтана на соломенной циновке сидел угольно - чёрный худой старик в каком-то немыслимом африканском бурнусе, накинутом на голое тело в набедренной повязке, с бубном в руках, в который он время от времени постукивал эбонитовыми пальцами, встряхивал его и что-то нашёптывал про себя, шевеля губами. Рядом с ним, с бамбуковым копьём в правой руке, стоял тоже в какой-то хламиде красивый и стройный юноша-негр, с маской полного безразличия на лице, но с глазами, полными детского любопытства.

Глаза старика были закрыты. Но когда Саша и Паша поравнялись с этой странной парой, глаза старика резко открылись и пронзительно взглянули на ребят. Бубен затрясся в нервной дрожи, удары по нему стали резче и сильнее, старик-негр встряхнулся и тихо что-то запел речитативом на незнакомом языке. Юноша-негр тоже оживился, посмотрел на ребят и неожиданно улыбнулся им. Улыбка его была столь неожиданна и простодушна, что ребята не выдержали и тоже радостно ответили на улыбку. Но тут они заметили вдалеке Маринку, спешащую к ним и поспешили ей навстречу, забыв о странной паре на площади.

Марина, не обратив внимания на экзотических гостей города, сразу выпалила друзьям трагическим полушёпотом:

– Ребята, за мной следят!

Ребята снисходительно усмехнулись:

– Ты что, опять детективов на ночь начиталась? Или в телик до утра пялилась? Кому ты нужна, чтобы за тобой следить? Успокойся, Маруся!

Это Сашка иногда снисходительно называл её таким именем, но Марине оно нравилось. Было в этом русском имени что-то старинное, но родное и тёплое. Но сейчас Марина немного обиделась.

– Сам ты «Маруся», – отпарировала она. – Вон Абдулла за мной с утра ходит по пятам, но вида не подаёт. Вы не следите за ним явно, а то спугнёте. Хорошо бы узнать,

что ему от меня или от всех нас нужно. Может, он про ворота свои что-нибудь узнал? Тогда, Саша, поберегись! Он из тебя чучело сделает, и у новых ворот поставит в назидание другим.

– Сам он чучело огородное. Только в башке вместо опилок маковая соломка. Я знаю, что, конечно, глупо ворота ломать. Но надо же хоть что-то делать, чтобы не ходил «пузом» вперёд, как «хозяин страна». Пусть у себя дома важничает!

Он осторожно оглянулся назад и, действительно, заметил переодетого Абдуллу, прогулочным шагом вроде бы беззаботно бродившего недалеко от них.

Тут Пашка вспомнил:

– А вы помните, он всё камнем твоим, Саш, интересовался? Может, в этом всё и дело?

Ребята медленно, не оглядываясь, пошли по тротуару в сторону Центральной площади. А когда Саша, притворившись, что затягивает развязавшийся шнурок, взглянул назад, то увидел, как за ними лениво, но настойчиво, движется та же фигура в летней серой ветровке. Пройдя половину пути, ребята резко развернулись и двинулись навстречу преследователю. Тот не ожидал такого поворота и тоже развернулся и пошёл от них. Стало ясно, что за ними действительно следят, хотя и очень непрофессионально. Ребятам стало смешно, они расхохотались, затем, махнув рукой, добежали до остановки и, успев вскочить в проходящую «пятёрку», отправились на «Ленинскую». Ещё на последней встрече они договорились сходить вместе в городской музей и осмотреть экспонаты древней Находки.

Абдулла поспешно кинулся сначала за ними, затем развернулся к своему «Лэндику», ожидающему его на площади, и потому безнадёжно отстал, чем опять насмешил юную компанию. В автобусе Сашка опять достал камень, и они принялись его разглядывать. Сейчас камень выглядел уже не тёмно-серым с чёрными волнами и редкими искрами – всполохами внутри, а напоминал разгорающийся на ветру уголёк. Изнутри наружу медленно перемещались, словно полыхая на ветру, ласковые оранжевые волны.

Ребята так увлеклись разглядыванием и изучением чудесного камня, что не заметили, как к ним сзади подошёл неизвестный в сутане и горящим взглядом фанатика тоже уставился на камень. Почувствовав неладное, Марина обернулась и вскрикнула – перед ней, хищно выгнув спину и вытянув шею, словно приготовившись к прыжку, стоял в чёрной рясе монах с большим серебряным крестом на шее. Он застыл, не сводя с камня остекленевшего взгляда. Губы его тряслись, пальцы сжимались и разжимались непроизвольно. Он что-то шептал, суетно осеняя себя мелкими крестами и вдруг, вынув из-за сутаны пачку долларов, сунул её Сашке в руки, пытаясь при этом взять у него побагровевший камень. Сашка отшатнулся, рассердился, прорычал что-то вроде:

– Вы чего? Что вам надо? Кто вы такой? – и спрятал камень за спиной. Монах забормотал на непонятном ребятам языке и продолжал совать Сашке новенькие хрустящие зелененькие пачки с портретом вальяжного американского президента на них, жестами давая понять, что хочет купить у них этот камень. Сашка насупился, на лице у него явственно проступило выражение абсолютного упрямства. Он решительно показал монаху кукиш, добавив зло при этом:

– Не продаётся! Отвяжитесь, святой отец!

На что странный монах замахал руками, полез куда-то глубоко под сутану и вытащил ещё несколько пачек зелёных долларов, бормоча при этом что-то о Папе Римском, о каком-то Алквилле и бог только знает ещё о чем. Ребята с опаской отступили от неистового незнакомца, в последний момент выскочили на «Ленинской» из автобуса и спрятались в скверике. Убедившись, что «чумной» монах сойти за ними не успел, они обошли обшарпанный, бывший когда-то любимым местом их визитов кинотеатр «Прибой» и скрылись в городском музее напротив. «Хвоста» за собой они не обнаружили.

Они уже не раз бывали здесь на экскурсиях, но сейчас им было почему-то очень интересно, будто они тут были в первый раз. Смотритель музея провела их на второй

этаж, открыла им дверь в залы с экспонатами по истории города и присела на стул возле двери, уткнувшись в какой-то детектив. Ребята подошли к экспонатам древней истории края, к реликвиям бохайского царства. Их было немного – несколько наконечников стрел и копий, древний изъеденный ржавчиной топор, какой-то серый старый-престарый, но ещё крепкий кирпич, остатки стеклянных бус.

– Скучноватое зрелище, – позёвывая, сказал Сашка, – вот если бы их в то самое время увидеть!

И едва он сказал это, как все вдруг увидели, как со старого топора медленно осыпалась ржавчина, и он стал острым, блестящим и безжалостным. Наконечники стрел обрели бамбуковое оперённое тело и оказались в кожаном колчане, а бамбуковое копьё с тяжёлым остриём вдруг резко отодвинулось и оказалось в крепкой мускулистой руке коренастого человека с азиатским лицом в одежде из грубых козлиных шкур, осторожно крадущегося в высокой лесной траве. Ребята вздрогнули, увидев его так близко, что разглядели даже мелкие стеклянные бусинки в золотой серёжке на его правом ухе. Они слышали даже шорох мнущейся под его ногами травы и уловили его настороженное частое дыхание. Он был всего в нескольких метрах впереди них, как вдруг перед древним охотником раздвинулись густые заросли, и из них вышел молодой красивый воин с улыбкой на светлом лице. За его спиной тоже висел колчан со стрелами, а в левой руке он аккуратно держал туго натянутый лук. Молодой воин не заметил тотчас нырнувшего в траву охотника. Он гордо и открыто шагал по набитой тропке и оглядывался по сторонам, словно искал кого-то. Со стороны непроходимых зарослей лимонника его кто-то тихо окликнул. Молодой воин остановился, лицо его озарилось радостной нежностью, он что-то тихо прошептал и кинулся к кустам. Из зарослей, смущённо улыбаясь, навстречу к нему вышла молодая девушка в длинном до пят платье-сарафане.

13.

Ничтожна планета Земля для Большого Космоса. Даже не пылинка она для родной Галактики, где кроме неё живут и развиваются миллионы других планет рангом повыше и в талии пошире, а всего молекула какая-то. А в масштабе Вселенной она и вовсе ничтожна, неизмеримо мала. Здесь даже огромное наше Солнце – величина небрежно малая, и даже вся наша Солнечная Система с невообразимо великой для Земли орбитой мрачного Плутона тоже незаметна. Да и вся наша огромная Галактика для Вселенной всего-то песчинка малая.

Но для своего Властелина – Человека, планета Земля ещё достаточно велика. И хотя облетели люди её уже всю и на самолетах, и на космических кораблях, изъездили на мотоциклах и автомашинах, истоптали всю её поверхность упорными геологическими шагами, измерили и на карту нанесли точными геодезическими инструментами – все равно встречаются ещё на матушке-Земле места, где захватывает дух у самых опытных путешественников, где отступают перед её тайнами самые упрямые и настойчивые исследователи, где не выдерживают самые умные, умелые и сильные машины и механизмы, где природа ещё хранит свою первобытную прелесть. Немного таких мест осталось на планете Земля и одно из них – Гималаи.

Нет такого человека, которого не поразило бы грандиозное величие этой горной системы. Возникшая как явление планетарного масштаба, эта горная страна остаётся им поныне и останется таковой навсегда. Только наблюдая перед собой эти могучие складки-морщины на теле планеты, начинаешь осознавать масштабность процессов, приведших к возникновению грандиозного природного исполина – Гималайских Гор. Но по-настоящему это ещё никто не осознал, кроме истинных хозяев этих мест, достойных его по могуществу.

В центральной части Гималаев есть одна вершина, отличающаяся от всех какой-то странностью, но необыкновенно притягательная именно этой своею странностью. Это гора Кайлас, священная гора всех азиатских народов. А необычность её заключается в её странном пирамидальном облике. Она поднимается ввысь почти на семь тысяч метров крупными, почти правильными уступами, чем напоминает знаменитые египетские пирамиды, но на уступах её застыл не песок пустынь, а вечные снега. Трудно предположить, что уступы эти вырублены титаническими усилиями чьих-то исполинских машин, как и трудно согласиться, что эти уступы являются чисто природными образованиями.

Всякий житель Азии поклоняется Святой горе, но немногие из них знают, что в громадных пещерах внутри этой горы живут и трудятся на благо Человечества его великие умы – Адепты Человечества, или Посвященные в Истину. Прошедшие строжайший отбор интеллектуальные гиганты человечества не умирают. Они приглашаются в город Посвящённых, в Шамбалу, где становятся бессмертными и продолжают трудиться на благо земной цивилизации. Для них перестают существовать национальности и страны. Они становятся представителями Планеты Земля. Их могучий интеллект, обогащенный знаниями Разумной Вселенной, помогает землянам решать их непростые проблемы. Последние пятьдесят лет Адепты Человечества были заняты непременным исключением возможности возникновения фатально-губительной для всей Планеты ядерной войны. За это время Земля не раз была на грани нажатия кнопки Ядерной Атаки, и всякий раз катастрофа не случалась. Заслуга в этом только их – Часовых Человечества из Шамбалы.

Но за огромными глобальными проблемами они решали и другие, более мелкие проблемы регионального характера. Как раз в то время, когда мудрый Тимбукту и юный дикарь Симба, мафиози Джулиано под видом богослова Дионисия, и посланец старого служаки Гельмута Вентцеля молодой Ганс Келлер из Дюссельдорфа – все разом отправились в Находку, в таинственных пещерах Шамбалы встретились два поразительных человека. Один из них – высокий аскетический старец с необыкновенными по силе взгляда глазами под густыми седыми мохнатыми бровями, и тоже не низенький, стройный молодой мужчина в современном европейском костюме с худощавым выразительным лицом. Их тихая беседа на каком-то странном неземном языке длилась не более получаса, но в разговоре не раз произносилось слово «Находка», обозначающее не что иное, как название российского города-порта на российском Дальнем Востоке.. Ничего другого из этой беседы нам при всём желании понять не удалось бы. По окончании беседы собеседники простились восточными поклонами и расстались. Вскоре после этого молодой собеседник в восточном одеянии покинул пещерный город верхом на великолепном горном жеребце, и следы его затерялись среди обыкновенных людей.

14.

Молодые люди встретились на тропе, взялись за руки и быстро-быстро что-то начали рассказывать друг другу. Они словно забыли об окружающем мире, ласкали друг друга глазами, их руки нежно и ласково соприкасались пальцами и ладонями, а губы шептали что-то ласковое, но понятное всем и во все времена.

Ребятам стало ясно, что они попали на свидание двух любящих сердец. Им стало неловко. Они захотели уйти, но не знали, как это сделать. И вдруг ребята заметили, что в десятке метров от счастливых и ничего не замечающих влюблённых из пышной травы медленно поднялся замеченный ими ранее воин с копьём. Он свирепо сощурился, рука с копьём откинулась назад, и ребята с ужасом поняли, что сейчас он этим копьём неминуемо пронзит своего врага или соперника. Ребятам стало страшно за влюблённых, и они все разом что-то закричали, зашумели. Марина от страха пискнула и даже звонко

хлопнула в ладоши, а Сашка громко и пронзительно свистнул сквозь пальцы. Нападающий воин обернулся на шум и, видимо, заметив ватагу ребят, изумлённо упал на колени, что-то бормоча и кланяясь, а влюблённых, тем временем, тотчас и след простыл. Только ветки кедровой поросли ещё покачивались в том месте, где они только что стояли, ласково касаясь друг друга.

– Вы это чего тут шумите? – услышали они вдруг строгий голос рядом с собой и с удивлением обнаружили, что находятся они вовсе не в неведомых зарослях, а в городском музее, а строго спрашивает отвлечённая их криками и шумом от захватывающего детектива разгневанная смотрительница.

– Это что за шум такой? – продолжала она наступать. – Здесь музей, а не стадион. Посмотрели, что хотели – и пожал-те на выход, а то скоро все равно на обед закрываться будем.

Ребята не стали спорить, посмотрели друг на друга, покачали недоумённо головами и молча вышли на шумную улицу, в двадцать первый век, унося с собой частицу старины глубокой

– Вот это да! Сходили, называется, в музей! – шумно удивлялся Саша. – По-моему этот дикарь и в нас мог бросить копьё. Вот это была бы прогулочка. Он ведь и видел, и слышал нас.

– Это опять наш Камень постарался, показал нам историю этих ржавых экспонатов. Если бы не мы, то злобный воин убил бы юношу, – промолвила задумчиво Марина.

– Да, мы вовремя появились, – продолжил её рассуждения Паша. – Вот ведь как. Даже в то опасное время, когда людям было вовсе не до серенад под полной луной, люди всё равно влюблялись и женились.

Сашка вдруг отчаянно покраснел, потупился и, делано усмехаясь, но, глядя при этом в сторону, спросил:

– Марин, а ты уже влюблялась в кого-нибудь?

Маринка хитро взглянула на него и, ничуть не смутившись, важно ответила:

– Ещё чего? Я буду ждать только своего суженого-ряженого, которого мы с девчонками на Святках нагадали.

– Ну и жди! Так до пенсии и дождёшь, – обозлился вдруг Сашка.

– Ну и пусть! – заупрямилась Марина. – А то сейчас как влюблюсь, как выйду замуж, родится куча детей, а потом вдруг пойму, что кроме грязных тарелок на кухне ничего и не видела. Да и вообще, – неожиданно сменила она тему, – перед тем, как замуж выйти, надо, по-моему, человека узнать хорошенько. Мне кажется, не один месяц с ним надо общаться, чтобы убедиться, что он и есть твой идеал. Поэтому свадьбу все-таки надо один раз устраивать, чтоб один раз и на всю жизнь.

Пашка на эти слова хмыкнул, покрутив головою:

– Старо, как мир. Все девчонки на свете мечтают о принце, а замуж выходят за первого встречного.

– Ну, Пашенька, ты это размечтался, – продолжила отшучиваться Марина. – Пока на белом коне не прискачет – никаких шансов у него не будет. А у вас к тому времени уже по четыре сыночка будет. Команда таких же недалеких оболтусов, как и вы.

Марина с хохотом увернулась от Пашки, который собирался дать ей назидательный дружеский подзатыльник.

Так, болтая и подкалывая друг друга, они прошли по Ленинской до Дома культуры моряков, погуляли за ним в тополёвой рощице и не заметили, как к ним приблизился незнакомый плотный молодой парень в добротном джинсовом костюме. Ребята не обращали на него никакого внимания, однако незнакомец делал явные попытки познакомиться.

– Карашо! – восторженно воскликнул он с жутким акцентом, разводя руками в стороны и подмигивая ребятам.

– Кому как, – хмуро ответил Саша, отвернувшись от него и пытаясь отвлечь от него друзей. Однако незнакомец не отставал.

– О, – шумел он, махал руками и бил себя в грудь. – Германия, Дюссельдорф, Россия. Карашо!

Ребята хмурились и не отвечали на его приставания. Однако Марина, узнав, что он немец из самой Германии, все же попыталась завести с ним светскую беседу, несмотря на явные пробелы в его знании русского языка, а у Марины – немецкого. Но им помогло небольшое взаимное знание английского и интернациональный язык жестов.

– Так значит вы из Германии, из самого Дюссельдорфа? – с интересом спрашивала его Марина, показывая руками нечто очень большое и объёмистое. На что немец радостно кивал головою и говорил:

– Я! Я! Я! – что, как всем известно, значит по-немецки: –Да, да, да.

Затем он любезно пригласил ребят на коктейль в расположенный рядом Интерклуб, на что Марина тотчас согласилась, а ребята были вынуждены пожать плечами и небрежно кивнуть головами, скептически при этом оглядев радушного гостя и мрачно кинув взгляд на не в меру уступчивую и чересчур радушную свою спутницу.

Но в интерклубе было в самом деле очень здорово. Строгая отделка зала в старинном стиле под красное дерево, прохлада в знойный день и изобилие мороженого и непрекращающийся фонтан коктейлей, алкогольных, но очень слабеньких, в баре при полной платёжеспособности иностранного гостя грозили превратить этот вечер в один из самых классных за последние месяцы. Марина беззастенчиво получала удовольствие на халяву в кругу старых и новых друзей, а ребята, поглощая мороженое, замысловатые коктейли и пирожные, тем не менее не упускали из поля зрения ни нового знакомого, которого звали, конечно же, Ганс, ни свою веселящуюся подругу. А их новый друг Ганс разошёлся вовсю, раззадоренный очаровательной и вовсю кокетничающей Мариной, коктейлями и несколькими порциями виски. Он разыскал в клубе переводчицу и с её помощью развлекал ребят рассказами о своём родном Дюссельдорфе, о Германии, где у него есть квартира, работа и старый друг Гельмут, который воевал почти шестьдесят лет назад на Восточном фронте с русскими и остался жив, за что очень русских уважал. Ганс шумно веселился, не забывая заказывать ребятам коктейли, всё более закрученные и завлекучие. Ребята послушно пили, разгуливаясь и забывая об осторожности.

Наконец, когда Сашка, пошатываясь, встал и сказал, что пора домой, а то опоздаем на последний автобус, Ганс полностью его поддержал и предложил подвезти своих новых друзей домой на такси. В такси Сашку вовсе развезло, и он заснул, уронив голову на сиденье. Ребята подивились его такой слабости, но делать было нечего. Сашку довезли до самого его дома, где они, попрощавшись с Гансом, вышли, договорившись с ним как-нибудь встретиться там же ещё разок.

Как только такси с Гансом скрылось за поворотом, с Сашки мигом слетел весь хмель. Он перепуганно смотрел на друзей:

– Ребята, он у меня Камень украл!

Пашка взвился на дыбы:

– Ты что? А ты куда смотрел, лопух ! Тебе для чего его дали, чтобы ты первому встречному его подарил? А чего молчал, мы его здесь мигом выпотрошили бы. А сейчас уже всё потеряно. Эх ты!

Он с досадой ударил себя по коленке. Но Сашка с хитрецой продолжил:

– Да успокойся, он у меня не тот камень вытащил. Я сразу заподозрил, что он не просто так к нам подошёл. Наш чудесный камень я в этот карман незаметно переложил, а ему подставил простой булыжник с улицы. Так, галька крупная лепёшечкой. Но он клюнул на неё. Помогал поддерживать меня, когда вёл до такси, и выхватил её из кармана. Вот вам и коктейли на халяву. А ты? – он с укоризной посмотрел на Марину. – Так вы из Дюссельдорфа? – передразнил он её.

– Ой, ребята, простите меня. Я совсем и не думала, что он такая подлая «подстава». Мне просто мороженого захотелось, да и интересно же с настоящим немцем поговорить. Я ж не знала, что это вон куда повернет. Значит, и немцам наш камень спать не даёт. Тогда надо быть ещё осторожнее. А сейчас,– она лениво потянулась и зевнула, прикрывшись ладошкой, – давайте по домам. Сегодня Пашкина очередь хранить наш талисман. Ты меня проводишь, Паша? А тебе, Сань, спокойной ночи. А ловко ты нас всех разыграл. Молодец! Чао!

И они расстались до утра.

Дома, поужинав и посмотрев по телику боевик со Киану Ривзом в главной роли, Пашка сунул посеревший и поскучневший камень в ящик стола и усталый лёг спать. Спал он крепко, без сновидений, но вдруг резко проснулся среди ночи, почувствовав, что в комнате есть еще кто-то, кроме него. Он хотел включить настенный ночник, но не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Тело словно застыло в оцепенении или в ожидании чего-то. Но ни страха, ни боли не было, только ожидание. И он дождался. Внезапно в доме исчезла наружная стена, и пораженный Паша увидел, что прямо перед домом на уровне его третьего этажа завис небольшой серебристый шар, с мерцающим вращающимся ободком. Было очень тихо, с улицы не доносилось ни одного звука, хотя обычно даже самой глубокой ночью город жил своей обычной шумной жизнью, гремел кранами и пошумливал судовыми гудками недалёкий порт, поезда где-то стучали на стыках, а прямо под окнами то и дело проносились ночные лихачи на иномарках.

А сейчас Паше показалось, что весь мир вокруг него, как и он сам в постели, замер на какой-то секунде своей жизни и единственное движение в мире сейчас – это отчётливое вращение дисков тарелки относительно друг друга. А потом Паша увидел своего прежнего знакомца, инопланетянина, которого он с ребятами спугнули той ночью у горы Сестра в устье Сучана.

Инопланетянин вышел из серебристого шара не снизу, как в тот раз, а сверху, и плавно по воздуху вплыл в комнату. На нем был серебристый, но мягкий костюм, видимо, такой защитный скафандр, а голова пряталась в тёмной непрозрачной сфере вроде шлема. Пришелец, даже не взглянув на Пашу, подошёл к столу и почему-то не открывая ящика, сразу достал оттуда спрятанный Пашей волшебный камень, который было не узнать. Он налился оранжевым светом, заблистал заревом, как уже было в ту ночь на скале, осветив и всю комнату, и двор перед домом. Похититель повернулся, чтобы уйти обратно, но тут прямо из стены, отделяющей Пашкину спальню от папиной, вышел высокий, одетый по-восточному человек в чалме и сандалиях, преградил ему путь и что-то сказал на незнакомом Паше языке. Самое удивительное было то, что Паша понял, что именно тот сказал:

– Это принадлежит детям по праву справедливого Космоса. Оставь им Артефакт. Они сами им распорядятся.

Пришелец не сказал ничего, но в голове у Паши возникла вроде бы ниоткуда его фраза:

– Меня послали вернуть утрату, и я должен это сделать. Мой народ бедствует без Советника.

. Восточный человек опять возразил:

– Вы не имеете права на обладание этим фрагментом. По закону Космоса он принадлежит другим, и вы должны забыть о нём. Так вам всем будет лучше.

На это пришелец ответил что-то резкое, но в этот момент его изображение исказилось, как в кривом зеркале, стало нерезким, растеклось по стенам комнаты, отчего зашелестели обои и тонко завибрировали стены.

Внезапно всё исчезло, а вместе с ним исчез и Пашин защитник. Внешняя стена стала на своё обычное место, с улицы донесся гудок далёкого парохода, а с Паши спало оцепенение. Он встал с кровати, подошел к окну, но за ним не увидел никакой «тарелки». Заветный камень лежал в ящике стола, как ни в чём не бывало, но был ещё возбуждённый,

тёплый и искрящийся оранжевыми искрами. Паша взял его в руку, подержал на ладони и, для надёжности спрятав его под подушку, спокойно уснул. Он не много чего понял из того, что здесь произошло, но сейчас он твёрдо знал, что теперь они с друзьями не одиноки в борьбе за волшебный Камень и что они по праву обладают им. Неясно только было, откуда и чьё оно, это право, и кто это так распорядился?

15.

В последнее время в Находке на улице имени красного комиссара Постышева, в районе, в народе называемом просто и не очень красиво – «Болото», происходили удивительные, очень странные события. Здесь едва ли не каждую ночь запоздалые прохожие наблюдали шныряющую над городом самую настоящую «летающую тарелку».

Нужно отметить, что НЛО вело себя достойно, разрушений не производило, но своей суетой явно наводило на мысль, что оно что-то ищет и не может найти. Об этом сообщили туда, куда обычно следует сообщать обо всём непонятном на свете, однако оттуда вразумительного ответа тоже не последовало. А по городу продолжали ходить очень странные слухи. Отдельные свидетели рассказывали о загадочной погоне по ночной улице, когда за молодым мужчиной в джинсовом костюме гнался седой монах в сутане, с крестом на груди и с миниатюрным пистолетом, из которого он иногда прицельно постреливал, припадая на одно колено.

А одна почтенная бабуля, крестясь и божась, рассказывала подружкам во дворе вообще поразительные вещи, как на забежавшего во двор монаха в рясе вдруг с неба упала какая-то дьявольская сетка, а затем вместе с барахтавшимся в ней служителем господа сетка поднялась и исчезла в невесть откуда появившемся летающем шаре, который тотчас пропал в ночном звёздном небе. Над бабулькой смеялись, советовали на ночь не есть жирного, однако слухи ширились и расходились кругами, и это тревожило общество. Однако смеяться вовсе не следовало. Подобные странные события имели место, но не совсем так, не только там, и закончились они вовсе не тем.

А всё началось с того, что счастливый от удачно проведённой в Интерклубе операции Ганс вернулся в гостиницу, крепко сжимая в кармане чудесную находку, которую он умудрился вытащить у захмелевшего своего нового доверчивого друга. Но в свой опостылевший номер он сразу не пошёл. Он решил прогуляться в скверике перед гостиницей, был горд и весел, чертовски уверен в себе, и от избытка чувств негромко напевал знаменитую арию Тореадора из великой оперы Жоржа Бизе «Кармен».

Он предвкушал, с каким триумфом он вернётся домой в Дюссельдорф, покажет своему старому другу Гельмуту Вентцелю этот волшебный камень, проведает про его все великие чары и способности, но отдавать его старому Гельмуту или нет, он ещё подумает, очень подумает. Зачем старому идиоту, одной ногой уже стоящему в могиле, этот чудесный дар богов? Вот он, Ганс – совсем другое дело. Завтра он отблагодарит этого туземца Абдуллу, который сообщил Гельмуту об этом странном камне, сунет ему несколько пачек баксов – и прощай, как говорится – немытая Россия.

Когда он в очередной раз ликующе замурлыкал вполголоса:

– Тореадор, смелее в бой! – кто-то вдруг, совсем рядом, неожиданно продолжил слова знаменитой арии:

–Тореадор! Тореадор!, но дискантом и на итальянском. Он оглянулся и заметил около себя тщедушного монаха в рясе и с крестом на шее.

– Вы кто, святой отец? И что вы здесь делаете?

Вместо ответа Дионисий вытащил из-под сутаны маленький позолоченный браунинг, направил его счастливому Гансу в живот и зло прошипел на чистейшем баварском диалекте:

– Именем господа, «святой камень» живо сюда, и без глупостей.

Ошеломлённый Ганс машинально проследил направление предполагаемого полёта пули из браунинга и автоматически отметил, что это будет как раз набитый виски, крабовым салатом и мороженым его собственный желудок, тотчас занывший от неприятных предчувствий, и немедленно возмутился.

– Вы не имеете права! Вы мне за это ответите! – завопил он внезапно жалким фальцетом. – Я полицию позову! Я буду жаловаться в международный суд в Гааге!

Затем он совершенно неожиданно для противника и даже для себя самого резко отскочил в сторону, по дороге вмазал «богослову» в ухо и скрылся в тёмных кустах за гостиницей. Вслед ему проследовали два торопливых хлопка-выстрела, столь частые в этом районе, что на них никто, даже милиция, не обратил внимание.

– Не иначе, снова «братки» балуются, – подумал дежурный наряд ППС, нёсший тяжкую службу недалеко на перекрёстке. Но это были не «братки». Это началась погоня.

Преследование началось от известной своими криминальными историями гостиницы «Находка» и потянулось по путаным улицам ночного города. Убегавший что было сил молодой и здоровый Ганс был весьма ослаблен удачными посиделками в Интерклубе. Поэтому он бежал тяжело, часто останавливался в густых кустах и, хватая ртом воздух, немного отдыхал.

Однако преследующий его тщедушный «богослов» физкультурой и спортом в последний раз занимался в колледже, да и то, участвуя всего лишь в шахматном турнире имени Макса Эйве в Нидерландах лет тридцать тому назад. Поэтому преследование он вёл спокойно, едва не пешком, по ходу дела успевая знакомиться с достопримечательностями города в ночное время.

Желая оторваться от сумасшедшего монаха, Ганс стремительно скатился от гостиницы вниз по откосу к озеру Солёному, затем, прошмыгнув по мосточку через протоку, кинулся на заросший травой и кустарником пустырь перед «барахолкой», чтобы попытаться скрыться во дворах за проспектом Мира. Однако он разочарованно постоянно слышал за собой злое сопенье и мерный топот неутомимого монаха. Во время одной из передышек в кустах у пустыря под тускло светящим фонарём он, наконец, вытащил из кармана похищенный чудесный камень, желая всё-таки взглянуть на то, за что идёт такая отчаянная борьба – и оторопел. У него в руках лежал обычный галечный голыш из темно-серого алевролита, каких полным-полно на обочинах всех дорог во всём мире. Сообразил он очень быстро:

– Всё, – закричал он своему преследователю, – всё, устал, сдаюсь. Вот твой камень, забирай ирод недокрещенный. Твоя взяла.

Он вышел на освещённый участок дороги, положил голыш на асфальт и исчез в темноте. Через мгновение к камню подскочил монах, схватил его, изумился, возмутился всей душой таким подлым обманом, но сделать ничего не успел. Откуда-то сверху на него быстро, но плавно упала дьявольская, невесомая, но очевидно, очень крепкая, почти паучья сеть, запутала его, стянула так, что он не смог двинуть даже пальцем и поднялась с ним наверх. Единственное, что объятый ужасом отец Дионисий смог увидеть скошенным глазом, так это круглые от вяжущего страха глаза какой-то бабули в одном из окон старенькой пятиэтажки и тёмный люк бесшумно висящего над ним непонятного шара. И тут сознание оставило его.

Очнулся он от ощущения пристального взгляда на него в упор. Вокруг было тихо, только ощущался слабый свист и очень тонкая вибрация помещения, в котором он находился. В небольшом округлом помещении никого не было, но взгляд точно ощущался. Он был внимателен, пытлив, назойлив и явно недобр. Ошеломлённый богослов лежал совершенно свободно на каком-то топчане у тёмно-серой с металлическим отливом стены и пытался понять, где он и что с ним. Дионисий покрутил головой, пытаясь поймать непонятный изучающий взгляд или хотя бы определить, откуда он следует, но, не достигнув цели, медленно сел на топчан, спустив ноги.

– Есть тут кто-нибудь? – с опаской хрипло произнёс он в пустоту. И сразу ощутил непонятное движение. Оно было везде и нигде. Что-то зашуршало вокруг, стало потрескивать и поскрипывать. Изумлённый «богослов» увидел, как со слабо светящихся, фосфоресцирующих стен этого помещения стало стекать вниз «нечто». Оно не имело плотности и видимости, не имело запаха и ощущения материальности, но оно было. «Нечто» стекало со всех стен и собиралось в центральной части помещения небольшим призрачным скоплением.

Когда это скопление стало заметным, в нём обозначилось слабое вращение. Сгусток непонятно чего стал медленно расти вверх, явно пытаясь принять человекоподобный облик. Наконец из бесформенной массы возникло что-то вроде головы, на которой прорезалось мёртвое маскоподобное лицо. Лицо повернулось к застывшему в ужасе «Дионисию», взглянуло белыми застывшими очами ему прямо в глаза и произнесло неприятным механическим голосом:

– Как ты посмел обмануть меня?

Богослов опешил, его охватила леденящая жуть от непонимания происходящего. Ни в каких божественных книгах, даже в самых жутких американских триллерах он не встречал ничего подобного. Но что было для него самое обидное – он ведь никого пока не успел вроде бы обмануть. Но вопрос был задан, и на него надо было отреагировать. Ибо, кто знает, что последует за этим грозным вопросом. Дионисий собрал всю свою волю, осенил себя по привычке поспешным крестом и спросил севшим голосом:

– А, простите, вы, собственно, о чём?

Маска, в процессе формирования уже принявшая более гуманный облик, однако, тем же мрачным голосом вновь произнесла:

– Как ты посмел подменить столь необходимый мне божественный спасительный Камень на самый обыкновенный придорожный булыжник? Я Эборг, посланец далёкой Эболы, терпящей бедствие в холодном космосе, прибыл за ним через всю галактику. Отдай мне спасительный талисман, и я скажу тебе, где можно взять много-много золота, так любимого на вашей планете.

Ошеломлённый натиском, отец Дионисий начал уже кое-что понимать. И в его изощрённой придворными интригами голове стали возникать необыкновенно заманчивые планы. Неплохой психолог, он сразу понял, что с этим наивным инопланетянином вполне можно договориться и направить его в ту сторону, где будет выгодно только ему.

Дионисий изобразил на лице скорбную мину, негодующе покачал своей седой шевелюрой с обширной проплешью на макушке и занудно изложил своему похитителю такую версию событий.

– Достопочтенный космический странник Эборг! – начал он. – По поручению святейшего конклава католической церкви я откомандирован в данную местность с целью отслеживания и контроля использования необыкновенного святого камня. Дело в том, что в очень давние времена этот камень принадлежал нашему представителю в этих краях миссионеру Алквиллу. Но в давние времена в результате нападения некоего дикого племени Белого Леопарда волшебный камень был утерян в этих скалах, где мы безуспешно пытались его разыскать в течение очень многих лет.

Однако совсем недавно местная подростковая банда обнаружила его и стала с его помощью совершать мелкие преступления. Я пытался их вразумить, но они избегают разговора со мной. Это двое очень хитрых мальчишек и одна вредная девчонка. Этот камень сегодня вечером пытался похитить у них некий приезжий немец, но хитрющие подростки сумели обмануть его, а с ним – и меня. Вот почему у меня оказался этот простой грубый камень, досточтимый Эборг. Я был бы очень рад с вашей помощью изъять волшебный талисман у подростков и, если вы сможете предложить достойную альтернативу этому камню, мы сможем договориться. Мы, как его истинные хозяева, сможем передать его вам на вполне законных основаниях.

Мёртвый механический голос Эборга, тем не менее дрогнул, выдав его волнение:

– Я согласен на справедливый и законный обмен. Я могу предложить вам за этот священный Камень сто двадцать три килограмма и пятьсот двадцать граммов чистого золота. Если вы согласны, то с этого времени вы будете помогать мне в обнаружении камня. А когда я его обрету с вашей помощью, вы получите своё золото в условленном месте.

Хитрющий Дионисий возликовал от подобной сделки. Он понимал, что в случае приобретения этого камня и передачи его в фонды Ватикана он получит от своих святых начальников скромную благодарность и не более того, а вот центнер золота обеспечит его состоянием на всю оставшуюся жизнь. И он согласно кивнул головой, заключив сделку не только со своей совестью, но и с неземным непонятным, никому не ведомым разумом, забыв о святом кресте на своей шее. Еще затемно он высадился с корабля Эборга на сопку в районе улицы Пограничной, переоделся в гостинице в новую парадную сутану и стал ожидать появления своих молодых соперников.

16.

Остаток ночи прошёл спокойно. Утро оказалось пасмурным, прохладным, с полной неопределённостью в погоде, обычной для Находки – ни дождь, ни вёдро, а сыпало с неба какой-то мелкой моросью, отчего июль уже казался маем или, в лучшем случае, ранним июнем. Едва проснувшись, Пашка сунул камень в карман и побежал на встречу с друзьями. Встретились они все трое почти одновременно на площади Совершеннолетия возле автобусной остановки.

Недалеко от них под небольшим деревцем посреди сквера продолжал сидеть, удивляя горожан, странный представитель африканского континента старый мудрый шаман Тимбукту. С приходом ночи он обычно расстилал под деревом циновку и смиренно ложился на неё спать, а рядом пристраивался его юный охранник Симба. Удивлённые горожане уже привыкли к странным гостям, угощали их домашней стряпнёй, тащили им старые ненужные вещи, а когда чернокожим африканцам стало прохладно, сердобольные жители улицы Пограничной немного приодели их.

После этого необычный караул – старик негр в болоньевом плаще шестидесятых годов и мальчик-негр в стареньком джинсовом костюме и с копьём в правой руке стали выглядеть ещё более странно. Один чудак принёс им даже старенький транзисторный приёмник, настроил его на какую-то африканскую волну, и временами в сквере на оживлённом перекрёстке негромко постукивали десятки тамтамов и слышались заунывные, но полные скрытой энергии хоровые песни древних зулусов.

Нередко к ним подходили любознательные люди в милицейской форме и даже без всякой формы, и спрашивали документы. Старый негр доставал из потрёпанных дарёных джинсов какие-то бумаги, люди в форме читали их, пожимали плечами и оставляли гостей из Африки в покое. Кстати, горожане подметили ещё одну странность, связанную с ними – когда шёл дождь, и сами африканцы, и место под деревом оставались абсолютно сухими, какой бы ливень ни хлестал вокруг.

Сегодня с утра старый негр был странно торжественен. Его молодого спутника с бамбуковым копьём рядом с ним не было. Старик сидел прямой и напряженный, как мудрый слушающий джунгли павиан – вожак стаи. В левой руке он держал старинный бубен, временами он встряхивал его, выстукивал что-то фалангами пальцев по сухой коже, и в такт напевал речитативом, а правой – рассыпал вокруг себя какой-то серый порошок по лёгкому утреннему бризу. Глаза его были закрыты, но он явно что-то видел. Его лицо выражало обилие разных эмоций. Они резко сменяли друг друга, переходя из восторга в уныние, от отваги в страх, от любопытства к полнейшему равнодушию.

Но Пашка пролетел мимо гостей из Африки, не обратив на них внимания, и взволнованно и сбивчиво, перескакивая с одного места на другое, рассказал им события прошедшей ночи.

– Паш, а тебе не приснилась, случаем, вся эта история с тарелкой? – ехидно спросил его Сашка. И когда Паша яростно стал доказывать обратное, Саша добавил:

– Просто я вспомнил, как вы мне совсем недавно не верили о таинственном свечении на скале, и как потом все обернулось.

Задумчивая Марина добавила:

– Но самое интересное, ребята, что мы, по словам того индуса в сари, имеем право на этот, как он сказал, Артефакт. Паш, а что это такое – артефакт?

Паша хотел было объяснить, как он понимает это странное слово, но тут Марина толкнула его в бок и глазами повела влево. Он взглянул и заметил того странного фанатичного монаха, совавшего им деньги за камень. Он был уже в другой, нарядной светло-коричневой сутане, стоял на перекрёстке возле фонтана, но не сводил с них напряжённого взгляда. Ребята перемигнулись и, перебежав дорогу перед несущимися машинами, успели впрыгнуть в первый попавшийся автобус, оказавшийся как раз нужной им «пятёркой». Изнутри они, посмеиваясь, смотрели, как заметался по перекрёстку их преследователь, пытаясь поймать такси.

Они выскочили из автобуса возле магазина «Американка», а оттуда было уже рукой подать до Сашкиной квартиры напротив роддома, где они решили спрятаться. По дороге, наученные горьким опытом недавних дней, они, соблюдая строгую конспирацию, плели «петли» по дворам, и трижды пробежали через одну и ту же проходную арку, проверяя, нет ли за ними шпионского хвоста, чем очень озадачили женщину, вешавшую рядом на просушку мокрое бельё. Когда они в третий раз продефилировали мимо неё, она, заподозрив неладное, быстро сняла юбки и простыни с верёвок и унесла в дом, бормоча под нос:

– Ходють, ходють. Чего ходють?

Тем не менее, после принятых мер конспирации, подходя к дому, ребята опять заметили поджидавшего их напротив подъезда того самого монаха. Как он их выследил, было неясно, но они решили его проучить. Сашка с Маринкой, нарочито прячась, отделились от Паши и скрылись в подъезде соседнего дома. Заволновавшийся служитель церкви тоже нырнул за ними. Ребята вынырнули на крыше дома и, пробежав по ней, скрылись через второй люк, прикрыв его и закрутив на мягкую проволоку. Вслед за ребятами на крыше появился запыхавшийся служитель церкви. Как только монах вылез наверх, следовавший за ним Пашка тотчас захлопнул люк и накрепко стянул его проволокой снизу, оставив любопытного монаха замурованным на крыше.

– Помолись, батюшка, отсюда к богу ближе! – злорадно пробурчал Сашка.

После этого они спокойно отправились к Саше домой пить чай и поглощать пирожки с капустой и с вареньем, которые прекрасно пекла его мама. Было уже около полудня, они уже съели по паре пирожков и принялись за третий, как в дверь позвонили.

Саша открыл дверь, неторопливо дожевывая пирожок, и застыл, выпучив глаза и приоткрыв набитый рот. Перед ним стоял тот самый негритёнок с площади Совершеннолетия, в старой джинсе, с бамбуковым копьём в правой руке и босиком. На чёрном лице его играла загадочная улыбка. Он открыто и приветливо посмотрел на Сашку и произнёс только одно слово на очень ломаном русском языке:

– Падём!

Саша оторопело переспросил, вдумываясь в смысл сказанного:

– Пойдём? Куда пойдём? Ты кто, чудак?

К нему присоединились Пашка и Марина. Они тоже недоумённо таращились на африканское чудо, стоящее в дверях. Но негритёнок был непреклонен. Он взял Сашку за рукав и потянул за собой:

– Я Симба! Падём! Много-много! – Он подумал, наморщил лоб и промолвил, с трудом выговаривая непонятное слово. – Биыстра!

Ребята немного пришли в себя. Марина приветливо улыбнулась странному гостю, взяла его за руку и завела в комнату, приговаривая:

– Сейчас пойдём. А ты чайку с нами пока выпей, пирожок сьешь, а потом мы разберёмся и пойдём, если ты скажешь, куда.

При слове «куда» Симба разволновался, замахал руками, показывая в окно на бухту в белых гребешках мелких частых волн.

– На море сейчас шторм, туда нельзя, – стараясь медленно и внятно выговаривать слова, сказала Марина.

Но при слове «море» Симба опять заволновался, замахал отрицательно руками, зашевелил губами, зачем-то оглянулся и произнёс с большим трудом:

– Сиестра!

Ребята многозначительно переглянулись.

– Это меняет дело, — сказал задумчивый Паша. – Гора «Сестра» – место интересное во всех отношениях. Давайте всё же угостим гостя пирожками и чаем и сходим туда, куда он нас зовёт. Всё-таки из долины Лимпопо сюда просто так не приезжают.

Ребята накормили Симбу вкусными маминими пирожками, дожевали сами и весёлой гурьбой вывалились на лестничную площадку. Впереди настороженно выступал насупленный Симба, а за ним скатывалась по лестнице наша любопытная троица. В кармане Пашка ощущал приятное тепло чудесного камня. Однако сразу в подъезде начались странности. Сашина соседка, тётя Настя, вечно ворчащая и недовольная, встретила теперь их всех на лестнице ласково, приветливо, подмигнула Марине и понимающе бросила им:

– Ишь, друзья закадычные! Всё время вместе, всё время втроём.

Друзья не придали этим словам никакого значения, подождали Марину, забежавшую домой за своим рюкзачком, добежали под тонкой моросью до остановки автобуса, доехали до автовокзала, где пересели на врангелевский маршрут, и через 20 минут уже сходили с него за мостом, направляясь к застывшей на века величавой пирамидой сопке.

17.

Колю Арапкина прозвали Цыбулей оттого, что длинные и тощие руки его росли откуда-то из-за огромных оттопыренных ушей-лопат, торчащих на круглой стриженной голове эдакими радарами, и потому фигура его напоминала подвешенный на просушку лук-порей пером вниз, которым от него, к тому же несло постоянно.

Просыпаться Цыбуля не любил, а сейчас и вовсе не хотел. Пробуждение для него в последнее время стало очень мучительным от постоянного тяжелого вопроса к самому себе: – Где и чем «ширнуться?

Его разлаженный наркотой скрипучий восемнадцатилетний организм пока молчал, но он знал цену этому молчанию. Пройдёт несколько часов, и организм настойчиво потребует привычную дозу допинга и, не получив её, отзовётся ноющей болью в коленках, затем кольнёт под ложечкой, потом возмущённо потянет все суставы так, словно из них некий садист и изверг разом потянул нервы, жилы и ломает хрупкие ломкие косточки и, наконец, осознав, что его подло обманули, организм скорчится от дикой невыносимой боли, охватившей всего сразу, словно его жестоко ударили в пах, и заставит кататься по полу, грызть запястья и кричать страшным воем, не слыша себя и мечтая о немедленной смерти.

Но это будет потом, а пока Цибуля ещё повалялся в постели, кое-как встал, докурил вчерашний «бычок» «Примы» и глотнул холодной заварки из чайника. За немытым окном под утренней сыпучей моросью люди спешили на работу, на рыбалку, на деловые встречи. Цыбуля же точно знал, что через несколько минут он отправится к Абдулле. Во-первых, потому, что больше идти не к кому. Во-вторых, потому, что в долг даст ширнуться только он. А в-третьих, потому, что очень надо, поскольку время уже

поджимало, и ужас внутри него уже начинал пробуждаться мелкими плавными толчками и грозил выплеснуться паническим ударом.

Не теряя времени, Цибуля накинул видавшую виды куртку и вышел на улицу. По натоптанной дорожке к коттеджу Абдуллы ему надо было пройти через арку соседнего дома, но он предпочёл сделать немалый крюк, лишь бы снова не встретиться в проходе с неистовым Рыжим, так напугавшим их в прошлую ночь. У него до сих пор перед глазами стоит то оранжевое зарево, охватившее его противника, и при воспоминании об этом его начинает почему-то мелко и гадко трясти.

Но подобная предосторожность не уберегла его от внезапной встречи. Едва Цыбуля вышел на улицу, как едва нос к носу не столкнулся со спешащим куда-то давним неприятелем. Ему пришлось резко сдать назад и спрятаться за стоящий неподалёку микроавтобус, но Рыжий всё равно заметил его, бросив быстрый боковой взгляд, и поспешил дальше.

– Хорошо ему, бесу рыжему, – с тоской промолвил наркоман, глядя Сашке вслед. – Ему не надо каждое утро решать проблему, где наркоты взять.

Абдуллу он застал озабоченно осматривающим свои новые ажурные ворота.

– Вот шайтан! – приговаривал он, внимательно изучая состояние воротных петель и замков. – Такие хорошие ворота и на свалку выбросить пришлось. Какой редиска, однако. Никому плохо не делаю. Как все – купи-продай. Не хочешь – не бери! Очень надо – в долг дам, бесплатно даже дам, но ты понимай, уважай, зачем эпоксидка ворота портить.

– Тебе чего? – презрительно кинул он Цыбуле. – Опять накатило, а бабок нет? Ты помнишь, сколько мне должен? Ты девять кусков мне должен! Когда отдашь? Смотри, на счётчик поставлю, всю жизнь на меня пахать будешь, как ломовая лошадь за клок сена!

– Абдулла Хафизович, здравствуйте. – Цибуля угодливо дёрнул головой и преданно заглянул в глаза. – Абдулла Хафизович, я скоро отдам. У меня вот-вот пройдёт сделка крупная по бензину, и я сразу расплачусь. А вот сейчас, вы сами понимаете, очень надо. Я уже два дня. – Его передёрнуло от ужаса и заныло где-то внутри задёргавшегося желудка. – Уже второй день без дозы! Уже начинается! Я отдам, честное слово, отдам.

Абдулла цинично расхохотался:

– Это ж надо – честное слово наркомана. Это надо слышать.

Насмеявшись, он посмотрел на Цибулю и жестко вымолвил:

– Рыжего Сашку знаешь, соседа твоего? Так вот, с этого момента будешь за ним следить и мне докладывать. Каждый его шаг должен быть мне известен. Вечером будешь мне сообщать. А если что срочное – сразу мне на мобильник. Сейчас даю тебе три дозы, приди в себя и принимайся за дело. Упустишь – ничего больше не получишь, и долг из тебя вытрясу, как из драного мешка. Ты меня знаешь, я не филантроп.

Счастливый Цибуля, бережно взяв крошечные пакетики, преданно посмотрел в глаза благодетелю:

– Абдулла Хафизович, я завсегда, глаз не спущу! Этот Рыжий мне ответит! Мы со Штымпом его намедни в проходе у сорок девятого дома как начали лупить, ему живым бы не уйти. Так он что-то в руку взял и как весь засветится, прямо как фонарик китайский. А у нас волосы дыбом, как солома встали, и мороз по коже. Мы испугались и дали дёру!

– Это интересно, – медленно проговорил Абдулла. – И как это было?

Выслушав сбивчивый от желания поскорее «ширнуться» рассказ наркомана, Абдулла ещё внушительнее повторил, помогая себе указательным пальцем:

– Глаз не спускать с «Рыжего» и с его компании. Шкуру спущу! Марш за дело.

– А я его только что видел, Абдулла Хафизович. Он через озеро пошёл на Пограничную, наверное, к своим на стрелку.

– Даже так. Тогда срочно за ним. Если же они куда двинут, то иди за ними, но незаметно. Как что выяснишь, сразу звони мне. – Абдулла с сомнением посмотрел на

долговязую характерную фигуру наркомана. – Ну да тебя и ночью на тёмной улице ни с кем не спутаешь. Ладно, проваливай.

Не чуя под собой ног, Цибуля кинулся обратно. Заскочив домой, он развёл часть белого порошка из пакетика в кипяченой воде, собрал затем жидкость в старый, с натёками ржавчины шприц, с облегчением вогнал иглу себе в бедренную вену и откинулся в старом протёртом кресле, ожидая волну сладкого кайфа. Она не заставила себя долго ждать. Появилась птичья лёгкость в теле, волна беспричинной радости обуяла его.

Счастливо смеясь, наркоман с трудом обулся и вышел на улицу. Требование Абдуллы еще маячило в затуманенной голове, и надо было срочно догнать Сашку–Рыжего и не сводить с него глаз. Цибуля гордо выпрямился, почувствовав себя не то знаменитым Шерлоком Холмсом, не то детективом Дубровским из недавнего сериала. Внезапно он заметил совсем недалеко впереди себя знакомую рыжую шевелюру. Рыжий осторожно крался по тротуару с остановками у фонарных столбов и с оглядками в направлении роддома.

– Не иначе как удрать от меня хочет, – подумал Цыбуля и осторожно пошёл за ним, прячась за машинами, в подъездах и за углами домов. «Рыжий» заметил слежку и пошёл быстрее. Прибавил ходу и окрылённый сыщик. «Рыжий», воровато оглянувшись, вдруг разбежался и с ходу запрыгнул на крышу подстанции возле роддома и пропал там. Чувствуя небывалую лёгкость в теле, Цыбуля тоже разбежался изо всех сил, прыгнул вверх и полетел, как птица, махая крыльями, курлыкая журавлём для маскировки и вдруг вырубился от жесткого удара.

Очнулся он, лёжа на земле под стеной подстанции с большущей шишкой на лбу. Перед ним стояла женщина в сером халате с метлой и укоризненно смотрела на него.

– Ты что же, дружок, на стенку кидаешься? Она же кирпичная, не резиновая! С утречка кто ж так пьёт-то? Тебе на работу, поди, надо ж, а ты стены башкой таранишь.

– А где «Рыжий»? – бестолково оглядываясь и осторожно ощупывая шишку, спросил начинающий «Холмс».

– Это собачонка, что ли, рыженькая? Так она вона через дорогу куда-то вверх ускакала. Куда тебе за ней угнаться-то?

Цыбуля кое-как встал, опираясь о стенку. Солнце уже разогнало утренний туман и противную морось. Прохожие деловито спешили на обед. Туго-туго, но всё же Цыбуля понял, что он уже потерял полдня на поиски «глюков», из-за чего сегодня окончательно упустил Сашку-Рыжего, а с ним и не выполнил задания всемогущего Абдуллы. Чтобы хоть как-то оправдаться перед ним, он понуро поплёлся на площадь Совершеннолетия.

Но едва он подошёл к магазину «Американка», как увидел настоящего рыжего Сашку с компанией. Они сошли с автобуса и, весело болтая, пошли по улице, видимо, к нему домой. Они шли быстро, часто оглядываясь, и Цыбуле приходилось успевать за ними когда на полусогнутых, а когда и чуть ли не ползком, прячась за чем придётся. Благо, что дорогу он знал прекрасно и успевал, сделав немалые петли, вновь перехватить ребят в очередном проходе. Очень ему не хотелось проходить ту арку, где они со Штымпом устроили прошлую вечернюю потасовку, но пришлось.

В проходе Цыбуля внезапно столкнулся с настоящим арапчонком в стареньких джинсах, в какой-то немыслимой курточке на голое тело, но с копьём в руке. Арапчонок, чернее гуталина, широко расставил ноги и загородил ему проход, приняв боевую стойку с копьём наизготовку. Он строил ему страшные гримасы и вдруг произнёс по-русски, но со страшным акцентом:

– Да-мой. И-ды, – и совершил боевой выпад копьём, целясь прямо Цыбуле в грудь. Цыбуля отшатнулся, попятился, при этом спиной кого-то толкнул. Оглянувшись, он увидел странного монаха в коричневой сутане, который тоже торопился пройти сквозь проход. Брезгливо поморщившись, монах протиснулся между стеной и растерянным

Цыбулей, и вдруг полетел наземь от подножки, которую ему подставил наглый арапчонок. Но почему-то монах разъярился и полез с проклятиями именно на опешившего Цыбулю.

– Ты чё гонишь? – забормотал Цыбуля, отмахиваясь от рассвирепевшего монаха, и показал на ухмыляющегося черномазого пацанёнка. – Вон кто чудит!

Но монах, не обращая внимания на лукавого арапчонка, ещё пуще вздурился и толкнул Цыбулю в грудь. Чтобы не упасть, наркоман вынужден был ухватиться за сутану, но не удержался и упал, увлекая за собой не ожидавшего этого монаха.

Тут совсем взбесившийся монах не утерпел и двинул пытающегося встать и всё ещё держащегося за сутану Цыбулю в глаз, отчего тот опять завалился набок, вновь увлекая монаха на грязный бетон.. Тут уже рассвирепел Цыбуля и двинул монаха прямёхонько в ухо, успев, правда, рассмотреть краем глаза вовсю хохочущего рядом негритёнка с копьём. Странно, но монах совсем не обращал внимания на явно издевающегося над ними арапчонка.

Тут до Цыбули дошло, что этот бандит в сутане, поставивший ему наливающийся бирюзой фингал под правым глазом, просто не видит негритёнка. Внезапно оба валяющихся в проходе и дерущихся субъекта увидели приближающихся к арке и увлечённо беседующих ребят во главе с Сашкой–Рыжим. Их мгновенно, будто ураганом сдуло из-под арки в соседний подъезд, из которого они стали по очереди выглядывать, продолжая наблюдать за весёлой компанией. Дождавшись, пока ребята пройдут мимо, они подозрительно посмотрели друг на друга и, осознав в противнике конкурирующую фирму, мрачно разошлись в стороны, не переставая, однако, следить и за ребятами, и друг за другом. Опомнившись, Цыбуля поискал глазами противного задиру-арапчонка, но того и след простыл.

Цыбуля очень расстроился. Неожиданно к фингалу на левом глазу, полученному в свободном машущем полёте у подстанции добавился такой же фингал под правым глазом, подаренный щедрым незнакомцем в сутане.

–Ну, святой отец, держись! Если конкурент не сдаётся, его уничтожают, – мрачно решил он. Подбитыми глазами он всё же приметил, как Рыжий увлёк монаха за собой в подъезд, затем он увидел своего конкурента на крыше дома и всё понял. Он забежал домой, достал из кладовки огромные амбарные замки, оставшиеся ещё от деда, переселенца с харьковщины, и навесил их на домовые люки. Теперь патеру Дионисию с крыши можно было уйти действительно только двумя путями – либо с воробьями вниз, либо с ангелами вверх, на небо.

А сам Цыбуля основательно обосновался в наблюдательном посту в рубленой крепости на детской площадке напротив подъезда, в котором жил «Рыжий», и твёрдо решил его теперь не упустить. В добротно срубленной крепости было прохладно, дул лёгкий сквознячок, сквозь щели в брёвнах очень хорошо просматривался весь двор. Нашего соглядатая слегка разморило, убаюкало, голова его склонилась на длинные колени, и он задремал. И тотчас ему вновь приснился наглый арапчонок с копьём. Приснилось ему, будто он, Цыбуля, стал хозяином большущей кучи героина, сваленной в каком-то тёмном углу. Вокруг кучи толпятся голодные, измождённые, ломающиеся, жаждущие кайфа наркоманы и набивают свои карманы его, Коляна, товаром совершенно бесплатно. Он хочет пробиться к своему углу, кричит:

– Не тронь! Моё!

Однако никто его не слышит и продолжают хапать. Колян бежит сквозь толпу, но тут на его пути появляется наглый арапчонок с копьём и колет-колет его своим варварским оружием в правый бок. Цыбуля закрывается от острого копья, кричит тонко и жалобно и просыпается в отчаянии. В правый бок ему впился острый сучок из стенки, к которой он прислонился во сне, а впереди через двор торопливо вышагивала ватага трёх друзей вместе с ненавистным, но так нужным ему теперь ради благосклонности Абдуллы «Рыжим».

Изо всех сил хоронясь за чем попало, Цыбуля проследил за ребятами до автовокзала, проводил их из кустов до автобуса и тотчас сообщил обо всём Абдулле. Через несколько минут за рейсовым автобусом потянулся чёрный лимузин с двумя пассажирами, не обгоняя его и не позволяя себе слишком отстать.

18.

Пока они ехали и шли к Сестре, июльское солнце разогнало туман и морось, стало жарко и душно, но весело.

– Паша, – недоумевающе спросила Марина. – А почему кондуктор нам продала только три билета? Ведь я просила на всех четверых.

Паша крепко задумался, а ответил за него быстрый Сашка:

– А мне показалось, что Симбу вообще никто не видит. Вы представьте – в наш дачный автобус с бабульками входит негритёнок с копьём, а пассажиры даже головы не повернули. На нас небрежно кое-кто глянул – и всего-то. И тётя Настя на лестнице нас только троих видела. А мы Симбу видим и даже пощупать можем. Тут опять какая-то тайна.

– А это мы сейчас проверим, – встрял в разговор Паша. – Видите, сзади нас дед-рыбак догоняет?

Он подмигнул друзьям, и ребята пропустили Симбу немного вперёд, чуточку приотстав, и подождали, когда с ним поравняется торопливый дедок с двумя удочками на плече.

– Дедушка, – обратился к рыбаку Саша. – Скажи тому негритёнку, чтобы не бежал. А то он глухой, не слышит.

Дед покрутил головой, свирепо поглядел на ребят, решил, что его разыгрывают, и молча хотел пройти мимо. Тогда Паша прямо спросил его:

– Дедушка, вы что, его не видите? – и коснулся рукой рыбака головы остановившегося Симбы. Лучше бы он этого не делал. Ошеломлённый дедок, ощутив под своей рукой чью-то кучерявую, но совершенно невидимую шевелюру, сразу не поверил, и, испуганно бросив удочки, уже обеими руками стал ощупывать нечто странное перед собою. Осознав, что перед ним чья-то голова, живая и улыбающаяся, но невидимая, он вдруг взвизгнул, бросил удочки, выскочил из «болотников» и с невиданной быстротой в одних шерстяных носках кинулся прочь, смешно перебирая ногами, шёпотом ругаясь и неистово крестясь.

Ребята посмеялись, пожали плечами, а Пашка пробурчал, улыбаясь:

– Теперь жди по городу слухов о нашествии монстров-невидимок, нападающих на одиноких рыбаков.

Все продолжили свой торопливый поход вслед за невозмутимым Симбой, точно цапля вышагивающим впереди по узкой вьющейся тропе со своим первобытным оружием в руке.

Странно было то, что он прекрасно ориентировался в этой незнакомой для него местности, не крутил головой и не искал какие-либо ориентиры. Было видно, что он имеет определённую цель и точно знает, куда идёт. Создавалось впечатление, что им кто-то управляет. Симбу деловито дошёл до старого их лагеря и повернул к скале, где они совсем недавно беспомощно болтались на сорвавшейся связке, а потом нашли осколок этого чудо-камня. Едва ребята свернули за ним, как Пашка почувствовал, что от камня, лежащего у него в кармане, волнами пошло тепло и какое-то шевеление. Он вытащил его из кармана, развернул из платочка и ахнул. Саша и Марина тоже бросили взгляд и тоже застыли от изумления. На Пашкиной ладони лежал уже не камень, а дивный каменный цветок, что-то вроде приоткрывшегося бутона пепельно-оранжевой розы. По бутону переливались радужные волны, они спиралью закручивались против часовой стрелки, как бы уходя вглубь цветка, отчего цвет его становился насыщеннее и глубже. И самое

поразительное – бутон постепенно, на глазах изумлённых ребят закрывался, лепестки сдвигались теснее и туже, а цвет в центре бутона становился всё ярче. Только один Симба не проявил к цветку особого внимания. Он бросил на него внимательный, вроде бы оценивающий взгляд и продолжал подниматься по склону к подножию Сестры.

Они подошли к скале, остановились на площадке перед ней, и собрались в кучку вокруг всё более наливающегося цветом удивительного цветка. Марина не выдержала:

– Паш, дай мне подержать эту прелесть! – взмолилась она и выхватила цветок из рук друга. – Какая красота, ребята, какие цвета! Это же описать невозможно! Смотрите, а бутон всё уже и уже... Он как живой, даже чуточку трепещет.

В порыве упоительного восторга Марине с каменной розой на вытянутых руках захотелось танцевать, и она, заливаясь звенящим смехом, сделала несколько па вальса, в порыве чувств поцеловала цветок в самый бутончик и… пропала.

Ребята даже не сразу поняли, что случилось.

– Марина, ты где? – неуверенно спросил, оглядываясь, Сашка. Паша тоже тревожно осматривался. Она только что была перед ними – и вдруг исчезла, как Снегурочка в зимней сказке, но даже облачка не оставила. Ребята закрутились, осматривая всё вокруг. Пашка посмотрел даже вверх, как будто Марина могла вспорхнуть жаворонком и улететь к солнцу. Только Симба сохранял олимпийское спокойствие. Он стоял перед ребятами в полной боевой форме и невозмутимо взирал на суету вокруг него.

Вспыльчивый Сашка не выдержал:

– Ты что стоишь, как саксаул в пустыне? Маринка пропала! Ты видишь, нет её, и камня тоже нет. А ты торчишь с палкой бамбуковой и только глазами хлопаешь. Может, ты знаешь, где она?!

Ни один мускул не дрогнул на лице Симбы. Так же спокойно и невозмутимо он ответил на немыслимом русском языке:

– Духи знать всё. Симба знать всё. Малина далико. Сикора.

– Чего «сикора»? Где далеко? Договаривай, пень бамбуковый! – разъярился Сашка. – Да что с него взять? Туземец! Ни бэ, ни мэ, ни кукареку, одним словом.

Он отвернулся и вдруг заметил мелькнувшую тень за выступом скалы недалеко от них.

– А это кто там? Паша, за нами опять следят, – уже спокойно сказал он, не глядя в ту сторону. – Кто это может быть? Неужели старый знакомый на джипе?

Он хотел было кинуться в погоню, как его резко остановил Симба. Он стоял напрягшийся, с грозным взглядом, словно напряжённо высматривал что-то вдали. Затем протянул руки в сторону скалы, за которой кто-то прятался и громко произнёс несколько слов, закрыв глаза и со свирепой гримасой на лице. Ребятам сделалось смешно и чуточку страшно. По телу пробежал странный холодок.

Несколько секунд всё было тихо. Вдруг за скалой мелькнула тень, кусты раздвинулись и на поляну тихо и осторожно, как сомнамбула, с широко открытыми и немигающими глазами вышел их старый знакомый Ганс в своём добротном джинсовом костюме. Руки его были вытянуты вперёд. Он тихо передвигался, обходя камни и густые заросли подлеска и было видно, что он действительно спит. Им управлял Симба, пристально наблюдающий за ним, и было заметно, с каким большим усилием он это делал. Ганс медленно приблизился к пораженным ребятам и застыл перед ними. Руки его медленно опустились, глаза уставились в одну точку, на лице застыла унылая обречённость.

В этот момент на лице старого шамана, сидящего в сквере на площади Совершеннолетия, отразились озабоченность и явный интерес к чему-то. Он склонил голову набок, пошептал что-то через левое плечо, посыпал серый порошок перед собой и резко скомандовал на незнакомом языке.

Симба победно потряс перед застывшим лицом Ганса своим бамбуковым копьём и что-то ему сказал. Сомнамбула, как ни странно, его понял и медленно ответил:

– Ганс. Ганс Келлер, Дюссельдорф.

После этого немец задёргался, проблески сознания появились у него в глазах, в них промелькнуло удивление и страх, но Симбу взмахнул копьём и прикрикнул на него и он опять забылся в трансе, покорно и тихо, но отчётливо, произнес:

– Находка. Чаша Грааля. Шамбала.

После чего затрясся в лихорадке и повалился на траву. Симбу поморщился:

– Сипать. Сипать. Хорошо.

– Ну и история с географией! Видимо, фрицу ну очень нужен наш камешек. Поспи, дорогой, – разрешил милостиво Сашка, – а мы пока обсудим, как нам быть дальше. Паш, что мы имеем?

– Что-что? Марина исчезла куда-то вместе с камнем. Гансик этот опять объявился. Инопланетянин сумасшедший, может быть, в окрестностях бродит.

– Интересно, а как там представитель Ватикана? Этот монах, я думаю, все ещё изучает крышу одной из городских пятиэтажек. И вообще – это же сколько их в Находке собралось, охотников за камнем. Вполне можно симпозиум международный, или даже межпланетный открывать у нас по аномальным явлениям. Слушай, Паша, а что он ещё сказал – какая-то чашка, какая-то Шамбала?

– «Шамбала» – это тибетский таинственный город в горах. Я у Николая Рериха читал про него. Там вроде бы живут самые мудрые бессмертные люди Земли, которые управляют землянами – не всегда, конечно, но во всяких критических ситуациях вмешиваются, стараются не допускать фатальных войн и гибели нашей цивилизации. И не «чашка» он сказал, а «Чаша Грааля» – это тоже из древней легенды. Вроде как в эту чашу собрали кровь распятого Христа, и потому она стала творить чудеса. Он, кажется, считает наш камень черепком этой таинственной чаши. Ну, хочешь, я тебе книжку потом дам почитать. А то ты сейчас забыл об основном – ведь нас сюда привёл не кто иной, как сам Симба. Вот давай у него теперь и спросим, зачем это ему было нужно. Только как он нам это объяснит, если по-русски знает всего десяток слов.

Они обернулись к Симбе и застыли в оцепенении. Из-за спины ничего не подозревающего Симбы на них смотрело чёрное бездонное дуло пистолета.

На лице сидящего на площади Совершеннолетия старого шамана отразился нескрываемый страх, его глаза широко открылись и невидяще посмотрели куда-то очень далеко.

Ребята подняли глаза повыше и увидели своего старого знакомого, владельца «Лэндика» – мафиози Абдуллу. Но самое печальное было в том, что Симба с его магическими приёмами его не видел и смотрел на ребят своим спокойным гордым взглядом, как ни в чём не бывало. Абдулла, однако, уже давно, видимо, за ними наблюдал и кое-что понял. До него дошло, что если Симба его увидит, то с ним будет то же самое, что и с его подельником Гансом. Чтобы не допустить подобного, он рукояткой пистолета несильно, но достаточно резко и нарочито небрежно ударил ничего не подозревающего негритёнка по курчавой голове. Симба удивлённо закатил глаза и медленно осел на тропу.

Старый шаман на городской площади дёрнулся, словно его ударили, покрылся холодным потом, задрожал в лихорадке, откинулся назад и потерял сознание.

– А теперь мальчики, быстренько камешек волшебненький вот сюда, – Абдулла протянул свою мосластую ладонь, – и мы разойдёмся в разные стороны довольные собой и друг другом. Имейте в виду, что это, – он угрожающе покачал пистолетом, – не игрушка. Только спокойно, калибр 7.62 и не таких укорачивал.

Он устрашающе посмотрел на ребят и повысил голос:

– Не вижу энтузиазма, молодые люди.

Ребята стояли ошеломлённые налётом и не знали, что делать. Понятно, что Абдулла не знает, что камень исчез вместе с Мариной. Но говорить ему об этом, кажется, не стоит, а то нервы у него сдадут, и нажмет, случаем, на курок. И они негласно сговорились тянуть время, а там будет видно.

– Дя-я-яденька, – затянул Сашка, – какой камень? У нас был какой-то камень, но мы его потеряли вот здесь где-то. Вот мы и приехали его искать, а тут какой-то больной иностранец упал и лежит. Мы хотели скорую помощь вызывать, да не успели. Скажите, что нам делать? Давайте мы камень поищем, вот где-то здесь мы его потеряли.

Сашка продолжал противно гнусить, украдкой поглядывая на мафиози с пистолетом. Но на того эта интермедия не произвела впечатления. Не опуская пистолета, он подошёл к ребятам и грубо похлопал их по карманам. Камня в них не оказалось.

– Так, гимназисты, а где ваша подружка? Ведь она была с вами утром. В кустиках спряталась, скромненькая моя? Животик заболел? Ха-ха! А камешек видать у неё в джинсиках, ха-ха, прячется! Давайте, показывайте скоренько, где она, иначе я вам дырок в маечках понаделаю. И этот кучерявый гуталинчик – первый в очереди!

Он ткнул пистолетом в сторону лежащего Симбы и неожиданно выстрелил в землю рядом с ним для испуга. И в этот самый момент перед ним и ребятами мгновенно и совершенно бесшумно появился странный-престранный тип.

Это был человек неопределённого возраста с измождённым серым от грязи лицом, в старой рваной сутане с полуоторванным капюшоном, с сумасшедшим взором горящих глаз под воспалёнными красными гноящимися веками. Он что-то бормотал на непонятном языке и с ужасом смотрел на стоящих перед ним ребят и мафиози с дымящимся пистолетом в руке, непрерывно осеняя себя мелкими крестами правой рукой. Но самое поразительное было то, что у него на левой грязной, немытой, видно, уже несколько недель ладони лежал пропавший совсем недавно вместе с Мариной таинственный волшебный Камень. Одного взгляда ребятам хватило, чтобы понять, что необыкновенный цветок куда-то пропал, что камень вернул себе свою обычную форму и был чрезвычайно возбуждён. По его поверхности катились волны тёмно-багрового цвета с чёрным траурным окаймлением, изредка открывающиеся кроваво-красными короткими и жёсткими лучами. Но камень заметили не только они. Мафиози увидел его одновременно с ребятами, но его реакция была стремительной. Одним прыжком Абдулла преодолел три метра до несчастного Алквилла, ибо это был именно он, левой рукой сгрёб камень с ладони фанатика, а правой, ещё держащей пистолет, привычно саданул Алквилла по темечку, отчего тот упал как подкошенная трава, даже не пискнув и не поняв, куда он попал и что с ним случилось.

Теперь счастливый новый обладатель вожделенного камня, не обращая никакого внимания на ребят, стал внимательно и с тупым восторгом рассматривать его. Пашка не выдержал такого издевательства.

– Это наш Камень, верни его нам. Мы его нашли и они, – он показал куда-то вверх, – разрешили нам владеть этим камнем.

Абдулла опомнился:

– Слушай сюда, гимназия! Сунешься – руки-ноги оборву и спички вместо них вставлю, – угрожающе сказал он, отошёл от ребят в сторону, снова посмотрел на камень, радостно засмеялся, несколько раз с алчным блеском в глазах ласково погладил его, чмокнул в оранжевый лучик и… тотчас исчез с глаз уже несколько привыкших к этому ребят.

– Ну вот, опять в прятки играем, – разочарованно протянул Паша. – Это становится уже слишком скучно! Сначала исчезает Марина, потом откуда ни возьмись, появляется какой-то дикий монах с нашим камнем, затем куда-то пропадает сам Абдулла и с камнем, и с пистолетом. Я надеюсь, динозавр Годзилла ниоткуда сейчас не выпрыгнет?

– Насчёт динозавра не уверен, – мрачно подхватил Сашка, – но лично я хотел бы спросить у того, кто нас сюда привёл, что всё это значит.

Он кивнул на лежащего на земле и открывшего один глаз Симбу.

– Да, как ты, кстати? – спросил Паша негритенка и, достав из рюкзачка фляжку, дал ему напиться.

В это время старый шаман на площади Совершеннолетия пришёл в себя, отёр с холодного лба ледяной пот и продолжил своё заунывное скучное камлание.

Левый глаз Симбы заплыл здоровенным фингалом, впрочем, почти незаметным на его лице цвета тёмной ночи. Однако юный негр довольно быстро пришёл в себя, вскочил на ноги, погрозил кому-то, очевидно, мафиози, своим грозным копьём, и снова встал в свою обычную позу ожидания. Паша не выдержал:

– Ты чего ждёшь, вояка? Где Марину искать? Где наш камень? Ты чего нас сюда привёл? Что нам делать дальше?

Но ни один мускул опять не дрогнул на лице юного стоика. Он спокойно и серьёзно посмотрел Паше в глаза и сказал:

– Симба ждать! Биыстра!

Тут не выдержал Сашка:

– Чего опять ждать? Что «биыстра»? Ты нам, кажется, просто голову дуришь. Все из-за тебя случилось: и Марина пропала, и чудесный камень мы потеряли. Да мы тебя сейчас твоим же потешным копьём и отдубасим, Сусанин ты африканский.

Он уже сделал шаг по направлению к Симбе, но его остановил задумчивый голос друга Паши:

– Сань, глупостей не делай, а? Вспомни, кто сопит тут в траве. Ганс Келлер – кажется, так его зовут? – тоже ведь чего-то хотел, но ничего не смог. У Симбы какие-то африканские штучки имеются, против которых мы бессильны. Да нам ничего и не надо предпринимать. Сдаётся мне, что Симба как-то общается с тем шаманом на площади, который уж точно знает, что нужно делать, а нам действительно остаётся только ждать.

И только он замолчал, как вдруг перед ними в знойном воздухе, напоённом ароматами цветущих трав и кустарников, на строгом фоне прибрежных скал появилась радостная улыбающаяся счастливая Маринка со своим постоянным рюкзачком за спиной и с охапкой огромных диких пионов, тигровых лилий и ещё каких-то невиданных гигантских жгуче-красных цветов.

Ребята не верили своим глазам:

– Маринка, наконец-то! Ты куда пропала? Где была? У нас тут такое творится – мы уже ничего не понимаем! Ты больше никуда не исчезнешь? – затараторили они.

– Привет!!! – Марина, увидев мальчишек, и вовсе засияла, подбежала и едва не завалила их своими объятьями на землю. – Я так соскучилась по вам, так старалась вернуться, что, представьте себе, сбежала почти со своей свадьбы! Вы должны оценить мою верность! – хитро посмотрела она на них. – Хотя, где уж вам?

– Какая свадьба? Ты что, за этот час уже успела затеять свадьбу? А говорила-то, говорила – надо долго выбирать, надо присматриваться к человеку...

У ребят были круглые от удивления, ничего не понимающие глаза. Но теперь уже изумилась и Марина:

– Всего один час? Да я несколько дней была в гостях у племени Белого Леопарда. И на самом деле, это было так здорово, ребята. Я была для них настоящей богиней, и за это время помогла им победить орды диких кочевников. А потом, вы не поверите, меня хотели выдать замуж за самого храброго охотника и воина племени, за юного вождя Унушу. Между прочим, парнишка тот ещё – одной стрелой двух уток на лету сбивает. И я ведь могла там остаться навсегда, но мне всё-таки удалось вернуться, хотя это было очень нелегко... Я расскажу вам всё подробно, но попозже, а сейчас надо решать, что делать дальше. Я вижу, у вас тут уже вечереет. Симба, – обратилась она к африканцу, – ты все-таки зачем нас сюда притащил?

– Вот-вот, – поддакнул Сашка. – Чтобы учинить эту потасовку?

Он показал было на поверженных охотников за чудесным камнем, но, ко всеобщему удивлению, в кустах уже никого не было. Ребята осмотрелись и заметили лишь мелькнувшую далеко среди скал сутану дикого монаха. Его немецкого коллеги по

несчастью тоже уже не было видно. Но ребятам некогда было огорчаться. Им стало ясно, что пришла пора действовать.

Симба требовательно протянул руку к Марине.

– Камэнь, – строго промолвил он. – Дай.

Марина, вытащившая было камень из кармана, невольно спрятала руку за спину.

– Зачем тебе он? Что ты хочешь делать?

Но Симба был настойчив, требователен и по-прежнему немногословен.

– Симба нада. – повторял он. – Симба знать.

Марина вопросительно взглянула на ребят. Пашка пожал плечами и решил:

– Да пусть возьмёт! Для этого он, видимо, нас сюда и затащил. Дед его – колдун африканский, а он его помощник. Ведь если бы не он, кто знает, эти бандиты давно отобрали бы у нас Камень. Да ему ничего не стоит и нас усыпить, как ту пехоту, – он показал глазами в сторону сбежавших. – Дай ему камень. Он теперь и ему тоже принадлежит. Может быть, он действительно что-то знает.

Бережно, как величайшую драгоценность, взяв Камень, Симба прикоснулся к нему губами, пошептал над ним, нарисовал в воздухе некие непонятные ребятам знаки. Камень внезапно ожил, налился оранжевыми волнами, мелко завибрировал. Он снова свернулся в загадочный бутон, из которого вдруг вырвался неожиданный тонкий оранжевый луч, который упёрся в серую известняковую скалу перед ними, напрягся, послышалось тонкое мелодичное звучание, луч стал расширяться, а звон усиливаться, и пораженные ребята увидели, как скала перед ними вдруг растаяла, в ней появился широкий проход с гладкими, словно вырезанными ножом стенами и сводчатым потолком. Симба опять пробормотал что-то и бесстрашно двинулся в появившийся проход, беззаботно помахивая своим бамбуковым копьём и посыпая вокруг себя каким-то загадочным серым порошком. Ребята переглянулись, пожали плечами и нерешительно двинулись за ним.

19.

Идти было не трудно. Сфокусированный оранжевый луч слабо освещал проход, пол был ровный, повороты не резкие. В однообразных, из серого известняка, стенах иногда встречались остатки древних коралловых рифов, раковин, местами их прорезали чёрные зигзаги даек диабазов или андезитов. В нескольких местах проход пересекали крупные, в несколько метров толщиной, гидротермальные карбонатные жилы, пустоты в которых были сложены щётками изумительных по красоте и блеску кристаллов кальцита, флюорита и других чудесных минералов, заманчиво переливающихся в свете таинственного луча.

Через некоторое время ребята почувствовали значительную перемену в обстановке. Исчезло чуть слышное звучание, сопровождавшее их с первого момента проникновения в глубь горы.

В оранжевом свете пещерные своды стали ещё более загадочными и прекрасными. И самое главное – они поняли, что уже двигаются по простому пещерному ходу, вырубленному в скале в невесть какие времена. Потолок хода был неровный, и на нём и на стенах были нередко были видны следы рубил древних каменотёсов.

Ребята двигались внутри скалы уже около получаса. Они прошли несколько резких поворотов, случались перекрёстки и раздвоения, но всякий раз дорогу им указывал волшебный проводник, освещая только тот путь, который считал нужным, и который, похоже, был единственно правильным. Вдруг Симба, шедший первым с камнем в руках, резко остановился. Оранжевый луч стал напряжённым и острым. Он упёрся в пол впереди ребят, ощупал его и вдруг часть пола перед ними с грохотом провалилась, образовав тёмный провал шириной метров пять. Позади них что-то тоже грохнуло, осыпалось,

оттуда повеяло пылью и сыростью. Симба повернулся и посветил назад – весь ход позади них был завален обрушившимися сверху обломками.

– Ребята, это ловушка, – мрачно заметил Паша.

– Да, – протянул Саша, – ни назад, ни вперёд.

– Да ладно вам, – успокоила их Марина. – Симба и волшебный Камень, наверное, знают, что делают. Наши мудрые проводники, я думаю, не бросят нас в беде.

И точно! Симба пошептал что-то в сторону провала, и оранжевый луч стал расширяться, превращаясь в сферу, которая охватила всех четверых ребят. Затем светящийся шар вместе с ребятами плавно приподнялся в воздух и медленно и неслышно перелетел через пугающий тёмный провал. Когда ребята поняли, что произошло, они уже стояли на другой стороне преграды, а Симба уже готовился продолжить путь. Как ни в чём не бывало, он ещё что-то пошептал, бросил щепотку серого порошка в зияющую бездну, откуда вдруг послышалось глухое ворчание, почувствовалось некое скрытое движение. Симбу это нисколько не смутило. Он воинственно потряс своим игрушечным копьём, и опять молча двинулся дальше, скользнув по друзьям быстрым оценивающим взглядом. Ребята молча потянулись за ним. Ничего другого им было не дано.

Опять потянулись серые стены с редкими дайками и гнёздами занорышей с щётками и гроздями удивительных кристаллов. Однако любознательный и цепкий Пашин взгляд всё чаще выхватывал в прожилках и гнёздах частые включения желтого блескучего металла. Наконец в одном месте он остановился, подозвал к себе ребят и показал им блестящий неровный прожилок в тёмной стене.

– Ребята, это золото! – твёрдо заявил он. — Я давно слежу за ним по стенам. Его становится всё больше и больше. И мы, кажется, подходим к крупным золотым залежам. А эти ходы, наверное, пробили древние рудокопы, которые его добывали.

Друзья с интересом начали осматривать и изучать стены, но нетерпеливый Симба вновь позвал их вперёд.

Минут через двадцать ребята заметили, что потолок повышается, сам коридор становится шире, и с боков к нему стали примыкать другие такие же ходы. Вскоре они вошли в большущий зал, стены и потолок которого терялись в темноте.

– Где это мы? – с интересом оглянулась Маринка, которая, казалось, как и Симба, чувствовала себя в недрах горы, как дома.

Ответить ей было некому, ибо мальчишки были подавлены открывшейся грандиозной пустотой. Пояснить все это мог только невозмутимый Симба, но из своего словарного запаса русских слов он смог найти только: «Корошо!» и «Многа!», которые и повторял в восхищении. Ребята немного осмотрелись. И тут раздался радостный вопль глазастого Сашки:

– Ура! Смотрите, здесь есть факелы. Сейчас здесь будет светло, как днём.

Он победно потряс коробком спичек, подбежал к стене и выхватил из каменной ниши палку с прикрученным к ней куском бересты. Березовая кора занялась от спички как сухая бумага. Поодаль в другой нише теснились другие берестяные факелы. Через минуту вся грандиозная каменная зала осветилась ярким пламенем горящей пересушенной бересты. Друзья окинули взглядом разом всю пещеру и все хором ахнули – в центре зала, на постаменте из белого камня стояла во всём великолепии золотая статуя прекрасной девушки. На вытянутых вперёд и сложенных вместе ладонях она что-то держала. Она смотрела вперёд широко открытыми глазами, рот её был приоткрыт в тревожном крике, и вся она была словно остановлена в каком-то стремительном порыве, блики от факелов трепетали на её лице, отчего казалось, что это её глаза играют живым блеском.

Заинтригованные ребята подошли поближе, пристально вгляделись в лицо древней пророчицы, затем оглянулись на Маринку, потом – снова на статую. Глаза их изумлённо округлились, рты приоткрылись. Они опять посмотрели на Маринку, и Сашкин голос произнёс:

– Мариша, а ведь это ты! Ей богу, ты, только золотая!

Ребята во все глаза уставились на необыкновенную статую. Сходство было несомненное. Даже одета статуя была в брюки, в которых угадывались Маринкины джинсы.

– Что же это значит? Как такое может случиться? Ведь этому золотому изваянию, наверное, тысяча лет!

– Около того, – задумчиво добавил Пашка. – Это же легендарная «Золотая баба». О ней до сих пор у местных народов сохранились легенды, и ее изо всех сил не один век ищут историки и кладоискатели. А на ладонях у неё, видите, это же наш замечательный камешек. Точно такой же, но из золота. Ты где была сегодня, пока мы разбирались с теми психами? – подозрительно спросил он Марину.

– Мальчишки, а может быть, вы и правы. Вы мне, можете не верить, но я целую неделю была в гостях у древних чжурчженей. Честное слово! Давайте немного отдохнём, перекусим, а то я что-то проголодалась, да и вы уже еле ноги носите. А пока вы будете бутерброды уничтожать, я вам всё подробно и расскажу.

Она сняла рюкзачок, вынула оттуда небольшую чистенькую циновку, сплетённую из лесных трав, постелила её на пол пещеры и выложила на нее припасы, которыми, оказывается, снабдили ее жених Унушу и его племя Белого Леопарда. Здесь были куски копчёной свинины, отварная изюбрятина, вяленая рыба, лепёшки, из пресного теста, но очень вкусные, с привкусом кедровых орешков. Ребята, чуть не урча от голода, накинулись на гостинцы тысячелетней давности, отмечая их вкус и свежесть, а Марина, прислонившись к постаменту своей золотой копии, начала свой рассказ:

– Я тогда, помните, покружилась с камнем в руках, потом погладила его и поцеловала в самый бутон, прикрыв глаза, а когда открыла их…

20.

...А когда открыла их, то оказалась на этом самом месте, на краю большой поляны, у той же скалы под Сестрой, но одна, без вас. И не увидела я ни родной Находки вдали за Сучаном-рекой, ни моста через реку, ни дороги на Врангель со стремительными иномарками. Вокруг были перевитые лианами лимонника, кишмиша и винограда буйные заросли берёзы, липы, дуба, возглавляемые могучими кедровыми исполинами. Внизу у реки виднелся небольшой посёлок из нескольких десятков хижин-землянок. Большинство из них догорало дымным пламенем. Людей возле них видно не было.

Передо мной на поляне, поросшей папоротником, цветущими пионами и ярчайшими тигровыми лилиями сгрудились странные, одетые в шкуры люди с дубинками и луками за спиной. В колчанах у них торчали бамбуковые стрелы. Потом я заметила, как снизу от реки к ним подошёл высокий белый человек в тёмной монашеской одежде, приподнял с земли какого-то старого человека и стал грубо у него что-то требовать, трясти его и бить по щекам. Затем он в ярости выхватил у ближайшего воина дубинку и занёс её над стариком. Я с ужасом поняла, что он хочет убить старика, очень испугалась и закричала. Все обернулись, увидели меня и упали почему-то на колени. А тот самый страшный белый человек вдруг пополз ко мне по земле, извиваясь как змея и не смея поднять на меня взгляда.

Я обошла его и подошла к лежащему на земле старику, помогла ему присесть, облокотившись о поваленную бурей старую берёзу, улыбнулась ему одобряюще. Ему было очень плохо, по лицу бежал холодный пот, бледность и слабость разливалась по его лицу. Но смотрел он на меня внимательно и строго, словно спрашивая, кто я и что мне нужно в этих местах. Мне стало очень жаль его и я, сама не знаю почему, вложила чудесный камень ему в руки, словно желая, чтобы его теплота согрела старика. И тотчас произошло невероятное. Старик на моих глазах преобразился. Взгляд его стал пронзительным и цепким, движения быстрыми и точными. Едва увидев камень у себя в

руках, он прикрыл его ладонью и быстро спросил что-то у меня на своём языке. Но самое интересное, что я поняла, что он мне сказал. То ли это телепатия какая-то, то ли это камень помог, не знаю.

– Кто ты, откуда у тебя волшебный талисман и где Унушу?

– Я из города Находка, зовут меня Марина, никакого Унушу я не знаю, а камень этот я с ребятами нашла вот на этой скале под горой Сестра, – ответила я, уже не слишком удивляясь.

Видимо, старик понял, что я ему сказала, потому что он кивнул головой и произнёс:

– Боги сжалились над моим племенем и прислали тебя для защиты нас от дикарей. Но они прислали тебя вместе с волшебным талисманом, который я отдал моему храброму Унушу. Значит мой юный Унушу погиб, иначе он не отдал бы талисман. Но берегись, храбрая юная богиня. Именно за этим талисманом охотится Злой Белый Человек, который хотел меня убить. Он свиреп и кровожаден, и ему нужен этот волшебный амулет для власти над миром. Этот негодяй привёл сюда орды кровожадных дикарей, которые разграбили мой посёлок и хотят истребить моё племя. Берегись, чтобы этот злодей не увидел волшебный талисман. Я стар и слаб и не смогу защитить амулет. Возьми его себе и беги отсюда за эту священную гору. Там в крутом распадке есть пещера, в которой прячется моё племя, и где спрячешься и ты. Только покажи моим людям этот камень, и они всегда помогут тебе. Беги скорей, пока злодеи не опомнились.

– Дедушка, а как я тебя здесь брошу? Ведь они вернутся и убьют тебя.

– Я уже стар, и мне всё равно скоро помирать. Спасайся ты и спаси амулет для моего племени. Возьми обратно волшебный талисман и беги поскорее, пока они его не заметили.

Старик передал мне искрящийся камень, устало откинулся на поваленную обомшелую корявую берёзу и прикрыл глаза. Я быстро взяла камень в руки, оглянулась— и ужас сковал моё тело. Вы не поверите, но я оцепенела до того, что не могла пошевелить даже пальцем. На меня в упор смотрели бешеные, полные неукротимой ярости глаза Злого Белого Человека. Очевидно, густая трава позволила этому фанатику незаметно подобраться к нам и подслушать всё, о чём мы говорили. Он накинулся на меня и выхватил у меня из рук Камень. Схватив его обеими руками, он в экстазе припал к нему губами, затем закружился в каком-то сатанинском танце и вдруг пропал из виду.

Я вскочила на ноги и готова была кинуться за ним, но... куда? Где он сейчас? Куда забросил его волшебный вихрь времени? Колени у меня подогнулись, губы задрожали, я упала на пышную приморскую траву тысячелетней давности и зарыдала от обиды и бессилия.

Я внезапно поняла, что уже ничего не смогу изменить, что невольно стала пленником времени, случайно оказалась заброшена от моих родных и близких на много сотен лет назад, что я теперь никогда не увижу ни своих родных, ни вас, ребята, никогда больше не попаду на дискотеку, и не поиграю на компьютере. Я умерла для своего времени и для своих близких.

В самый разгар моего отчаяния я почувствовала на моём плече ласковую руку старого мудрого Таргу. Он гладил меня по плечу, и что-то тихо шептал на своём певучем языке, но я его почему-то уже совсем не понимала. Потом он тяжело поднялся, опираясь на меня, и мы пошли куда-то в гору по едва заметной тропке среди буйного смешанного леса, перевитого лианами. Вокруг нас уже никого не было. Дикари в звериных шкурах разбежались кто куда сразу после исчезновения монаха с камнем. Но, едва мы перевалили через гребень, нас встретили два рослых воина с копьями в руках, искусно выделанными луками за спиной и кожаными, набитыми стрелами колчанами на боку. Они почтительно встретили старика Таргу, а на меня смотрели круглыми от удивления глазами. Один из них пощупал мой джинсовый костюм, поцокал языком и покачал головой, давая понять,

что одежда ему очень нравится. Примерно так выражали своё уважение и мальчишки в нашем дворе, когда трогали мою «фирму» от «Levis».

Старик что-то сказал им обо мне, отчего они совсем открыли рты от изумления и упали передо мной на колени. Затем из леса выбежали воины с носилками, на которые посадили старого Таргу и понесли его по звериным тропам так быстро, что я едва поспевала за ними. Но наша поспешность, как я поняла, была не напрасной. Позади нас слышались чьи-то резкие голоса, воинственные крики и топот множества ног. За нами гнались опомнившиеся дикари. Но через несколько минут мы приблизились к большой каменистой осыпи у подножия Сестры, проводники наши с носилками свернули за камень, потом ещё за один, другой – и открылся небольшой тёмный лаз, в который скользнули они, потом я, а за мной – остальные воины. Со скрипом большой обломок скалы повернулся и стал на место, закрыв вход в пещеру.

Мы оказались в тёмной пещере, уходящей далеко вглубь горы. В руках воинов появились берестяные факелы, такие же, как те, что ты, Сашка, нашел в этом зале. Один из них достал кремень и стал сыпать искрами на размочаленный трут. Однако тот не спешил загораться. Тогда я вспомнила о спичках у себя в кармане и зажгла факел одной спичкой. Это просто ошеломило моих сопровождающих. Они снова упали на колени, с которых я их еле подняла. Старый Таргу тоже был поражён.

– Ну что вы испугались? Это спички! – сказала я как можно проще. – Мы добываем из них огонь. У нас у каждого, кому нужен огонь, есть или спички, или зажигалка.

Таргу осторожно взял коробок в руки, потрогал каждую спичку, понюхал их, но зажечь не решился и с величайшим почтением вернул мне.

С зажжёнными факелами мы двинулись дальше вглубь горы. Как я поняла, шли мы по извилистым карстовым полостям, кое-где подправленным руками строителей. Где-то были вырублены ступени, где-то расширен проход, в нескольких местах в скалах был пробит соединительный ход, объединяющий разные карстовые пещеры. Так мы шли и шли, меняя факелы, множество которых было запасено в нишах у стен, в самых сухих местах. Наконец, впереди посветлело и через несколько минут мы пришли в большую светлую округлую пещеру, свет в которую попадал через большую дыру в стене, очевидно заменяющую в помещении окно. Я подошла к нему и увидела знакомую картину – прямо под нами было устье Сучана, где мутные воды реки смешивались с голубым морским прибоем. А вдали виднелась бухта Находка, которую России ещё предстояло открыть через многие сотни лет.

Я перевела взгляд в пещеру. Кроме пришедших со мной воинов и дедушки Таргу в углу пещеры, напротив дыры-окна, на подстилке из мягкого папоротника лежал молодой юноша, почти мальчик, необыкновенно красивый, с некой диковатой прелестью в чертах лица. Он мне показался очень похожим на «Маугли» из фильма, который я смотрела в «Буревестнике» несколько лет назад.

Юноша был тяжело болен, метался в жару, бредил, порывался резко встать и бежать куда-то. Его юное тело поразили три стрелы – одна вскользь в грудь, одна в предплечье правой руки, а третья – самая опасная, глубоко проникла в бедро, вызвав уже сильное воспаление. Возле больного сидела старая женщина и отгоняла от юноши мух, стремившихся на запах крови и воспаления. Время от времени она поливала раны юноши какой-то светлой жидкостью, очевидно – водой, после чего ему становилось легче, и он забывался в недолгом забытьи.

В тревоге старый Таргу подошёл к юноше, позвал его:

– Унушу! Унушу! – но больной его не услышал, только снова заметался в жару и застонал от мучительной боли. Таргу склонился над ним, что-то тихо сказал женщине, которая отлучилась и принесла изящный глиняный горшочек, в котором что-то плескалось. В дальнем верхнем углу сводчатой пещеры в углублении я мельком заметила большую летучую мышь, висевшую на потолке, зацепившись за него большими острыми коготками и неотрывно смотревшую на нас неморгающим гипнотизирующим взглядом.

Старик снова склонился над притихшим юношей и резко выдернул из его тела все три стрелы поочерёдно. Юноша дёрнулся, вскрикнул и потерял сознание от боли. Из ран хлынула потоком густая почерневшая кровь. Старик плеснул на раны тёмную жидкость из кувшинчика и приложил к ним широкие свежие листья подорожника. Кровь перестала сочиться, и юноша пришел в себя, но очень страдал, бредил и стонал в забытьи. Таргу постоял ещё немного над юношей, пошептал молитвы, и на этом лечение закончилось. Я подошла к Унушу и потрогала лоб. Он был сухой и горячий, как камень на солнцепёке. И тут я вспомнила об аптечке в рюкзачке за спиной. Я же всегда беру её в походы и прогулки за город, и не раз она вас, мальчишки, выручала, когда вы сбивали в кровь коленки или пальцы.

Мне не составило труда обработать раны йодом, наложить ватные тампоны со стрептоцидовой мазью и крепко забинтовать их стерильным бинтом. Затем я дала юноше выпить аспирин и антибиотик, после чего у него стал спадать жар, и он крепко заснул. Всё это время старый Таргу стоял у меня за спиной и молча следил за моими действиями. Когда я закончила, он обнял меня и заплакал. Он что-то говорил и говорил, но я ничего не понимала из его сбивчивой речи. Очевидно, он благодарил меня за спасение юноши, но я пока ещё не разделяла его оптимизма.

Я опять окинула пещеру взглядом. По всей видимости, это было какое-то помещение общего назначения, вроде нашей гостиной или столовой. Из неё видны были три выхода в разные стороны. Таргу взял меня за руку и повёл по одному из проходов, который привёл нас в маленькую сухую и чистую келью. В углу ее было невысокое ложе, устланное травами и покрытое циновками. Таргу обвёл всё вокруг рукой, затем показал на меня, и я поняла, что теперь буду здесь жить. И мне стало так грустно, что у меня слезы набежали на глаза. Я представила, что теперь никогда не увижу ни моих папу и маму, ни вас, ребята, ни свой дом и двор. Таргу молча гладил меня по голове и, видимо, все понимал.

И в этот момент я услышала громкий хлопок. Да, да, это был самый настоящий пистолетный выстрел. Я выскочила в большую гостевую пещеру, где недавно уже была, взглянула в дыру-окно и с изумлением увидела, как далеко внизу по широкой тропе бежит наш давний знакомый Абдулла, а за ним стремительно вприпрыжку несутся дикари в шкурах с поднятыми дубинками. Грузный мафиози явно уступал им в скорости, но когда дикари уже почти настигали его, он внезапно останавливался и стрелял в ближайшего преследователя. Дикари при этом в ужасе падали в траву, а мафиози, переведя дух, снова пускался в галоп, тем самым опять пробуждая в дикарях инстинкт преследования. Они снова пускались в погоню, забыв о поражённых пулей товарищах, и всё повторялось снова и снова. Наконец, у загнанного наркодельца закончились патроны.

Изнемогая от быстрого бега, дыша как паровоз и обливаясь потом, он в очередной раз собрался сделать прицельный выстрел, но пистолет издал лишь сухой щелчок. В ужасе от набегавшей толпы незадачливый мафиози присел, обхватил голову руками и затих, ожидая неминуемой смерти. Я тоже в страхе закрыла глаза и приготовилась услышать торжествующий победный рёв дикой толпы, но было тихо. Тогда я осмелилась открыть глаза, и увидела, что все дикари пали ниц перед загнанным Абдуллой и всем своим видом выражают ему свою покорность.

Оказывается, они бежали за ним только для того, чтобы проявить свою преданность, чтобы сдаться и покориться ему – сильному и могучему вожаку, поскольку лишились всех своих прежних. Между тем Абдулла, наконец, понял это, гордо поднялся, расправил плечи, несильно, но злобно пнул нескольких ближайших своих новых подданных, заставивших его пережить столько неприятных секунд и так бесполезно расходовать драгоценный боезапас, и вместе с ними отправился по тропе обратно, очевидно, в разорённый посёлок на берегу реки. Перед этим он что-то вынул из кармана и долго рассматривал на ладони. Я нисколько не сомневалась, что это был похищенный у нас волшебный камень. Мне стало ясно, что каким-то образом попавший к вам с

сумасшедшим монахом волшебный камень тотчас попал к Абдулле, который, в свою очередь, неосторожно провалился с ним сквозь время. Это давало мне шанс на возвращение, и теперь я точно знала, что мне нужно делать – необходимо было как можно быстрее вернуть таёжный амулет, чтобы не остаться здесь навсегда.

Но уже начало смеркаться, а я очень устала от всего произошедшего со мной и, потому, едва добравшись до травяного ложа в моей келье-пещерке, упала в душистую постель и заснула так стремительно, словно провалилась в пропасть.

21.

На следующее утро я проснулась ещё затемно. Из большой пещеры только-только начал пробиваться сквозь дыру-окошко свет ранней летней зари, который по длинному ходу потихоньку добирался и до моей кельи. Вокруг слышались неясные шумы, пахло горьковатым дымом раздуваемого костра, чьи-то шаги тихо шелестели туда-сюда по проходу. Я ещё немного понежилась в постели, поёрзала на шелестящих и скрипучих травах, повернулась на спину, приготовившись встать, и вдруг вздрогнула, почувствовав на себе чей-то внимательный горящий взгляд.

Я взглянула в проход и увидела широко открытые глаза вчерашнего раненого юноши. Совсем ещё слабый, он стоял, опершись о стену, лицо его кривилось от боли, сквозь бинты, наложенные мной вчера, проступили кровавые пятна, его шатало и трясло от слабости, но он, забыв обо всём, неотрывно смотрел на меня, почти не мигая.

Я не могла более наблюдать эту ужасную сцену, подбежала к нему и, подставив своё плечо, помогла ему добраться до его ложа в большой комнате. Всё это время он смотрел на меня неотрывно, словно боялся, что я вот-вот исчезну. Меня это немножко рассмешило, я улыбнулась ему, бережно помогла улечься, дала ему снова антибиотики и аспирин, отчего он успокоился, взял мою руку в свою, сильно сжал её и заснул крепким сном выздоравливающего.

Пока его могучий молодой организм, усиленный моими лекарствами, ускоренно восстанавливался, меня позвали на завтрак. Меня усадили, видимо, на самое почётное место – справа от меня сидел вождь племени – старый Таргу, а слева – пока еще пустовавшее место его преемника Унушу. Завтрак проходил так: в главной пещере вокруг костра сидели люди племени Белого Леопарда, человек двадцать пять, и передавали друг другу большую глиняную чашу с варёным мясом дикой свиньи, остатки туши которой ещё виднелись в одном из углов. Каждый из присутствующих отпивал из чаши бульон и брал кусок мяса, затем то же самое делал следующий. Когда очередь дошла до меня, я смутилась, и не знала, что делать, так как всё племя уставилось на меня, перестав даже жевать.

Обижать моих новых друзей не входило в мои планы, и я отважилась, закрыв глаза, отхлебнуть немного отвара из чаши и изумилась, до чего же вкусным он показался мне. Я приложилась к чаше ещё несколько раз под одобрительные возгласы сотрапезников, потом взяла большой кусок отварного мяса и едва справилась с ним. Все это очень понравилось моим новым друзьям. После мясного завтрака все стали пить из другой чаши какой-то травяной отвар вроде нашего чая с приятным пряным запахом и розовым цветом. Как я потом поняла, это был отвар из лиан лимонника, который пьют туристы и просто любители экзотики и в наше время.

После завтрака, поблагодарив хозяев, я подошла к устало возлежащему в своей келье старому вождю Таргу и стала ему объяснять мимикой и жестами, что мне очень нужен талисман, украденный у меня фанатичным монахом и впоследствии неожиданно очутившийся в руках моего знакомого крутого мафиози, в свою очередь, вдруг оказавшегося предводителем дикарей.

Умный старик молча кивал головою, посматривая из-под седых бровей на мои гримасы и ужимки. Он прекрасно понял, что я ему показываю на пальцах, и согласно

покивал головою. Потом он подозвал к себе очнувшегося от забытья, но ещё очень слабого, Унушу, неожиданно сложил наши руки воедино и запел что-то вроде молитвы на своём языке, осеняя нас своими старческими ладонями. По окончании этой процедуры он вдруг указал на нас с Унушу и жестами показал, что мы уже муж и жена и нам можно спать в одной постели. Я опешила, возмутилась, стала кричать, что я ещё слишком молода, что мне маму спросить надо, что-то вопила о правах человека, пока не поняла, что эти два славных туземца абсолютно ничего не понимают из моих стенаний. Тогда я решительно заявила, что свадьбе не бывать, пока волшебный талисман не будет у меня на ладони. Как ни странно, это они поняли, закивали головами в знак согласия и отдали распоряжения готовиться к свадьбе.

Конечно, свадьба – это всегда большое событие, а свадьба молодого вождя в таёжном племени, да ещё на невесть откуда появившейся юной богине – событие, можно сказать, века. Странно как-то мне было наблюдать, как всё племя спешно стало готовиться к моей свадьбе. Охотники отправились в тайгу за дичью, женщины пошли за крепкой брагой в глубокие подвалы-пещеры, мастерицы тут же стали снимать с меня мерки для свадебного платья. Унушу, совсем ещё слабый, умчался с друзьями в тайгу на поиски какого-то корня, без которого жениху просто нельзя приходить на торжество.

Старый Таргу отошёл в дальний угол главной пещеры и глубоко задумался, шевеля губами старинные молитвы. К нему бесшумно подлетела та самая огромная серая летучая мышь, до этого висевшая лоскутным свёртком в углу пещеры. Они как-то странно стали общаться, почти что разговаривать. Старик шептал что-то внимательно слушающей его твари, а та, в свою очередь, согласно кивала головою, топорщила свои голые блестящие крылья и звонко, но тихо попискивала в ответ. Затем летучая мышь встрепенулась, молча и бесшумно вылетела в оконную пещерную дыру и пропала в темнеющем небе.

Затемно вернулся из тайги страдающий от ран, но счастливый Унушу с огромным корнем женьшеня в руках. Оказывается, у них женьшень считается корнем счастья и без него не может состояться ни одна свадьба, но найти его должен сам жених. Чем более велик будет найденный перед свадьбой корень, тем более счастливым должен быть союз двух сердец. Почти полуторакилограммовый женьшень, добытый моим женихом, габаритами напоминающий не то огромную петрушку, не то ветвистый хрен с бабушкиного огорода, наводил меня на определённые размышления.

Возвратились и охотники с богатой добычей – косулей и двумя молодыми поросятами. Женщины принесли и молча поставили в углу большие кувшины с брагой, настоянной на мухоморах. Я поёжилась и поклялась про себя, что пить эту гадость не буду. В хлопотах прошедший длинный летний день благополучно завершался. Отужинав мясом с какими-то корешками и лепёшками из тёмной муки, и запив его отваром лимонника, все разбрелись спать, и я тоже последовала общему примеру. Перед моим уходом в дыру внезапно, так же молча и бесшумно влетела уже знакомая мне летучая мышь, которую, оказывается, звали ласково Тату. В когтях она держала что-то небольшое и тёмное.

– Бабочка, наверное, – подумала я и заснула.

22.

На следующее утро меня разбудили глухие удары в шаманский бубен. Я оделась и выбежала в большой зал, где увидела в сборе почти всё племя, кроме бойцов из охраны. Все собравшиеся были одеты в пёстрые нарядные одежды из китайских тканей и ценных шкурок. На лицах же было радостное ожидание, ведь не каждый день здесь женят молодого вождя на невесть откуда взявшейся прекрасной волшебнице. Грустна была лишь я и несколько молоденьких и хорошеньких девушек, видимо, тоже имевших на моего Унушу свои планы. Мне не хотелось огорчать моих друзей из прошлого грубым отказом,

но и замуж идти под шаманский бубен я тоже не желала. Оставалась надежда лишь на то, что жених не выполнит моё требование вернуть мне таёжный талисман, но тогда я навсегда останусь среди этого племени, и тогда мне действительно лучше выйти замуж за симпатичного молодого вождя.

Тем временем все собравшиеся, под радостное дребезжание бубнов, медленно, празднично потянулись к выходу из пещеры. Разведка племени доложила, что враги наши куда-то исчезли, и свадьбу решили отметить на ритуальной поляне одновременно с победой над дикарями. На этой поляне, как мне объяснили, всегда отмечают свадьбы, победы, похороны вождей и всякие другие важные, по мнению вождя и главного шамана, события. Как я поняла, торжество должно было стать выдающимся явлением в местной истории. Однако мне с каждым шагом становилось всё менее весело, а вдруг всё-таки выдадут меня замуж, и что я скажу тогда папе с мамой? И потом, если я все-таки вернусь в свое время, мне уже никогда нельзя будет устроить свадьбу, потому что у меня уже есть муж, пусть и оставшийся в древних эпохах...

Тем временем, мы пришли на большую, чисто выкошенную поляну посреди буйного смешанного леса где-то между Сестрой и Племянником, и расположились по кругу. Нас с Унушу поставили в центр, одели на нас венки из полевых цветов и кедровой хвои. Я вопросительно посмотрела на счастливого Унушу, показала ему на ладонь и спросила:

– Где Камень? Талисман где?.

Он понял, заулыбался, стукнул себя в грудь и гордо что-то произнёс, что я поняла с радостью и досадой.

– Всё в порядке.

С радостью – потому, что обладание волшебным камнем оставляло мне надежду на возвращение к вам, а с досадой потому, что мне не хотелось огорчать моих друзей расставанием, да еще в такой праздничный день. Ведь я тайно задумала сбежать со свадьбы с талисманом в руках. Под тот же шаманский бубен к нам подошёл гордый Таргу, он что-то недолго говорил, обращаясь то к нам, то к племени, потом вынул из-под одежд что-то и передал Унушу, а мой жених – мне. И я была вновь счастлива – на моих ладонях лежал медленно разгорающийся костёр Волшебного Камня. Таргу вновь обратился к нам, и вдруг я его поняла – небесный талисман переводил мне его корявую сбивчивую речь. Голос на незнакомом гортанном языке звучал совершенно непонятно, но смысл сказанного сразу возникал в голове вслед за сказанным. А говорил он вот что:

– Наш великий воин, удачливый охотник и будущий вождь племени Белого Леопарда и его прекрасная солнцеподобная невеста Марьяну (именно так и сказал, Пашка, ты не смейся в сторону) осчастливили нас, согласившись связать себя узами семьи, чтобы сохранить наш великий род и приумножить наши победы. Я сейчас самый счастливый человек в нашем мире, теперь я могу умереть с улыбкой на лице, потому что я спокоен за своё племя и за его будущее. Я сегодня передаю власть новому вождю – сильному, смелому и умному Унушу. Новый вождь с прекрасной женой Марьяну сделает наш народ ещё более великим и счас…...

Но мудрый Таргу не успел закончить свою венчальную речь. На последнем слове ему в горло вонзилась чёрная безжалостная стрела, выпущенная из лесной чащи. И тут же большая пёстрая орава этих полузверёнышей с криками выскочила из-за деревьев вокруг священной поляны, окружила всех нас, наставила на нас свои луки и пики и застыла, чего-то ожидая. И я поняла, кого они ждут. Когда утих шум и гам, из-за большого многовекового дуба вышел всем нам известный Абдулла. Он подошёл к нам с Унушу, развязно уселся на услужливо подставленный кем-то из дикарей чурбак-табуретку и, не обращая внимание на окружающих, заговорил со мной:

– Слушай сюда, «гимназия». Мы оба с тобой крепко попали. Я не знаю, как это произошло, где я и почему я здесь, но я должен вернуться обратно. Слишком много важных дел осталось у меня в Находке. Я тебе конкретно делаю такое предложение. Ты

отдаёшь мне этот чудной камешек и рассказываешь, что мне надо сделать, чтобы вернуться обратно. А я обещаю, что не трону тебя и твой народ, отправлю отсюда всю эту дикую банду, – он небрежно кивнул на дикарей,– и дам тебе возможность зажить с этим юношей счастливой семейной жизнью. Это будет прекрасный вариант. Другого я просто не вижу, в натуре. Сила на моей стороне и при малейшем сопротивлении с вашей стороны вы все будете уничтожены, как ваш дедок.

Он хмыкнул в сторону тихо скончавшегося Таргу и продолжил:

– Я же, вернувшись в Находку, сообщу твоим родным, где ты и, может быть, мы что-нибудь придумаем, как выдернуть тебя отсюда. Ну что, по рукам, гимназия?

Он довольно осклабился, жуя во весь рот ещё сохранившуюся жвачку из нашего века, и протянул волосатую руку ко мне, требуя священный амулет.

Я стояла застывшая, точно гипсовая девушка, только без весла. Ярость клокотала во мне, соседствуя с испугом. Я ненавидела эту дикую толпу убийц мудрого Таргу, но и боялась этой руки и этих людей с луками и пиками вокруг меня. Рядом со мной несколько дюжих мужчин держали вырывающегося Унушу. Но юноша был ещё совсем слаб, раны его ещё не затянулись, и каждое движение отражалось мучительной гримасой на его лице. Наконец дикарям надоело его удерживать, и один из них небрежно стукнул юношу здоровенной дубиной по голове, после чего мой жених закатил глаза и затих.

И тут я очнулась и ощутила, как камень в моей руке вдруг нагрелся, и от него пошла в меня неведомая могучая сила. Я вдруг почувствовала, что нас теперь двое и мы сильны как никогда. Я крепко сжала камень в руке и подумала про себя, что ни в коем случае я его не отдам этим уродам. И только я это подумала, как из камня вдруг ударил оранжевый ослепительный луч наподобие боевого клинка или старинного меча. Я взмахнула этим мечом вокруг себя и все злое племя, все наши враги оказались отброшенными от нас на добрую сотню метров. Я этого совсем не ожидала и сама перепугалась от свершившегося.

Мгновенно отброшенные от нас неведомой силой, дикари пришли в такой ужас, что они все стремглав кинулись дальше в лес и исчезли в нём, оставив после себя лишь противный запах потных, грязных тел. С нами остался только оглушённый и ошеломленный Абдулла. Его почему-то забросило на макушку высоченного кедра, где он и сидел в развилке ствола с растопыренными руками, с глупейшим выражением лица и туго-туго что-то соображал. Наконец он кое-что понял и плаксиво заскулил-закричал сверху:

– Эй, «гимназия», ты что? Я же пошутил! Сними меня отсюда, я с детства висоты боюсь.

Снимать его мы не собирались. Пусть сам постарается, учить надо таких крутых и наглых. Племя Унушу, тем временем, вернулось в посёлок и занялось подготовкой к скорбной процедуре прощания со своим вождём, шаманом и просто мудрым и добрым человеком Таргу. Теперь, когда я овладела искусством обороны с помощью волшебного Камня, мы уже никого не боялись. Наоборот, дикари, разбросанные неведомой силой по окрестным лесам, разбегались от нас в ужасе при случайных встречах в лесу.. Что интересно – никто из них серьёзно не пострадал, но страху они набрались надолго.

На следующий день Унушу снова собрал всё племя на ритуальной поляне. Тело вождя положили в центре, окружив его собранными женщинами цветами – пионами, лилиями, ветками цветущего шиповника и кедровой хвоей. Мужчины сразу с утра отправились куда-то вверх в сопку рыть могилу, а женщины оплакивали старого вождя. Всю предыдущую ночь они пели погребальные песни и плачи, а днём, когда солнце перевалило за полдень, тело вождя переодели в чистый белый саван из китайской ткани, положили на носилки, четверо сильных воинов подняли их, и вся траурная процессия отправилась к месту захоронения, которое оказалось на самой вершине горы Сестра.

Медленно поднималась печальная колонна с телом любимого вождя по узкому гребню, заросшему плетучим виноградом, лимонником и молодыми кедрами. С высокого

утёса я кинула взгляд в долину реки, и вдруг, как по команде, сквозь дымку столетий проступила вдали за рекой на мгновение моя родная Находка с мостами, портами, трубами и кораблями на рейде. Я вспомнила своё недавнее видение на пляже и посмотрела туда. И далеко-далеко я увидела себя, загорающую на песке и смотрящую мне прямо в глаза. Наши взгляды, казалось, встретились, затем заструившаяся дымка скрыла нас друг от друга, и время снова разделило нас.

Во время погребения с вершины горы я снова с тоской осмотрела девственные места побережья, на которых только через много сотен лет возникнет мой родной и любимый город. Сверху я увидела даже то самое болото, на котором потом построят мой район, мой дом и мою школу. Похоронили мы мудрого Таргу на самой вершине величественной Сестры, откуда было видно далеко-далеко, до самого дальнего перевала.

Затем мы вернулись в их полусожжённый посёлок прямо под горой на берегу реки Сучан, где я и прожила с моими новыми друзьями ещё несколько дней.

Вопрос о моей свадьбе с Унушу как-то отпал сам собой, ибо у них был мудрый обычай, согласно которому считалось, что если во время свадебных торжеств кто-либо в племени умирал, то брак считался не состоявшимся. Народ полагал, что в этом случае духи выступают против свадьбы, и жених вынужден был давать невесте богатые отступные, а помолвка расстраивалась. Бедный Унушу выглядел очень несчастным. Слишком много горя свалилось на него. Смерть Таргу, расстроившаяся свадьба, необходимость восстанавливать разорённый посёлок, держать постоянную готовность к отражению новых нападений. Но он держался стойко и мужественно. Худощавая фигура юного вождя с забинтованными мною, незажившими ещё ранами, мелькала в посёлке то тут, то там.

Работа в поселке кипела полным ходом. Мужчины восстанавливали сожжённые стены, латали проваленные крыши, чинили повреждённый частокол вокруг посёлка. Женщины выкладывали заново разбитые очаги, чинили повреждённую в сражениях одежду и занимались стряпнёй, как и в наше время. А я слонялась по посёлку, не зная, чем заняться и, наконец решила пройти в пещеру к Унушу, который руководил работами по её расширению.

23.

Я шла по пробитой тропке среди первобытного леса и не могла нарадоваться его красоте. Буйство лесных трав чуть выше сменялось зарослями кустарников – малины, смородины, жимолости – ягода на которых уже созрела и так и просилась в рот. А ещё выше расстилался зелёный океан деревьев, изо всех сил тянувшихся вверх к солнцу. Трепетные берёзки, осинки, перемежались со строгим дубняком, внезапно сменявшимися рощицами могучих красавцев-кедров. Весь зелёный, поющий и цветущий мир был переплетён в плотную непроходимую сетку крепкими лианами с уже начинающими спеть гроздьями винограда, лимонника, актинидии.

А какой воздух был вокруг! Совершенно чистый, словно отфильтрованный, состоящий, казалось, из одного кислорода, напоённый ароматами цветов, трав, ягод и свежей зелени, несущий в себе, к тому же, запахи моря и гор, он был так плотен и целебен, как живительный бальзам. У меня было такое чувство, что мои лёгкие едва не трещат под напором такого необыкновенного и непривычного для городского жителя воздуха.

Я легко и беспечно поднималась по тропинке в сторону видневшейся впереди нагромождением серых скал вершины сопки, мурлыча старую песню «Люди идут по свету», которую мы не раз напевали в лагере у геологов, как заметила чуть в сторонке справа сплошь усыпанные большущими спелыми тёмно-вишневыми ягодами кусты малины. Устоять было невозможно, и я свернула с тропы и принялась лакомиться крупной сочной ягодой. Вы же знаете, я немало бываю в тайге и сейчас, но таких ягод я

раньше никогда не видела и не пробовала. Не в силах оторваться, я уходила всё дальше в сторону от тропы и вскоре оказалась в густом кедраче под сопкой.
Малинник заканчивался, и я уже собиралась поворачивать обратно, как вдруг чьи-то сильные грубые руки схватили меня сзади за локти, затем перехватили через пояс, а огромная мосластая немытая ладонь зажала мне рот, и меня потащили куда-то чуть ли не волоком, едва давая дышать. Я попыталась рассмотреть своего обидчика, и сердце моё содрогнулось. Это был свирепый дикарь, видимо, из тех, кто ранее нападал на племя Белого Леопарда, едва прикрытый вонючими грубыми шкурами, грязный и потный.

Тяжело и часто дыша, он тащил меня всё глубже в таёжную глухомань, где у него, наверно, было устроено жилище. Я попыталась кричать из-под его ладони, но он так свирепо глянул на меня, что мой писк застрял у меня в горле. Я думаю, что ему, при необходимости, ничего не стоило бы меня придушить, как надоедливого котёнка, и тотчас забыть об этом. Самое обидное, что на этот раз со мной не оказалось моего защитника, моего таёжного оберега и талисмана, вновь подаренного мне моим бывшим женихом Унушу. В этот раз я спрятала его в своей постели, чтобы не потерять случайно в тайге. Будь он со мной, этот дикарь уже сейчас, суча ногами от страха, верещал бы перепуганным поросёнком на вершине самого могучего кедра в округе. Ну, а пока что это он меня тащил, как куль с солью, неизвестно куда.

Стало значительно темнее. Дикарь затащил меня в самую чащу леса, в сумрачный густой ельник, где под крутым склоном я увидела прикрытое свежим хвойным лапником его логово. Он грубо бросил меня на землю и хрипло крикнул что-то и погрозил мне грязным кулачищем. Я, пытаясь прийти в себя, осмотрелась вокруг. По всей вероятности, я была где-то в районе небольшой сопочки, у нас называемой Племянником, рядом с которой сейчас построен мост через реку Сучан на Порт Восточный.

Но сейчас это место было настолько дикое и непролазное, что сориентироваться было почти невозможно, не то, чтобы убежать от этого дикаря. На склоне среди кустарника и деревьев проглядывали не то крупные глыбы, не то небольшие скальные выходы известняка, а чуть выше и справа от меня в скалистом выступе отчётливо виднелся прикрытый лапником глубокий грот. Однако, не дав мне как следует осмотреться, эта дикая личность с мерзкими гримасами подскочила ко мне, больно ткнула в бок кулаком и показала на погасшее кострище пониже его жилища.

– Мой новый хозяин хочет закусить, – поняла я. – Но, надеюсь, не мной.

Чтобы не злить это чудовище, я набрала хворосту, снизу положила сухой хвои, кусочек бересты, чиркнула спичкой, и вскоре весёлое пламя охватило всё кострище. Дикарь пришёл в неописуемый восторг. Его глаза налились восторженным блеском. Он смотрел то на меня, то на весело горящий костёр и не мог сообразить, как это мне удалось так быстро разжечь его.

–Эх ты, – подумала я тогда, – Сюда бы моих друзей Сашу и Пашу, они тебе за минуту не только костёр бы развели, но и такую ушицу сварили бы, что ты бы до конца твоих дней не забыл бы.

Но пока я вспоминала вас, мой дикарь из оврага принёс кусок туши свиньи и положил в пламя. Запахло палёным. Я решила помочь этому невеже и, насадив мясо на сырую ветку, приготовила из неё неплохой шашлык. Наевшись сочного мяса, дикарь подобрел, стал заигрывать со мной, игриво трогать меня пальцем и оглушительно хохотать при этом. Это уже становилось опасным. Незаметно от него я подобрала в овраге увесистый булыжник и положила возле костра поближе к себе – а вдруг пригодится.

Наконец, он решил, что поиграл достаточно, грубо толкнул меня и показал на логово. Я отчаянно запротестовала, попыталась убежать, но дикарь, не обращая внимания на мои протесты, быстро схватил меня в охапку так быстро, что я не успела даже взять припасенный камень, и потащил в своё жилище. Я впилась зубами в его руку, он закричал и сильно ударил меня по голове, и я, уже теряя сознание от ужаса и боли, вдруг отчётливо услышала хлопанье больших крыльев, затем почувствовала резкий удар, мой дикарь

испуганно закричал, я ощутила, как ослабли его пальцы, успела подумать, что это, похоже, какие-то ангелы пришли за мной, и потеряла сознание.

Пришла в себя я от ветра, дующего мне в лицо, от мерного шума гигантских крыльев над моей головой и поняла, что я лечу, вернее, что меня в полёте куда-то несут. Я открыла глаза и встретила прямой спокойный взгляд красивого юноши, держащего меня в сильных руках. Но самое поразительное, чему я и сейчас верю с трудом, это то, что мы летели над лесом и над нами, прямо за спиной у юноши равномерно колыхались большие кожистые крылья. В такт каждому маху крыльев его спинные мышцы бугром вздувались и опадали, и тотчас дыбились его грудные мускулы, заставляя крылья взмахивать, а нас, хотя и медленно, но двигаться вперёд. Тело юноши было покрыто не длинной, но густой шерстью, однако лицо, шея и руки до локтей были открыты и смуглы.

Мы летели совсем невысоко, едва не задевая верхушки деревьев. Мне было видно, что моему спасителю очень тяжело. Он тяжело дышал, пот ручьём лился с его лба. Я как ноша была для него явно чересчур тяжела, но он упорно летел к своей цели, крепко держа меня в своих руках. Я же просто трепетала от страха, видя с такой высоты под собой верхушки елей, тополей и острые скалы Наконец, я почувствовала, что мой спаситель снизил скорость, перешёл на планирующий полёт и вскоре он плавно спикировал в самую гущу старого кедрача близ отвесных скал Сестры, где бережно опустил меня на полянку, а сам присел рядом, утирая пот со лба рукой, а кончиком крыльев как опахалом обмахивая лицо.

Я еле встала на ноги, пошатываясь и дрожа коленками. До меня, наконец, дошло, чем я рисковала, и от чего меня избавил этот феноменальный летающий юноша. Да и полёт над скалами в чьих-то обессиливающих руках тоже не располагал к радужным фантазиям. Но кто он такой, этот сказочный спаситель, откуда взялся, как он живёт, один он или у них есть свой летающий народ?

–Ты кто? – спросила я его. – Как тебя зовут? Он посмотрел на меня в упор и протяжно крикнул куда-то вверх.

– Спасибо тебе за помощь, – начала я.

Но необыкновенный летающий юноша уже не слушал меня. Он привстал на ноги, расправил огромные кожистые, покрытые лёгким серым пушком крылья, взмахнул ими, отчего вокруг зашумели кусты и листва деревьев, подпрыгнул и легко взлетел. Поднявшись выше деревьев, он сделал надо мной широкий прощальный круг, трубно прокричал опять в вышине и исчез за могучими кедрами.

Ошеломлённая всем произошедшим я огляделась и обнаружила, что стою как раз у тропы, с которой меня похитил дикарь. Я спустилась в селение родного мне племени Белого Леопарда у реки и нашла там всех моих друзей в величайшей тревоге. Унушу обнаружил моё исчезновение не сразу, но тотчас организовал всех своих мужчин на мои поиски. Самые лучшие следопыты пошли по моим следам. Они нашли место, где меня схватил дикарь, и группа захвата пошла по следам моего похитителя, так что через час пойманный абориген уже сидел в поселке, связанный по рукам и ногам, затравленно озирался и ожидал решения своей участи. Я уговорила Унушу отпустить его на волю, взяв с него слово уйти из этих мест и никогда более не попадаться нашему племени.

Пленнику развязали стягивающие его путы. Он со страхом наблюдал за действиями воинов, ожидая неизбежной смертельной кары за свой поступок. Когда же ему показали на лес и объяснили, что отпускают безнаказанным, он кинулся сначала мне в ноги, прося прощения, а затем стремительно исчез в лесу.

А вечером Унушу у костра рассказал мне о моём спасителе, крылатом юноше. Его очень редко встречают люди Унушу в тайге и только в случае большой опасности. Так, он однажды спас пятилетнюю девочку, на которую напал голодный тигр. На глазах отчаявшихся родителей он упал с высоты на тигра, и хищник убежал, испуганно озираясь и поджав хвост. Он же спас и самого Унушу, когда тот, раненый тремя стрелами и потерявший в глубокой трещине заветный талисман, сорвался со скалы и полетел вниз на

острые камни. Крылатый спасатель поймал его на лету уже над самыми камнями и принёс к тайному убежищу племени Белого Леопарда как раз перед моим появлением у них.

Чжурчжени называют его Тоомба, что по-ихнему означает – «летающий добрый дух». Никто не знает, где он живёт, чем питается, как проводит зиму. Он появляется внезапно и так же исчезает, молча творя добрые дела. Я даже тогда подумала, может, это действительно один из ангелов, о которых столько упоминаний в Библии. А теперь мне кажется, что он просто обыкновенный летающий человек, какая-то ветвь гомо сапиенс на древе эволюции, обретшая крылья. И из него-то потом молва и сотворила ангелов.

Марина на мгновение задумалась, вспоминая свои необыкновенные приключения. А Паша, воспользовавшись паузой, добавил:

– Марина, это же просто невероятно – летающий человек-спасатель. И, кстати, легенды о летающих людях есть почти у всех народов мира, даже у нас в Приморском крае. Помните, у Арсеньева в «Дерсу Узала» есть ночная встреча с кем-то похожим. Он тогда тоже вспомнил легенды о летающих людях. Ну ладно, рассказывай дальше, а то нам скоро уже надо обратно возвращаться.

И Маринка продолжила:

– Я понимала, что моя жизнь в племени Белого Леопарда подходит к концу. Они уже привыкли ко мне, считали меня своей соплеменницей, почитали меня как королеву, ничего не позволяли делать, однако я всё это время пыталась научить их тому, что умела сама, но чего они ещё не знали и знать не могли, но что могло им пригодиться в жизни.

Вместе мы с Унушу смастерили арбалет. Помнишь, Сашка, мы с тобой несколько лет назад увлекались арбалетами и переделали их не один десяток. Я вспомнила основное, а Унушу оказался очень сообразительным, изготовил арбалет из самшитового дерева и в меткости превзошёл всех. Теперь за племя Белого Леопарда можно было не беспокоиться, так как они приобрели для того времени настоящее супероружие. И без добычи на охоте они уже не останутся, и от любых врагов отобьются. Хорошо сделанный арбалет бил мощно, и без промаха.

А молоденьких девушек вечерами я собирала у костра и обучала женским премудростям, которые знала сама. За несколько вечеров они освоили вязание и приодели своих друзей в фасонистые толстые свитеры, отчего мужчины племени сразу приобрели вполне современный спортивный облик. А однажды рыбаки принесли найденных на берегу залива многочисленных кальмаров, выброшенных волнами на сушу. Я тотчас собрала у них содержимое чернильных мешков и объяснила Унушу, что это отличная краска, которой можно рисовать и писать на гладких дощечках, бересте, тростнике. Так, я думаю, подвигла их к созданию письменности и возникновению изобразительного искусства.

Однажды Унушу, расстроенный нашей неудавшейся свадьбой, спросил меня, что я хотела бы по обычаю получить как отступное. И я, конечно, попросила оставить мне волшебный амулет. Я объяснила своему несостоявшемуся жениху и мужу, что все равно не смогла бы остаться жить в его племени, что я никогда не стала бы ему хорошей женой. Я объяснила, что там, далеко в будущем, через много сотен лет, дома меня ждут папа и мама, друзья, что мне надо учиться в школе и что там совсем другая, но моя жизнь. У каждого из нас есть своя жизнь и, главное, прожить её честно, чтобы не стыдно было смотреть в лица ушедших предков и пришедших потомков.

Пусть это звучит слишком напыщенно, но теперь, когда меня пронесло сквозь время, я думаю, что в этом есть доля истины. Еще я сказала Унушу, что восхищена им самим и его славным племенем, и буду всегда помнить о нём и его людях, но я должна вернуться в своё время и в своё племя. А без его таёжного талисмана я не смогу этого. Он понял меня и молча вложил заветный амулет в мои ладони.

А потом храбрый Унушу заплакал и попросил оставить ему что-нибудь на память. Я оставила ему свою плохонькую фотографию, случайно завалявшуюся в рюкзаке, и мой

складной ножик с пятнадцатью предметами, который папа мне привёз с Тайваня и подарил в прошлом году.
Чувствуя близкое расставание, Унушу всё время был возле меня, заглядывал мне в глаза как больная овчарка, и, мне кажется, всё-таки надеялся, что я передумаю с возвращением. Наконец он на что-то решился и с таинственным видом решительно позвал меня с собой. Мы пошли в уже известную мне пещеру, скользнули в боковой отвилок, затем через узкий лаз, скрытый большим обломком скалы, попали в систему тесных извилистых проходов, уводящих куда-то вниз. Мы пробирались, низко пригнувшись, почти на четвереньках, среди каменных завалов и пробитых в скалах узеньких пролазов и вскоре упёрлись в серую монолитную стену. Здесь можно было встать в полный рост.

Унушу поджёг новый факел вместо угасающего, торжествующе обернулся ко мне, протянул руку к скале и ликующе произнёс:

– Вот самая главная тайна моего племени. Я сам только недавно узнал её от старого вождя. Смотри! – и он указал факелом на стену пещеры.

Сначала я ничего не поняла. Но, присмотревшись, увидела, что стена эта сверху состоит из светло-серого известняка, а снизу – из тёмно-серого, почти чёрного андезита. Но самое поразительное, что на стыке этих пород мощной полосой блестело что-то жёлтое. Это была огромная золотая жила толщиной в руку, а местами и поболее. Золотая струя блестящей анакондой протягивалась через всю стену и терялась в нижней части горной выработки. Унушу неотрывно смотрел на меня, и в его глазах стояли слёзы:

– Останься, Марина, это всё будет твоё. Ты будешь самой богатой женщиной в мире. За это золото можно иметь всё, что ты захочешь.

Я грустно улыбнулась, обняла его и поцеловала в щёку:

– Никакое золото не доставит мне сюда моих маму, папу, друзей и родных. Мои любимые книги, газеты и журналы, фильмы, аудиокассеты – ты даже не знаешь, что это такое. Ах, если бы у меня здесь был хотя бы мой фотоаппарат!... Увы, наверное, каждый должен жить в своём времени. Прости меня, мой прекрасный Унушу, но мне пора возвращаться домой, и никакое золото меня здесь не удержит. Только будь осторожен. Нельзя, чтобы Абдулла узнал об этих сокровищах. Ему всегда будет мало золота, оно ценится и у вас, и в нашем времени.

Молчаливые, мы вернулись в селение, и я стала прощаться с племенем. Я думала, что меня давно заискались и заждались и вы, и мои папа и мама. Если бы я знала, что здесь у вас прошел всего-навсего один час, я бы, наверное, пожила там еще. Превратилась бы в ученого-этнографа, а потом написала бы целую книгу о тех временах. НО я этого не знала и очень торопилась.

Единственное, что тяготило меня в то время, так это исчезновение Абдуллы. С дерева он как-то всё-таки спустился и пропал в зарослях. Больше я его не видела. Я не желала ему зла, хотя он многое заслужил за свои подлые поступки, но ничем не могла ему и помочь. Он навсегда пропал в лесу близ устья реки Сучан столько лет тому назад.

Я оставила на память людям племени Белого Леопарда всё то, что нашла в своём рюкзачке. Самой симпатичной и смышлёной девчушке Тару, на которую засматривался и сам Унушу, досталась моя пластмассовая расчёска с зеркальцем из японского города Отару. Маленький туристский компас и блокнотик с трёхцветной шариковой ручкой я оставила Унушу. Перед этим я научила его пользоваться всем этим, и он очень неплохо стал ходить в тайге с компасом по азимуту и научился рисовать в моём блокноте лесных зверей. Видимо, у него был талант художника. Он даже набросал однажды мой портрет в блокноте и получилось очень даже похоже.

Выйдя на площадь посреди городища, я в последний раз обняла моего славного Унушу, помахала собравшемуся вокруг племени руками, ласково коснулась и потёрла оживившийся талисман ладошкой и чмокнула его в самую серёдочку. Необыкновенный камень, словно почувствовав моё желание, мгновенно перенёс меня к вам сюда. И надо же так? Там у меня прошло около недели, а у вас тут всего не более часа.

– Ребята, – закончила Марина с печалью в голосе свой рассказ, – как только мы выберемся отсюда, я обязательно свожу вас на могилку дедушки Таргу на вершине Сестры. Она должна сохраниться до наших времён. Он был очень мудрый, очень добрый и очень храбрый. Ему нужно поставить памятник на века. Чтобы и ещё через тысячу лет люди будущего знали и помнили мудреца Таргу.

24.

Ребята смотрели на Марину и не знали – верить ей или обратить все в шутку.

– Но это же просто невероятно, что ты была у древних чжурчженей!

Они понимали, что этого не может быть. Но, с другой стороны, откуда у Марины, невесть куда исчезнувшей всего час назад, появились такие дивные припасы в таком старинного вида, но совсем новом керамическом горшочке? А эта бамбуковая стрела, торчащая из рюкзака?

– А этой стрелой дикари убили дедушку Таргу. Её вынул из раны и подарил мне на память мой жених Унушу, – печально пояснила Марина. – А эти стеклянные бусы подарила мне на прощание красавица Тару, видимо, будущая невеста Унушу, очень хорошенькая девушка.

Ошеломлённые потрясающими подробностями из рассказа Марины, ребята обменивались репликами и взглядами и совсем забыли про своего друга Симбу. А когда бросили на него случайный взгляд, то просто обомлели. Невозмутимый Симба, совсем не тронув исторические бутерброды, куски мяса и рыбы, предложенные ему Мариной, стоял перед золотой статуей на коленях, что-то шептал ей на своём африканском наречии, и обильные слёзы бежали по его зареванному лицу.

– Ты что, Симба, что с тобой? – бросилась к нему Марина. – Вставай! Так нельзя! Отчего ты плачешь?

Она попыталась поднять его с колен, но юный мавр гордо отказался. Он встал, только закончив свои страстные молитвы-заклинания, простер руки к ребятам и, показав на золотую статую, произнёс с мольбой в голосе:

– Вот многа-многа золото. Дай мне камень-звёзда! Мой племя плохо-плохо! Симба сделал свой клятва. Симба нада камень!

– Вот так история! – протянул Паша. – Оказывается, нашему чёрному другу тоже нужен наш камень, и он хочет его у нас купить за твою золотую статую, Марина. Вот какой ребус здесь закручен. Только кто объяснит этому юному воину саванны, что камень-то не наш вовсе, а общественное достояние, как впрочем, и эта жутко дорогая статуя.

– Ребята, а ведь, наверное, этот камень Симбе, в самом деле, очень нужен, – вступил в разговор обескураженный Саша. – Вы только посмотрите – два представителя глубинной, почти первобытной Африки, а куда за ним забрались. Конечно, это всё их шаманские штучки. Но ведь они всё знали наперёд, что с ними и с нами произойдёт, рисковали очень, но отправились в совершенно незнакомую северную страну. И вы посмотрите, какое открытие они совершили. Сколько лет легенда о «золотой бабе» жила на Дальнем Востоке и, оказывается, это легенда о нашей Маринке!

– Теперь бабой меня обзывать будете? – вставила немного обиженная Маринка.

– Да не в том дело! Совершенно понять не могу, - продолжил Саша, – а если бы сегодня Марина не отправилась, случайно поцеловав наш камень, в глубь времён, то этой легенды не было бы, и этой статуи тоже не было бы? Как вы думаете, ребята? Голова у меня кругом идёт.

– Мальчишки, – вмешалась озабоченная Марина, – с этой легендой и золотой моей копией мы ещё разберёмся. Давайте подумаем, как нам быть с Симбой и его дедушкой. Ведь они считают, что вправе просить у нас камень за эту кучу золота. Они, оказывается, специально нас сюда привели для операции обмена камня на золото. А ведь если она вся

золотая, то здесь действительно не менее сотни килограммов золота будет. Это же целое месторождение благородного металла. Но ведь мы не можем им отдать камень, он ведь тоже принадлежит всему нашему городу, нашей эпохе и нашему племени… тьфу – нашему народу! Да и цены в золоте у этого волшебного камня нет и быть не может. И статуя эта тоже не наша, а государственная получается. С другой стороны, обидеть их отказом тоже нельзя. Сашка правильно говорит, у них, наверное, есть весомая причина, чтобы за тридевять земель вот в таком виде пешком отправиться за каким-то камнем. Может, расспросить Симбу обо всём, а камень нам поможет понять друг друга?

– Я думаю так, – вмешался обстоятельный Паша. – Сейчас мы находимся глубоко внутри горы, у нас не так уж много еды, воды всего одна фляжка осталась, нет ни фонаря, ни даже плана, что нам делать дальше. Факелы скоро закончатся. Нам надо отсюда выбираться поскорее. Да и слишком много желающих на этот камень собралось вокруг нас. Так что разговоры с Симбой отложим на беседу за чаем и пирожками у Саши дома. А сейчас пора в путь. Сюда мы ещё не раз вернёмся, чтобы статую вынести в город и провести более глубокие археологические исследования.

– Действительно,– согласилась Марина,– взять статую с собой мы сейчас никак не сможем. Давайте ещё раз осмотримся и двинемся в обратный путь. А с Симбой договоримся на свежем воздухе.

Ребята ещё раз обошли всю пещеру, внимательно осмотрели все закоулочки, и вдруг внутри постамента из белого рифового известняка Саша заметил нишу, в которой что-то лежало нетолстой стопкой. Это оказалась, как ни странно, совсем современная записная книжка, исписанная тонким неровным почерком современной шариковой ручкой. Ребята пригляделись и несказанно удивились, прочитав слова на русском современном, хотя и очень ломаном, языке. Разгадка пришла чуть позже, когда на одном из листочков Марина вдруг разобрала подпись – «Абдулла».

– Ребята, а ведь это записки нашего мафиози, оставшегося там у чжурчженей! Очевидно, он прибился к племени Унушу и оставил нам свои мемуары.

– Здо-орово! – протянул Пашка. – Дома почитаем, а потом сдадим в музей Раисе Нуриевне! Прямо-таки «записки нашего современника», но из тысячелетнего прошлого.

– Ай да Абдулла! – радовалась Маринка. – Вспомнил о нас, когда припекло. А то всё – «гимназия», «гимназия». Вот сейчас у него настоящая школа жизни, наверно, началась. Но нам действительно некогда. Теперь уже точно пора в обратный путь.

Ребята встряхнулись, подбодрили приунывшего было Симбу, ещё раз взглянули на золотую Маринку и двинулись обратно, да не тут-то было. Обратного хода у них уже не было. Не было ни того, по которому они вошли в пещеру, ни других, выходящих из неё. Вокруг них были только массивные серые стены из древнего известняка, местами прорезанного грубыми трещинами и матовыми прожилками.

– Что за чертовщина? – промолвил недоумевающий Паша. – Только что вокруг были широкие проходы, чуть ли не таблички с указателями висели, и вдруг – одни только серые мрачные стены.

– Ребята, нас замуровали! – ахнула Марина. – Что делать?

– Кому это надо?! – почесал затылок Сашка.

Они разом посмотрели на Симбу.

– А что нам скажет магия Вуду? – мрачно пошутила Марина.

Однако Симба тоже был очень встревожен. Он усиленно крутил головой по сторонам, сыпал вокруг себя серый порошок чуть ли не горстями, но выражение его лица оставалось тоже недоумевающим. Он что-то тараторил по-своему, и среди его тарабарщины ребята понимали только часто повторяемое имя его деда-колдуна. Стало ясно, что Симба выполнял волю своего деда, а сейчас потерял с ним магическую связь. Ребята поняли, что в их судьбу вмешалась какая-то другая могущественная сила, с которой не может справиться даже африканская чудесная магия.

Вдруг факелы у них странно заколебались, закоптили, несколько раз моргнули и… разом погасли. На ребят обрушилась абсолютная, давящая своей таинственностью и непредсказуемостью темнота. Стало по-настоящему страшно и жутко. Марина не выдержав напряжения, тихо ойкнула и накрепко схватила друзей за руки. Ребятам тоже было очень даже не по себе, но виду они не подавали. Тут они увидели, как со стен медленно и бесшумно стало стекать «нечто» в виде слабо светящегося фосфоресцирующего ползущего покрова или туманного облачка. Облачко сползло вниз со стен и сгруппировалось в центре пещеры в слабо мерцающий комок, который стал медленно расти, принимая неопределённые формы, пока вдруг ребята с изумлением не увидели, что туманное облако становится похоже на человека и, наконец, окончательно формируется в высокую блестящую фигуру в шлеме.

– Инопланетянин! – выдохнул Пашка. – Опять он! Ну, держитесь ребята, это он снова за камнем прибыл. Уже по серьёзному.

– Все равно, мы так просто его не отдадим, – упрямо пробормотал Саша. – Мы имеем на него право и отстоим его.

Ребята сжались в комок, крепко схватили друг друга за руки и приготовились к отражению любой атаки космического гостя, мелкими шажками-прыжками приближающегося к ним. Однако схватки не последовало. В нескольких шагах от них фосфоресцирующее существо протянуло к ним свои руки, от которых затем отделилось тёмное облачко, которое приблизилось к насторожившимся ребятам и окутало их тягучей вязкой ленью. Они вдруг все несколько раз широко зевнули, устало присели на пол пещеры, затем улеглись, подложив под голову руки, и заснули крепким сном в самых разных причудливых позах.

Первой в полной темноте пришла в себя Марина. Она открыла глаза, но увидела вокруг себя только абсолютную тьму, непроглядную, звенящую в ушах. Она снова их закрыла, но не заметила никакой разницы. Тогда она пошарила вокруг себя и нащупала в кромешной тьме Пашку, а рядом с ним Симбу и Сашу. Они самым бесстыдным образом спали и даже похрапывали во сне. После изрядного тормошения пробудился, наконец, Сашка. Марина слышала, как он протёр заспанные глаза, чертыхнулся и произнёс:

– Марина, это ты? Включи свет, что за шутки.

Тут подал голос пришедший в себя Паша, вслед за ним забормотал что-то и Симба.

– Выключатель слишком далеко, – отрезала сердитая Марина. – Очнитесь поскорее, сони! Вы что, забыли, что мы ещё в пещере? Тут где-то факелы наши должны быть, давайте их найдём, подожжём их и осмотримся. Вот тогда разберёмся, где мы сейчас и что нам делать дальше.

Отыскав возле себя погасшие факелы, вскоре в их зыбком свете они выяснили, что действительно сидят в той же самой пещере. Только на мраморном постаменте уже нет золотой Марины. Драгоценная статуя бесследно исчезла.

– Вот жулик поганый, – возмутилась Марина. – Зачем ему золото в космосе?

– И в самом деле, как-то странно. Он прилетел из Космоса в поисках волшебного камня, а попутно прихватывает сотню килограммов золота в туземной «бабе». Как-то не вяжется это

– А что вы знаете про этого скользкого типа из «тарелки»? Может, он вовсе и не из космоса, а из какого-нибудь параллельного мира в двух шагах отсюда. А золото у них тоже, может быть, в цене!

Дискуссия вяло текла при свете догорающих факелов, как вдруг Пашка похолодел от нехорошего предчувствия:

– Ребята, а камень-то наш где? Он у тебя, Симба, был перед встречей с этой блескучей лужей.

У Симбы камня не оказалось. Не оказалось его и нигде вокруг, хотя ребята на всякий случай высветили и излазили весь неровный, грубо выбитый пол пещеры.

Впрочем, им сразу стало ясно, что камень похитили вместе с «золотой бабой», и теперь положение самих ребят стало очень серьёзным.

– Говорил я, что надо удирать поскорее, – с сожалением вымолвил Паша.

– А кто против был? Мы просто не успели, – хмуро ответил Саша.

– Мальчики, я хочу пить. У кого фляжка?

Старая их походная подруга, поллитровая солдатская фляжка в войлочном чехле, как всегда была в рюкзачке у Сашки. В ней осталось чуть более половины свежей прохладной воды. Выпили по два глотка все, кроме Симбы, которому в прохладе пещеры после душной саванны пить вовсе не хотелось.

Положение ребят было гораздо сложнее, чем они признавались себе. Они оказались в глубине огромной горы практически без света, еды и питья. Они не знали обратного пути. Никто в городе, кроме разве что не говорящего по-русски колдуна Тимбукту, не знал, куда они ушли и где их надо искать. А самое главное, они лишились волшебной помощи своего амулета, да и телепатическая связь Симбы со своим магическим дедом, который вроде бы мог всё, по непонятным причинам прервалась. Нужно было рассчитывать только на себя.

Ребята вновь осмотрели пещеру, в которой находились. Оказалось, что космические чары с неё были сняты, и вновь открылись три выхода, кроме главного, по которому они сюда добрались, но ничего хорошего они не принесли нашим пещерным пилигримам. Ребята обследовали все ходы, и два из них оказались тупиками-складами, а третий был полностью завален обрушенной породой и абсолютно непроходим. Возвращаться по главному пути тоже не представлялось возможным, поскольку все помнили ту ловушку, в которую они едва не угодили, и спас их тогда только замечательный волшебный друг – таёжный талисман..

– Где же он сейчас, – грустно вздохнула Марина, вспомнив ласкового и тёплого друга. – Может, где-то среди звёзд сейчас летит в чужие миры. Как же он мог бросить нас здесь без всякой помощи? Ведь он всё понимает, он умный и добрый.

– Он-то здесь при чём? – ответил Паша. – Ведь его силу пересилила другая, чужая, инопланетная сила. Да, впрочем, откуда пришёл, туда и ушёл. Ведь мы совсем не знаем, что это за камень, да и камень ли это. Почему он мыслит или он просто принимает и выполняет чужие мысли? А если это так, то чьи это мысли и добрые поступки?

– Этого мы теперь, похоже, никогда не узнаем, – грустно заключил Саша. – Симба, – вдруг вспомнил он о юном африканском герое, который завлёк их всех в эту ловушку, а сейчас притих. – А ты что молчишь, как кокос на твоей домашней пальме? Где твой дедушка-шаман Тимбукту? Почему он нам не помогает?

Симба понял вопрос, но ответил не сразу. Он всплакнул, пустив по чёрной глянцевой шеке настоящую мужскую слезу, вдруг став после этого самым обыкновенным мальчишкой, только курчавым и чёрным, и тоскливо сообщил:

– Тимбукту плохо, много плохо. Тимбукту Симба нет! Плохо, много плохо, – печально повторял он.

Немногим ранее печальных происшествий, произошедших с ребятами в пещере, в нашем городе Находке, на знакомой нам площади Совершеннолетия происходили тоже события невесёлые и странные. Тот чёрный старый колдун, к которому за несколько дней город уже успел привыкнуть, внезапно совершенно изменился. Люди, спешившие по утрам на работу, а вечером с сумками обратно домой, почти не обращали уже внимания на мирно сидящего под деревом черного седого странного старика. Но сегодня, всё время сидящий под деревом, он вдруг встал на свои худые, но ещё сильные ноги, развёл под деревом небольшой костёр, и стал ходить вокруг, громко стуча в бубен, что-то выкрикивая и посыпая серый порошок вокруг огня, а иногда прямо на пламя, которое в этот момент взрывалось густым дымом, котором, по свидетельствам очевидцев, часто проскальзывали странные зыбкие тени и силуэты. Кто-то вдруг увидел в дымном пламени силуэты трёх мальчишек и одной девочки в джинсах, другой – какую-то странную

блестящую скульптуру, а один мальчишка рассказывал, что чётко видел длинную бледную фигуру с огромными косыми глазами, чем-то похожую на Фантомаса из знаменитого фильма, которая вдруг расплылась в скользкую лужу, внутри которой находилось что-то непонятное.

А вечером этого длинного и суетного дня люди, собравшиеся поглазеть на удивительное зрелище, вдруг явственно увидели в клубах дыма высокого старика в восточных одеждах с разгневанным лицом, который грозно грозил кому-то в сторону, а один внимательный мальчишка услышал даже какие-то странные слова, сказанные этим старцем: «Шамбала» и «Артефакт». Так в суетных камланиях прошёл день, а вечером неутомимый старик вдруг что-то громко и пронзительно запел, потом закричал и вдруг сполз на подкосившихся ногах на зелёную траву рядом с костром и затих. Толпа расценила это как шаманский трюк, но когда шаман пошевелился и застонал, раздался шепот, что, мол, вдруг человеку плохо.

Из толпы вышел мужчина, видимо, доктор, пощупал у деда пульс, посмотрел зрачки больного и, вытащив из кармана мобильный телефон, громко и чётко вызвал бригаду «Скорой помощи», сообщив, что на площади плохо с сердцем старому человеку. Станция «Скорой», по счастью, была расположена совсем рядом, что и позволило реанимационному автомобилю появиться здесь буквально через несколько минут, чему все зеваки искренне удивились. Так старый шаман совсем скоро оказался в горбольнице на Пирогова, где прошёл в документах приёмного покоя как иностранец неизвестного гражданства без сознания.

Именно в это время его внук Симба бормотал в тёмной пещере под Сестрой, что «плохо, много плохо Тимбукту», его могущественному деду. Ребята немного растерялись. На них навалилось столько разного, да и к тому же непонятного, что требовалось какое-то время всё обдумать и обговорить. Они собрались тесной кучкой в центре главной пещеры, возле постамента, на котором совсем недавно стояла их спутница в невероятном золотом исполнении, взялись за руки и тихонечко переговаривались, обсуждая произошедшее с ними. Возле них потрескивали догорающие берестяные факелы, которых осталось не так уж и много. Более всех переживал отважный Симба, винивший себя за то, что вовлёк ребят в этот внезапный рискованный поход. И за дедушку он очень переживал. Симба покачивал сокрушённо головою и всё повторял имя деда-колдуна:

–Тимбукту, Тимбукту.

Наконец Сашка не выдержал и решительно заявил:

– Хватит киснуть. Надо думать, как выбираться отсюда. В жизни не бывает безвыходных ситуаций. Давайте ещё раз осмотрим все коридоры и поищем выход. Иначе мы пропадём здесь очень скоро, не пройдёт и трёх дней. Погибают не от беды, а от безнадёжности. Я с Мариной иду в правый ход, а ты, Паша с Симбой – в левый. Встречаемся через полчаса здесь же.

Ребята, приободрившись от Сашкиной уверенности, согласились и, набрав в запас несколько берестяных факелов, разошлись по ходам. Часы, правда, были у них всего одни, у Саши, те самые, «Командирские», которые ему подарили, скинувшись на шестнадцатилетие, Паша и Марина. Вот теперь они пригодились им по-настоящему. Сейчас часы показывали половину восьмого, но было непонятно, утра или вечера, поскольку неизвестно, сколько они пробыли в гипнотическом сне, погружённые в него инопланетянином.

Они разошлись в разные стороны и вскоре Саша с Мариной уже вдвоём брели под потрескивание чадящего факела по извилистому невысокому проходу. Стены по-прежнему были светло-серыми, иногда в них попадались остатки древних раковин и множество мелких карбонатных жил и прожилков.

Местами это были естественные полости, выщелоченные водой в известняковых скалах за многие тысячелетия, а местами чувствовалась помощь трудолюбивых человеческих рук, сгладивших проходы и пробивших глухие стены. Здесь были видны

следы металлических рубил и следы копоти на стенах и потолке. Проход несколько раз поворачивал в стороны, затем снова выпрямился, стал выше и шире, но вскоре путь ребятам преградили огромные глыбы серого известняка, обвалившиеся с потолка и полностью перекрывшие путь дальше. Убрать их было невозможно, обойти – тоже. Ребята устало присели на камни и посмотрели друг на друга. Коптящий факел вот-вот грозил погаснуть и Саша от него поджёг новый, вспыхнувший ярким высоким пламенем. Саша машинально смотрел на него каким-то невидящим взглядом, затем вдруг наморщил лоб, закрутил головой и полез на кучу камней. Марина испуганно посмотрела ему вслед.

– Сань, ты куда? Вдруг снова обвалится потолок! Смотри, какие камни выступают.

Но Саша осторожно поднимался по камням и вдруг закричал сверху, радостно размахивая факелом:

– Ур-ра-а! Мы спасены! Здесь пролаз есть, Марина. Его чуть-чуть расширить надо и мы двинем дальше. Пошли обратно за Пашкой и Симбой, соберем вещи и домой.

Они двинулись обратно и в большом зале встретились с Пашкой, который носился по нему с гаснущим факелом и звал Симбу.

– Симба пропал, – огорошил он ребят. – Мы с ним дошли до завала, обследовали его и собирались идти обратно, как он куда-то исчез. Куда можно подеваться в этой мышеловке? Я его там звал, ждал, но факел стал гаснуть, и мне пришлось уйти сюда.

– А мы проход нашли в завале. Надо уходить поскорее, пока у нас вода совсем не закончилась, что ещё там впереди нас ждёт – неизвестно. А тут ещё и Симба пропал. Но делать нечего, надо его найти.

– Пропасть он не может, не маленький, – продолжил Паша. – Залез куда-нибудь в отвилок и подшучивает над нами. Попробуй найти чёрного мальчишку ночью в тёмной пещере, к тому же, если он прячется. Кошку найти проще, она мяукает. Все равно, пошли искать его. Возьмём по два факела и вперёд.

Старого шамана тем временем одолевали дурные знамения. Придя в себя после серии уколов и вливаний, он увидел в полубреду, как над его родной деревней кружит большой чёрный стервятник. Потом оказалось, что это вовсе не хищная птица, а чёрный самолет плохих белых людей, мучающих его родную землю, чтобы потом начать сверлить в ней дырки и прогнать прочь от племени зверей, птиц, железными гусеницами уничтожить несущую жизнь саванну, причинить боль и страдания его земле и его народу. Этот самолёт посылал на землю тёмные вредные лучи, и вдруг шаман увидел, что под падающими на него жгучими лучами стонет и корчится его верный помощник и ученик Симба. В полузабытьи старый Тимбукту напряг все свои оставшиеся силы и позвал на помощь.

Ребята, подняв повыше ярко горящие факелы, и взяв в руки запасные, медленно пошли в правый проход, где исчез Симба. Они прошли уже больше половины пути до завала, когда вдруг услышали впереди в кромешной тьме большие гулкие редкие шаги, громкое сопение, неясное бормотание. Стало ясно, что навстречу шагает кто-то большой, осторожный, непонятный.

– Ребята, что это? – жалобно прошептала Марина.

Мальчишки сами перетрусили, но виду, конечно, не подали.

– Ха-ха, – напряжённо рассмеялся Сашка, – это Симба нас напугать решил. Привязал к своему копью булыжник и постукивает в такт большим шагам. Сейчас встречу и накостыляю по шее, не посмотрю, что колдун.

Он отважно ринулся вперёд с факелом в руках, но метров через десять вдруг остановился, вытягивая шею и всматриваясь в темноту. Затем он что-то увидел, открыл от удивления или страха рот, прошептал:

– Ё-моё! Это кто? Бежим, ребята! – развернулся на пятках, и кинулся стремглав бежать обратно, увлекая за собой друзей.

– Что там? – спросил его на бегу Паша, крепко держа за руку Марину и утаскивая её за собой.

– Я не разглядел, но что-то большое, черное и волосатое, до потолка ростом. Или медведь или мамонт, а может быть и человек, но огромный и волосатый. В общем – что-то большое и несмешное, – добавил он, задыхаясь от быстрого бега.

Ребята неслись по пещере со скоростью, которую позволяла развить начавшая уставать Марина. Они пролетели, не останавливаясь, большую пещеру и ринулись в другой проход, который ранее обследовали Саша и Марина. Выбрав момент, они на мгновение остановились и прислушались. Там, откуда они только что прибежали, по-прежнему раздавались тяжёлые торопливые шаги и тяжкое сопение. Ребята переглянулись и кинулись дальше в темноту.

25.

Надо отметить по справедливости, что ребята не бежали, а грамотно отступали. Что-то неведомое и страшное преследовало их по пятам, и от этого ужаса надо было спасаться. Но они прекрасно понимали, что скоро проход закончится, и они упрутся в тёмный равнодушный завал из глыб древнего известняка, а дальше нужно разбирать его верхнюю кромку, как и хотел Саша, но на это времени нет совсем. Скорее всего, им придётся принимать бой, может быть– последний. Впереди, освещая факелом путь, бежал Паша, за руку крепко держа запыхавшуюся Марину. Они бежали молча, не оглядываясь, понимая, что за ними, прикрывая их с тыла, бежит верный Сашка с двумя факелами в руках, и он их не покинет, и если надо – предупредит об опасности. Марина, конечно, уже совсем изнемогла, всё чаще спотыкалась на ровном месте, почти повисая на своём друге детства, пока и вовсе не выбилась из сил. Наконец они вышли к завалу. Дальше хода не было.

Оба мальчика встали у стены, заслонив собой Марину, и приготовились к последней отчаянной схватке. Паша вынул свой туристский складной нож и напрягся в боевой стойке, а Саша вытянул в сторону врага оба факела и тоже приготовился к бою. Вконец измотанная бегом тяжело дышащая Марина стояла, прислонившись к гладкой боковой стене и искала, на что бы опереться. Наконец, она нащупала какой-то каменный выступ в стене и устало облокотилась на него. И вдруг шероховатый камень подался под её рукой, ушёл в стену как на шарнире, а затем исчез и целый кусок стены перед ними, да так внезапно, что Марина кубарем ввалилась внутрь небольшого помещения, а за ней туда же влетели и мальчишки. Едва они упали внутрь, как стена снова бесшумно встала на место, прикрыв их от набегающего на них кошмара. В самый последний момент, в узкую щель задвигающегося камня ребята с ужасом увидели, как из темноты на них надвинулось огромное волосатое двуногое существо, обезьяна не обезьяна, человек не человек, эдакий живой и натуральный Кинг-Конг, но на руках у него неподвижно лежал их пропавший Симба.

Затем стена совсем закрылась, и ошеломлённые неожиданным спасением ребята огляделись. Их первым желанием было броситься на выручку Симбе. Сашка даже кинулся на стену, пытаясь вырваться наружу. Но стена вновь стояла незыблемая и непоколебимая. Несмотря на то, что их факелы внезапно то ли от падения, то ли ещё от чего погасли, в этом помещении было светло. Свет шёл непонятно откуда, но ребята видели себя и всё вокруг, как на улице в пасмурный день. Это уже была не пещера. Они находились в небольшом помещении с ровными, отделанными неким материалом стенами, видимо, и источающими этот сумрачный свет. В комнате не было никакой мебели, только ровные гладкие, но тёплые стены.

– Ребята, мы опять куда-то попали, – озабочено констатировала Марина, оглядывая помещение, – везёт нам последнее время на всякие загадки. Надеюсь, это не замок Синей Бороды? И что случилось с Симбой, как он оказался на руках этого чудища? И что это за чудище?

– Могу тебя обрадовать, – мрачно произнес Сашка, – это не что иное, как кукольный театр Карабаса-Барабаса. Сейчас Буратино на Артемоне из норки где-нибудь выскочит. Ты что-нибудь попроще не можешь спросить?

– Единственное, что я могу сказать, – раздался тихий и уверенный голос Паши, ощупывающего ссадину на колене, – то, что это чудище похоже на «снежного человека», или как ещё его называют – «йети». Американцы, кстати, зовут их «биг-фут» – «большая нога». А видели, какие у этого монстра лапищи? «Йети» сторонятся людей, но случаи нападения их на человека пока неизвестны. Чем-то они напоминают дельфинов в море – вроде бы умные, а интеллект какой-то совсем другой. Вот только встречи с «йети» очень редкие, и они не так навязчивы, как дельфины.

Вдруг ребята почувствовали, как что-то вокруг изменилось. Комната чуть слышно покачнулась, вроде бы куда-то сдвинулась. Это продолжалось всего несколько секунд, а потом всё опять затихло.

– То ли мы куда-то поехали, то ли уже приехали. Интересно, куда и на чём? А как же Симба? – опять забеспокоилась Марина.

– Ты опять нам вопросы задаешь? На ковре-самолёте полетели к халифу во дворец, – мрачно съязвил Сашка. – Сейчас дверь откроется, к нам войдёт джинн и спросит у нас три желания.

– Последних, – добавил Паша.

А Маринка рассмеялась:

– Если вы еще можете шутить, значит, все не так ещё плохо...

Едва она это произнёсла, как часть стены действительно снова исчезла, а в стенном проёме появился седой старик в белом восточном халате до пят, с бородкой клином, с тёмными выразительными глазами и с пристальным изучающим взглядом.

– Поправочку можно? – тихонько вставил Пашка, когда ребята вскочили с пола на ноги. – Не джинн, а старик Хоттабыч.

Несмотря на всю необычность ситуации, ребята всё же натянуто улыбнулись, выпрямились, как при входе в класс учителя, подошли ближе друг к другу и уставились на вошедшего с ожиданием и тревогой. Старик окинул их строгим взглядом, затем тепло и подбадривающе улыбнулся и вымолвил на чистейшем русском языке:

– Добро пожаловать в Шамбалу, молодые люди!

– Куда-куда? В Шамбалу! – ошеломленно протянул Паша. – А я думал, Рерих ее все-таки выдумал.

– Мы давно ждём вас, – продолжил старик. – Вы наши желанные гости, мы окажем вам необходимую помощь, а также расскажем вам всё, что вы пожелаете узнать. Мое имя Афраний. Но у нас очень немного времени на разговоры. Проходите в наш Зал Абсолютного Знания.

Он показал рукой в сторону большого прохода, бесшумно открывшегося в другой стене. Ребята прошли сквозь него втроём как октябрята, взявшись за руки, и оказались в огромном высоком зале, залитом светом из яркой люстры под потолком, похожей на солнце. Стен у этого удивительного зала не было. На их месте вокруг ребят разворачивались удивительные картины, эпизоды и события.

Изумлённые ребята вдруг узнали в одной из батальных сцен перед собой момент Бородинского сражения. А старый одноглазый генерал, скачущий перед русским войском и благословляющий войска на битву, оказался героем войны 1812 года Михаилом Кутузовым. А в другой части этого огромного экрана они увидели вдруг измученную девушку в рваной лёгонькой маечке, твёрдо переступавшую босыми ногами по морозному снегу к аккуратной, по-немецки добротно построенной на деревенской площади виселице.

– Зоя, – тихо ахнула Марина.

Но на этом месте уже солдаты в красно-голубой форме английской колониальной армии привязывали к жерлам пушек вырывающихся людей, по-видимому – индусов-сипаев, и подносили к пушкам фитили. А рядом на стене виднелся огромный деревянный

крест, на котором ржавыми кривыми гвоздями был прибит распятый человек. Человеку было очень больно, его одолевали сотни мух, слетевшихся на кровь из его ран, он раскрывал ссохшиеся губы и просил пить. Едва к этому страдальцу подошёл легионер с копьём, как изображение сменилось, и показался чёрно-серый лунный пейзаж, на фоне которого гордый человек в скафандре водружал звёзднополосатый флаг Соединённых Штатов. А напротив появилась сцена в роскошных восточных ханских покоях, где на троне восседал небольшой человек с чёрной бородкой, длинными свисающими усами и злым прищуром жёлтых глаз. Напротив него, спиной к зрителям сидел другой человек в дорогих одеждах. Они мило беседовали, смеялись, и вдруг ребята узнали в обернувшемся собеседнике своего старого знакомого, пропавшего в приморской тайге, мафиози Абдуллу. Но изображение уже сменилась–на большой грязной площади, заполненной повозками, конными стражниками и зеваками-простолюдинами разгорался громадный костёр, в жарком пламени которого уже почти скрылся измученный лихорадкой человек, на груди которого висел плакатик на латыни: «Eretik Bruno».

Вокруг ребят полыхала вся история земной цивилизации в самые величественные и в самые позорные её моменты. Вот эсэрка Каплан стреляет в Ленина, а вот Гагарин направляется к ракете, а там Егор Кантария водружает знамя Победы над поверженным рейхстагом, а здесь раскинулась на полстены огромная панорама гибели союзного каравана в Северном море, вот убийца Авраама Линкольна вытирает о скатерть окровавленный топор, а там Гитлер корчится в своём любимом кресле от дозы цианистого калия.

Вдруг ребята насторожились и подались вперёд. Перед собой они увидели... себя, в тёмной пещере, крепко спящими на полу. Они увидели, как обокравший их совсем недавно гуманоид вновь растёкся жирной лужей, один из ручейков которой протянулся к лежащему на спине Симбе и взял у него из сжатых рук неожиданно взорвавшийся оранжевым заревом таёжный оберег. Большая же часть этой разумной лужи в это время обволокла неподвижно застывшую золотую статую, подняла её над полом и плавно понесла в один из проходов. Затем изображение стало нерезким, расплылось и сменилось панорамой старинной битвы с участием огромных боевых слонов, грозно ревущих, размахивающих хоботами и неистово топчущих мелких, снующих под ними людишек. Затем историческая ретроспектива исчезла, и в большом зале проступили серые стены.

Ребята стояли тихие, ошеломлённые решительным натиском истории. Тишину нарушил Афраний.

– Перед вами, молодые люди, только что прошли отдельные моменты известной вам истории нашей планеты. Это, ребята, не кинокадры, это настоящие моменты истории, специально подобранные для вас. К сожалению, люди очень плохо знают свою историю. Зачастую она пишется либо на основании фальшивых документов, либо на уровне неясных слухов. Вот когда вы вырастете, и кто-то из вас станет историком, имейте это в виду.

Старик замолк в тягучей паузе, а ребят охватила буря необыкновенно интересных вопросов.

– А вы что, действительно, знаете всё-всё? – не вытерпела Марина.

– Нет, конечно, – ответил Афраний, – но мы знаем очень много по сравнению с вашими знаниями.

– Но почему вы не передадите их нам, обычным людям? – спросил Паша.

– Если мы поступим так, то вы перестанете уважать себя как часть цивилизации, превратитесь в цивилизацию-иждивенца, подобно известному уже вам народу Эболы.

– А-а, это тот инопланетянин, что ли? – догадался Паша.

– Да, это его планета, умирающая без поддержки извне. Иногда мы помогаем вам с новыми идеями и изобретениями, когда это необходимо для спасения жизни на Земле, – продолжил старик. – Так скоро мы поможем вам справиться со страшной космической инфекцией – со СПИДом. Этот чрезвычайно опасный для людей вирус попал на вашу

планету вместе с метеоритом из дальнего Космоса, и в необыкновенно благоприятных условиях тропической Африки мутировал в грозный вирус-убийцу. Но его секрет уже разгадан нашими специалистами, и вскоре лекарство от него будет передано в одну из ваших клиник, где подошли к его разгадке ближе всего. Медлить с этим уже опасно для всей планеты.

Тут не выдержал Сашка:

– Скажите, уважаемый Афраний, а есть ли жизнь на Марсе?

Старик улыбнулся одними глазами:

– А вот на этот вопрос вы вскоре сможете ответить уже сами. Более того, один из вас будет лично участвовать в освоении Марса.

Всё было необыкновенно интересно, но Саше было почему-то не по себе. Он задумался, пытаясь разобраться, в чём тут дело, и вдруг вспомнил про потерявшегося, попавшего в беду чернокожего друга Симбу с его магическим копьём и обернулся к сопровождающему их старику, чтобы спросить о друге. Но Афраний уже понял его тревогу и успокаивающе поднял руку, показав в сторону. Ребята взглянули и опешили. Через другую дверь, если можно так назвать то появляющиеся, то исчезающие проходы в этих необыкновенных стенах, в зал вошёл невозмутимый Симба и за руку он вел, да-да, именно он и вёл, нечто волосатое, огромное и улыбающееся. Ребята кинулись к нему, обнимая его и хлопая по плечу, радуясь, что видят его живым, здоровым и весёлым. Симба тоже улыбался и ответил им на чистом русском языке:

– Я очень рад видеть вас, русские ребята: и тебя, Марина, и тебя, Саша, и тебя, Паша, – старательно выговаривал он.

– Ты куда пропал? Что это за Кинг-Конг с тобой за руку? Где ты успел русский язык выучить? – забросали его вопросами недоумевающие друзья, на что Симба невозмутимо ответил:

– Здесь знают всё и умеют всё. Это Зал Абсолютного Знания. А это мой спаситель, – гордо показал Симба на добродушное чудище. – Там в пещере мне вдруг стало плохо, видимо, был выброс какого-то газа в пещерном ходе, и я потерял сознание от удушья, упал за дальним завалом, и вы меня не нашли. Но это почувствовал мой дедушка Тимбукту, и с помощью камлания вызвал мне на помощь пещерного жителя, вы его называете снежным человеком, а я назвал его Батти, как в моей деревне звали одного старого доброго слона. Батти вынес меня из опасной зоны и понёс к вам, но вы, конечно, испугались и стали убегать.

– Да кто ж знал, что он с хорошими намерениями к нам идёт, и ещё тебя спасает, – разочарованно вставил слово Саша, – мы уже были готовы ко всему, даже к самому плохому.

– А я пришёл в себя на руках у Батти, хотел вас окликнуть, но вы уже попали в секретный лифт Шамбалы и исчезли. Я остался в полной темноте, с сопящим йети, но я не боялся его. Дедушка Тимбукту мне сказал, что Батти мой друг и поможет мне. Мы с ним уже хотели идти к выходу из пещеры, когда перед нами открылась такая же дверь, как и перед вами, мы вошли в неё и оказались здесь. Это Ша-а-амбала. – Симба даже глаза закатил от уважения. – Мне дедушка очень много рассказывал про неё давно, ещё дома.

– А как ты научился по-русски так хорошо разговаривать? – снова стал допытываться у него Паша. – Ведь ещё полчаса назад ты знал только «карашо» и «много».

– А всё очень просто получилось. Меня дедушка Афраний привёл в Зал Знаний и заговорил по-русски со мной, и я его сразу понял. Я ведь здесь уже целые сутки нахожусь. А как только я увидел вас всех, я очень обрадовался и стал понимать вас. Теперь я даже с Батти беседовать могу. Как тебя зовут? – обратился он к мирно стоящему рядом и внимательно слушающему их разговор лохматому гиганту.

Йети медленно повернул голову, посмотрел вполне осмысленно своими маленькими красными глазками на Симбу, улыбнулся во весь зубастый рот и сипло прогундосил:

– Батти! – затем он растянул свой губастый и зубастый рот в улыбке ещё шире и прогундосил ещё. – Симба – друг Батти! Ма-ри-на – друг Батти. Са-ша – друг Батти. Па-ша – друг Батти. Хорошо.

Ребята удивлённо покрутили головами:

– Да он сейчас шпарит по-русски примерно так же, как Симба три часа назад. Вот чудеса.

Но чудеса только начинались. Улыбающийся Батти вновь взглянул на ребят, радостно покачал головой, ударил себя в волосатую грудь и произнёс:

– Батти любит. Батти всегда помогать. Если Батти надо, Батти позвать.

Марина улыбнулась Батти и взяла его за руку. Ребята недоумевали. Как Симба может тут сутки гулять, когда они раньше его отбыли в Шамбалу и гостят здесь всего лишь полчаса? И вообще, почему они сюда попали, сюда, куда, по словам Паши, во все эпохи стремились попасть многие, но мало кто увидел эту страну? Но вопросов было слишком много, и они не успевали их задавать. Тут вновь зазвучал ровный притягивающий внимание голос их наставника, старика в белых одеждах:

– Давным-давно, – ребята вышли вслед за Афранием из зала и пошли по светло-желтому мягкому полу длинного коридора, – а если точнее, то 83 тысячи лет назад на третью планету системы жёлтой звезды, известной вам под именем Солнце, опустилась научная экспедиция из соседней галактики, известной на Земле как Туманность Андромеды, из планетной системы, условия на которой были похожи на земные. Научный персонал экспедиции был поражен обилием зоологических и ботанических форм жизни на этой планете и полным отсутствием на ней разумной жизни.

Обычно разумная жизнь развивалась одновременно с развитием биологических форм, просто переходя из одной формы в другую, более совершенную. Как они позже выяснили, в земном случае развитие разума затормозилось по космическим причинам.

Дело было в том, что эта планетная солнечная система каждые 220 миллионов лет проходила через галактическую туманность, которая внезапным изменением условий на планете практически уничтожала уже развившиеся крупные формы жизни. Всякий раз эволюции приходилось начинать сначала, почти заново создавать новые формы жизни, которые затем, уже на высокой стадии развития опять уничтожались неумолимым звёздным обращением.

Тогда было решено оставить на Земле наблюдательную станцию, которая бы помогла земным формам быстрее развиться и успеть выжить в случае кризисной ситуации текущего цикла. А поскольку время работы этой станции было неограниченно, и она должна была в будущем сосуществовать с началом разумной жизни, базу научной станции было решено оборудовать в неприступных горах, куда разумная жизнь доберётся в своей самой высшей точке развития. Поэтому именно здесь, в самом неприступном и суровом районе Земли, в Гималаях, была построена научная база, впоследствии за многие тысячи лет превратившаяся в глобальную систему.

Отсюда сотрудники станции, а поначалу их было всего шестеро, трое мужчин и три женщины, наблюдали за развитием жизни на планете и за течением эволюции разумной жизни. Внешне они напоминали земных людей, но ростом достигали 3-х метров и имели, более мелкие черты внешности. Именно по их инициативе на орбите Земли был размещён искусственный спутник с биокатализатором, который равномерно воздействуя на всю площадь планеты, столь же равномерно в сотни раз ускорял её развитие…

Коридор привел ребят в новый, небольшой зал. Под потолком так же горел яркий светильник, похожий на Солнце, но на месте отсутствующих стен на этот раз мелькали не исторические события, а различные уголки Земли: справа резвились дельфины в открытом море, чуть дальше лев гнался за стадом антилоп в степях Африки, которые внезапно превращались в непроходимую сибирскую тайгу со стаями кровожадного гнуса. Впереди крупным планом виднелось гнездо ворона, из которого высовывали клювы вечно голодные птенцы, а левее открывались подводные виды какого-то тропического моря.

– Отсюда наши ученые наблюдают за состоянием природной среды на планете и могут незаметно регулировать излишнее изменение человеком естественных условий, – коротко прокомментировал Афраний меняющиеся картинки и пригласил молодежь пройти в очередную дверь, за которой в небольшом зеленом помещении оказались уютные мягкие кресла. Ребята, присев и утонув в них, почувствовали, как за несколько мгновений возвращаются к ним после такого длинного и полного приключений дня утраченные силы. Маринка с Пашей тихо хихикнули, глядя, как усаживается в кресло добродушный, но очень удивленный непривычным мягким сиденьем Батти, а Афраний тем временем вернулся к прежнему рассказу:

– Однако случилось непредвиденное: залетевший из других миров странствующий болид на огромной скорости врезался в этот спутник-биокатализатор, и вдребезги разнёс его. Остатки спутника обломками частично выпали на землю, часть из них пропала навечно в дальнем космосе, а остальная часть осталась на околоземной орбите и постепенно выпадала на планету в виде обыкновенных метеоритов. Кстати, часть из них падает к нам на Землю до сих пор.

Крупные обломки катализатора, который представлен редкой формой кремнийорганической разумной жизни, сотрудниками станции были собраны с поверхности планеты, но они уже успели дать резкий толчок развитию некоторых цивилизаций, а именно – древнеиндейской на американском континенте, китайской в Азии, цивилизации атлантов на острове Санторин в Средиземном море. Следы нескольких крупных осколков биокатализатора затерялись в дальнем Космосе. Как мы сейчас понимаем, это, видимо, один из них попал на планету Эбола, родину уже известного вам Эборга. А другие незамеченные мелкие осколки, попавшие в различные районы планеты, давали резкие толчки в развитии различным мелким народностям и племенам, которые затем быстро опережали в развитии соседей, становились сильными и агрессивными, вследствие чего возникали захватнические войны, гибли люди и исчезали менее сильные, но самобытные культуры.

Контролировать этот процесс стало невозможно, и было принято решение готовить кадры для отстающих цивилизаций. Для этого из затормозившихся в развитии племён и народов выбирались наиболее выдающиеся его представители, которые приглашались для обучения на научную базу в Гималаи. Приглашённые интеллектуальные гиганты в течение трёх лет осваивали передовые рубежи земной науки и прочие знания, которые им могли дать Великие учителя или Адепты, как они называли затем нас в своих легендах. После высокогорного университета они возвращались на родину, где постепенно отдавали свои знания и поднимали свои народы на более высокий виток цивилизации.

В результате подобной работы различия в развитии разных народов мира выравнивались, что уменьшало возможность возникновения конфликтов, хотя отсутствием их земная история никогда не страдала. Так было решено, в противовес древним идолопоклонническим религиям создать несколько крупных мировых религий на гуманистической основе, которые учили бы народы быть добрыми и разумными. Именно так был основан буддизм, ислам и христианство, основатели которых – Будда, Магомет и Иисус были по три года учениками в пещерном городе знаний, получившем у разных народов различные имена – Шамбала у буддистов, Беловодье у славян, Небесный город – у последователей ислама и т. д.

За десятки тысяч лет научная база инопланетян в Гималаях действительно стала совершенно закрытым пещерным городом, с помощью нуль-транспортировки имеющим мгновенную связь со всеми регионами планеты и с ближним космосом. Вот и вы, – старик лукаво посмотрел на ребят, – успели познакомиться с этим видом транспорта.

– А почему вы нас-то сюда пустили? – вырвалось у Паши. – Мы же, кажется, ничем пока не прославились? Или у нас народ тоже отстающий, и вы будете нас 3 года всему учить?

– Всё гораздо проще. Вы, ребята, оказались вовлечены в очень сложную историю с небольшим обломком древнего камня-катализатора, который очень давно был потерян в дальневосточной тайге, и который вам удалось найти и вернуть цивилизации. По закону Космоса, владеть им должен нашедший, и он принадлежит вам по праву. Но вокруг этого фрагмента собралось много желающих получить его с не совсем чистыми намерениями. Нам пришлось вмешаться и восстановить справедливость Космоса.

Вы молоды, ваши помыслы чисты, вы многого добьётесь в жизни, если будете всегда вместе, и будете помогать друг другу в добрых делах. А что такое «добро» вы, в отличие от многих, уже отлично определяете. Вы сможете правильно распорядиться этим волшебным талисманом по своему усмотрению и будете правы. Но в последний момент выполнению наших замыслов помешали внезапно возникшие препятствия. Посланец дальней галактики из системы Бетельгейзе нарушил данное нам слово и похитил у вас этот фрагмент.

В свою очередь, его обманул представитель одной из религий, якобы передавший ему законные права на этот Камень. Вы ещё сможете вернуть обломок, но для этого вам надо сейчас же отправиться в дальний путь и настигнуть свой амулет, который находится в данный момент в звездолёте, летящем с околосветовой скоростью в родную галактику к планете Эбола. Если вы решитесь на это, – ребята яростно закивали головами в знак согласия, – то с вами отправится наш специалист, зовут его Аркад, и он вам всё объяснит в полёте. Медлить никак нельзя. С каждой секундой задача усложняется. За вашего друга Батти не волнуйтесь. Мы отправим его в родные места, и вы ещё не раз встретитесь с ним. До свидания, мои юные друзья. Удачи Вам и Спокойного Космоса.

Старик закончил свою речь, поклонился ребятам и вышел через открывшийся проход, а в зал к ребятам вошёл высокий молодой человек в белом облегающем комбинезоне, который и был, видимо, тем самым Аркадом. Он улыбнулся ребятам, поздоровался по-русски без малейшего акцента, и Сашка узнал в нём того самого строгого и непонятного незнакомца, которого он встретил недавно в Находке на мостике через протоку озера Солёного, только одет он тогда был в восточный халат.

А Паша узнал в нём того таинственного незнакомца, вступившего в схватку с инопланетянином в его спальне и отстоявшего для них волшебный Камень несколько дней назад. А Марина, пристально вглядевшись в вошедшего, вдруг поняла, что где-то его видела, но не может вспомнить где, когда и в какой ситуации. Но она точно знала, что когда-то уже смотрела в это худощавое смуглое лицо и в большие бездонные чёрные и всё понимающие глаза.

26.

Аркад пригласил ребят пройти в открывшийся проход, где они попали в маленькую комнату, похожую на ту, куда они кубарем ввалились, спасаясь от погони в пещере.

– Это камера нуль-транспортировки, – заботливо пояснил Аркад, – отсюда можно попасть в любой район мира за считанные секунды. Но мы сейчас воспользуемся им как обыкновенным лифтом и поднимемся к стартовой площадке.

Он что-то произнёс на незнакомом языке, и ребята вновь, как тогда, ещё в пещере, почувствовали легкое движение кабины, через несколько мгновений прекратившееся. Стена растаяла перед ними, и Саша, Паша и Маринка вновь, в который раз за сегодня, оторопели. Они были почти на вершине планеты. Под ними внизу до самого изломанного туманного горизонта простирались ледовые скалы гималайских гор. Совсем рядом с ними полнеба занимал сам Эверест. Выше него не было ничего на всей планете. Над Эверестом было только огромное багровое заходящее солнце.

– Ребята, совсем как у Рериха на картине, помните, была выставка в городском музее? Там тоже были Гималаи, и был точно такой же закат, – сказала Марина.

– Вы совершенно правы, друзья мои, – заметил Аркад. – Именно отсюда мой друг Николай Рерих и наблюдал закаты, отраженные в его знаменитых картинах.

– А вы знали самого Рериха? – сумели удивиться после всего случившегося с ними ребята.

Аркад внимательно посмотрел на них:

– Я знал очень многих достойных людей, друзья мои. А Рерих оказался очень близким мне по духу, и мы подружились. Это Человек Мира, и он всегда будет с нами.

Все помолчали. Грандиозная панорама вершины планеты внушала трепет. Они стояли почти вровень с высочайшей вершиной, и это надо было прочувствовать. Ребята находились на скалистом выступе одного из отрогов великой горы на высоте полёта авиалайнеров, но им было не холодно в своих летних рубашках и джинсах, да и дышалось им вполне нормально. Они находились как бы внутри тёплого облака, которое их обогревало и позволяло свободно дышать. Но их ожидал очередной шок. Перед ними на ледовой площадке стоял диковинный аппарат. Это была самая настоящая «летающая тарелка», только небольшая, размером где-то с небольшой грузовик.

Аркад пригласил ребят войти в неё. Они вошли через опустившийся прямо к их ногам трап, который вслед за ними втянулся, и люк исчез, как будто его вовсе не было. Внутри Аркад сразу расположился в кресле за пультом управления, вдруг выдвинувшимся из ровной и гладкой серой стены, а ребята стали вдоль голых серых стен, с любопытством осматриваясь. Многое они уже успели повидать, но внутри летающей тарелки ещё не были.

– Хоть бы табуретки какие поставили, – досадливо проворчал Саша, оглядывая пустую комнату, служащую пилотам рубкой управления. – Что же нам так через половину галактики, стоя, как в трамвае, путешествовать?

Его услышали и поняли. Тотчас из стен выдвинулись четыре удобных мягких сиденья. Ребята удобно устроились и размечтались:

– Вот бы сейчас мороженого сюда с пару килограмм, – задумчиво промолвила Марина.

– С клубничным вареньем, – размечтался Паша.

– И на кокосовом молоке, – добавил заскучавший по Африке Симба.

– Ага, и колбасы три батона, – подхватил более практичный Саша.

Но их мечты остудил Аркад. Под его управлением тарелка чуть усилила шум и гудение где-то внутри себя, на стенах вдруг прорезались иллюминаторы – один большой, перед пилотом, а четыре поменьше – перед каждым из ребят. Едва взглянув в них, они увидели, как вдруг заснеженные Гималаи ушли резко вниз и куда-то вбок, в иллюминаторах блеснули яркие немигающие звёзды, затем в иллюминатор пилота криво въехала большая чёрно-белая Луна в оспинах кратеров и в пятнах морей, а потом вдруг всё пропало в чёрном тумане. Выполнив сложные манёвры по взлёту и выходу на курс, Аркад довольно щёлкнул пальцами и повернулся к притихшим ребятам.

– Ну что, поздравляю вас, мои юные друзья, с первым гиперсветовым полётом в космосе, совершённом простыми землянами, коими вы и являетесь!

– Ух ты-ы! - протянул Сашка.

– Сейчас объясню кратенько наши задачи. Главной и единственной, собственно, целью нашей экспедиции является изъятие вашего камня-амулета у космического похитителя и возврат его на Землю. Собственно, зачем нам это нужно? По общепринятым законам Космического Братства, которые неукоснительно соблюдают все цивилизованные силы Космоса, любая собственность неприкосновенна и свята. Кроме того, в космосе нам никак нельзя руководствоваться соображениями силы, ибо тогда наступит хаос, какой и был всегда у вас на Земле.

Ваша планета с её вечными распрями, войнами и заговорами была в этом списке печальным наглядным пособием для Космических цивилизаций – как не надо жить. Вы сейчас только-только подходите к пониманию основного правила Космоса: – «Не победи,

а убеди». Именно поэтому Космическое Братство и не входило пока в прямой контакт с вами. Мы ждём, когда вы повзрослеете и окажетесь способны принять законы справедливого Космоса. Тогда ваша планета обретет могучие силы и знания. Кстати, по нашим прогнозам, это будет уже совсем скоро, в ближайшие сто лет, и вы лично должны помочь нам в этом. Поэтому мы вас и пригласили в Шамбалу и ведём с вами откровенный диалог. Вы должны понять нас и принять всю долю ответственности за будущее планеты. А теперь вперёд, в погоню за похитителем Артефакта. Через несколько минут наш корабль, который мы зовём не иначе как корабль «Знание», совершит гигантский нуль-прыжок через пространство. Пространственный коридор уже подготовлен, а необходимый импульс энергии накоплен. Совсем скоро мы догоним капсулу похитителя, а там дело будет только за вами.

Аркад снова сосредоточился на управлении. Напряжение внутри корабля ощутимо возросло. Усилилась тонкая зовущая мелодия напряжённо работающих приборов и двигателей, ещё строже и сосредоточеннее стало лицо пилота. Ребята тоже притихли, ожидая неведомо чего. Наконец они почувствовали, что напряжение достигло максимума. И вдруг словно что-то оборвалось. Лёгкая инерция вдавила ребят в кресло и пропала, тотчас тонкий свист и вибрации прекратились.

Прояснились иллюминаторы и ребята увидели невдалеке от себя чужой корабль. Они узнали в нём ту самую сферу, которая прилетала за их камнем в самую первую ночь их приключений. Сейчас оба корабля двигались рядом с одинаковой скоростью и в одном направлении. Несколькими манёврами Аркад подвёл свой корабль до чужого, затем из корабля «Знание» выдвинулся длинный гибкий шнур, достигший чужой сферы и крепко ухватившийся за него. Шнур быстро увеличился в диаметре, стал коротким и толстым шлюзом, соединившим оба корабля в единый и прочный катамаран. Аркад оглядел ребят и подозвал к себе Сашу и Симбу.

– Внутрь корабля пойдёте вы вдвоём. Ваш камень спрятан где-то внутри корабля. Мы даже не знаем точно, где именно. Но вы должны найти его по интуиции. Не исключено, что он сам поможет вам обнаружить себя. Вы только будьте внимательны и не пропустите очевидное. Ничего не бойтесь. Пилот корабля, собственно ваш обидчик, надёжно спрятан в капсуле в физиологическом растворе. Для его восстановления необходимо как минимум двенадцать часов. У вас есть на поиски только один час. После чего наш корабль начнёт совершать навигационный манёвр и вам будет необходимо вернуться назад. Ступайте и удачи вам.

С этими словами он слегка подтолкнул оторопевших ребят к переходнику. Сашка посмотрел на Симбу, Симба – на Сашку. Едва они подошли к шлюзу, как он открылся со слабым шипением. Затем давления в обоих кораблях сравнялись и ребята хоть и решительно, но с опаской, полезли в чёрную дыру шлюза. Сначала в неё нырнул Сашка, а за ним скользнул некой фантастической фигурой полуголый Симба со своим незаменимым магическим копьём. Как только ребята скрылись внутри чужого корабля, на стене перед оставшимися появился большой экран, показывающий, что происходит с Сашей и Симбой внутри чужого космического судна. Паша и Марина с волнением наблюдали за ними.

Вот ребята зашли и с опаской огляделись. Они находились в овальной комнате чужого корабля. На стене перед ними перемигивался множеством разноцветных лампочек пульт управления. Слева и справа от него стена была усеяна всевозможными кнопочками, лампочками, приборчиками, колёсиками и прочей ерундой. Вообще чувствовалось, что по устройству и управлению этот корабль был классом гораздо ниже, чем, корабль Аркада. Чувствовалась в нём некая техническая убогость, несмотря на выполняемые им задачи полёта на субсветовых скоростях. Посреди зала на небольшом постаменте находилась округлая капсула с прозрачным верхом, сквозь который было видно что-то серое и неопределённое. У Сашки эта серость и неопределённость вызвала самые неприятные ощущения.

– Симба, тебе не кажется, что за нами наблюдают? Как ты думаешь, где может быть наш камень? Тут не только нашего камешка, даже сейфа не видать. А кнопок столько, что чуть не ту нажмёшь – очутишься или в преисподней или в соседней галактике. А вот в этой капсуле в анабиозе лежит похититель камня – этот чёртов инопланетянин. Как его зовут – Эборг, кажется? Может, разбудить его и спросить? – пытался по возможности весело болтать Сашка, одновременно внимательно осматривая помещение.

Но нигде не обнаруживалось никакой зацепки. А время шло, минуты, отпущенные на поиски, таяли, и нарастало напряжение и нервозность. Симба, нерешительно повертев головой и помахав своим чудным копьём, посоветовал:

– Саша, ты позови наш Камень! Он тебя услышит. Он умный.

– Да, легко сказать, позови. А как его звать, ты знаешь? – заметил Сашка. – Мы что-то не очень поспешили с ним познакомиться.

– Ты просто позови, – упрямо повторил Симба.

Сашка пожал плечами и нерешительно позвал, ни на что особенно не надеясь:

– Камешек, дружок, где ты? Отзовись. Ты нам очень нужен.

И вроде бы ничего не произошло. Саша опять вполголоса повторил, как вдруг внутри капсулы что-то зажглось оранжевым фонариком, замигало и затрепетало. Сашка насторожился:

– Симба, смотри, он его, кажется, в своей капсуле с собой держит. Как ты думаешь, этот тип не проснётся? А то он нас тут на своём корабле по стенке размажет вместо обоев. Это у него хорошо получается.

– Пусть попробует, – храбро ответствовал Симба, – я его копьём достану. А на копье у меня старинный заговоренный ещё моим прадедушкой самый страшный яд четырёх стихий: воды, земли, огня и воздуха. Против этого яда никто не устоит. Его даже зомби боятся, а они уже покойники. Им бояться нечего.

Между тем, огонь внутри капсулы, очертаниями очень некстати похожей на шикарный земной гроб, разгорался. Стали видны внутри какие-то чёрные неясные силуэты. И самое страшное – они двигались нечёткими смазанными клубами, словно искали выхода. Вдруг капсула резко открылась и, закрывая оранжевое свечение камня, наружу выплеснулась жирная чернильная лужа. Маринка с Пашкой, увидев это на экране, ахнули и молча посмотрели на Аркада. Он же сидел молча, сосредоточенно глядя на экран, и даже не шелохнулся и не взглянул на ребят возле себя. Тем временем лужа собралась в комок и, сгруппировавшись над капсулой в форме призрачного гуманоида с оплывающей головой и неясными тонкими ломаными конечностями, зашептала тонким неестественным, каким-то свистящим голосом:

– Земляне! Моя планета погибает без этого волшебного камня. Меня послали одного, чтобы спасти всех. Вы утратили право на этот Артефакт по всем законам разумного Космоса. Настоящий хозяин этого фрагмента, представитель государства Ватикан, передал право владения на него мне и моей планете. Я с ним рассчитался согласно уговору и теперь только я полный хозяин этого предмета. Если вы не согласитесь с этим, я буду вынужден объявить вам войну и либо уничтожу вас, либо мы погибнем вместе. Меня отправила за этим спасительным талисманом моя умирающая планета. Я не могу вернуться без него. Я жду вашего ответа. Будьте благоразумны, земляне. Помогите моей планете.

Сашка вспылил:

– Жулик он, твой законный хозяин из Ватикана! Он рядом с камнем и не сидел никогда. Он даже его в руках не держал. Камень наш, и я его не отдам ни за что. Давай его обратно, а то у нас вот копьё есть заговоренное. Мы тебя им сейчас конкретно проучим.

Эборг, видимо, понял произнесённые в запальчивости резкие слова. Он что-то просвистел с нотками сожаления, а его правая призрачная рука начала вытягиваться в сторону пульта управления и застыла возле большой красной кнопки с циферблатом.

Ребята стояли молча, озадаченные этим яростным протестом чужого разума. Сашка смотрел вопросительно на Симбу, а он – на Сашку. Чернильный призрак тоже молча клубился над своей зловещей кнопкой и терпеливо ждал окончательного ответа. Но ответ неожиданно пришёл с другой стороны.

Все оставшиеся в корабле «Знание» тоже слышали и видели происходящее, но первой сообразила Марина. Своим девичьим чутьём и интуицией она быстро нашла правильный ответ.

– Ребята, вы слышите меня? – раздался в напряжённой обстановке чужого корабля её взволнованный голос. – Я знаю, что надо сделать, как надо поступить. Мы не имеем права обречь чужой, но разумный и несчастный народ другой звёздной системы на гибель только потому, что они немного другие, чем мы. Так получилось, что этот камень принадлежит нашей планете, но мы научились обходиться без него, и надо этому научить других. Я была волей судьбы в гостях у древних чжурчженей, которым изначально принадлежал этот спасительный камень, и они подарили его мне, хотя он был очень нужен им самим. Так давайте продолжим эту традицию, выручим своих новых друзей из системы Бетельгейзе, и подарим им так им нужный волшебный амулет, без которого они обречены на гибель. А через несколько лет, может быть, мы нанесём визит на эту планету и посмотрим, как они использовали наш подарок и нужна ли им ещё наша помощь. Так мы подружим наши две такие разные цивилизации и покажем пример всем космическим обитателям. Я правильно говорю, Аркад?

Все посмотрели на молчаливого наставника. Аркад сидел на своём месте у пульта управления, обдумывая происходящее. Наконец он встал, очень серьёзно посмотрел в глаза каждому и произнёс:

– Вы полные хозяева этого существа-помощника и вольны решать и свою, и его судьбу. Я не вправе мешать вам принимать решения, какими бы они ни оказались. Я отвечаю только за вашу безопасность, и я её обеспечу любой ценой. Но, как мне кажется, вы пришли к единственному правильному решению, и я согласен с вами как с представителями земной цивилизации. Я обещаю вам, что когда вы повзрослеете, получите образование и пожелаете посетить планету Эборга, мы поможем вам в этом. А теперь, если вы все принимаете это решение, я предлагаю проститься с Эборгом, друзьями покинуть чужой корабль и отправиться обратно, тем более что наше время на исходе, и кораблям необходимо совершать свои очередные манёвры.

Сашка вздохнул:

– А мне жаль расставаться с таким чудным волшебником. Может, вы и правильно решили, а мне жалко. Мне камешек стал совсем родным. Я к нему привязался, как к собачке. Молчит, но всё понимает, и всё правильно делает, и искорками подмигивает. Он не раз спасал нас из трудных ситуаций. Но если вы так решаете, что ж, я подчиняюсь. Ладно, Эборг, забирай таёжный талисман, пока мы добрые, а там посмотрим. Только скажи, куда ты спрятал золотую статую? Это тоже для спасения твоей планеты? Верни нам обратно нашу «золотую бабу». Это историческая реликвия и ценность пребольшая. Обойдётесь там без нашей золотой Маринки.

Эборг встрепенулся, его чернильный профиль посерел, побледнел и как-то даже осел немного. Он потерянно просвистел простуженным фальцетом:

– Благодарю вас, земляне, за ваше решение. Мой народ оценит ваш поступок. К сожалению, статую из чистого золота весом 123 килограмма я передал представителю государства Ватикан за полученное от него право на заветный камень и за помощь в получении его. Таково было наше условие при заключении договора о сотрудничестве. Поэтому я не могу вернуть вам эту статую, так как на моём корабле её нет. Вы отыщете её у себя на планете в месте...

Тут его свистящий голос перешёл вообще в слабый свист и совсем пропал, а не полностью оформившееся тело стало расплываться вновь в скользкую лужу и перетекать обратно в капсулу и последнее, что услышали земляне от расплывающегося звёздного

брата, что-то вроде прошелестевшего «Спасибо». Сашка с досадой махнул рукой и повернул к шлюзовой камере. Тянуть волынку с разговором было бесполезно. Надо было торопиться обратно на корабль.

Сашка и Симба, расстроенные и мрачные, вынырнули из шлюза. Переход тотчас исчез, корабли разошлись в стороны и легли каждый на свой курс. Первой заметила слёзы в глазах Симбы Марина.

– Симба, ты что – плачешь? Тебе жаль этот камень?

– Мне не жаль этого камня, – хмуро и действительно со слезами на глазах ответил юный Симба. – Но мне жаль мой народ, который тоже ждёт этот камень и надеется на него. Что я скажу своему дедушке, своему отцу-вождю и людям моей деревни, когда вернусь домой? Нам тоже угрожает опасность. Белые люди захватили наши земли, и нам не хватает зверя для охоты и саванны для жизни. Наши пальмы сохнут на корню от едких дождей, которые насылают на нас белые люди, обрекая нас на голодную смерть. Мой народ послал меня за волшебным амулетом, а мы спасаем чужую планету, забывая о своей. Спасаем даже не людей, а какие-то чёрные скользкие лужи.

Аркад помрачнел, подошёл к мальчику, положил ему руку на голову и промолвил:

– Не грусти, Симба. Мы поможем твоему народу всей мощью наших знаний. Будь спокоен, малыш. Твой народ будет счастлив, он будет помнить тебя и благодарить тебя. А сейчас мы возвращаемся. Ваши родители потеряли вас, уже волнуются, и их надо успокоить. А волшебный Камень – да не очень то он вам нужен. Самое главное волшебство – это вы, ребята. Вы добьётесь всего, чего захотите, без чужой помощи, своим умом, знаниями и дружбой. Вы – будущее планеты Земля, и я рад, что вы приняли верное и очень нужное решение.

27.

Оперативный дежурный отделения милиции капитан Скворцов устало поднял осточертевшую, постоянно трезвонящую телефонную трубку. Старушечий бодренький голосок, убедившись, что имеет дело с милицией, доложил обстановку:

– Милиция, чем вы занимаетесь? Третий день человек божий на крыше пропадает, муки терпит, а вы не пошевелитесь.

Скворцов, у которого от подобных звонков за день уже опухло правое ухо, переставил телефонную трубку к левому и вежливо ответил:

– Гражданка, что вы хотите этим сказать?

– А что мне говорить? Это божий человек на крыше дома на Постышева третий день к вам докричаться не может. И молится, и кланяется, и бога кличет, а помощи никакой.

– Какой человек на какой крыше? Гражданка, говорите определённо.

– А я и говорю определённо! От вас никогда помощи не дождешься! Бездельники вы, а не милиция! На крыше батюшка помощи просит, а от вас никакого толку!

Кое-как добившись от бабульки адреса дома и крыши, Скворцов передал патрульному экипажу задание провести дознание, что там конкретно какой-то поп делает на конкретной такой-то крыше. Но едва он положил трубку, как она вновь затрещала.

На этот раз звонил директор рынка «Северный», Геннадий Иванович, и просил разобраться с похитителем арбузов на его рынке. Уже две ночи какой-то странный монах в рясе крадёт из развалов арбузы и отбивается от сторожей огромным крестом как ятаганом. У Скворцова уже начала съезжать его собственная «крыша».

– Какой монах? Какой крест? Какие арбузы? – заорал он в трубку. – Что вы мелете?!

Директор обиделся:

– Вот приезжайте и разбирайтесь с крестами и арбузами сами. Это ваше дело. А моё – торговлю организовывать, а не бешеных попов гонять. Извините!

Совсем сбитый с толку Скворцов опять связался с патрульной машиной и попросил разобраться с очередным сигналом и очередным попом. На что старший патруля лейтенант Соколов ехидно заметил ему:

– Что это у тебя всё попы да монахи? А сигналы по монашкам случайно не поступали?

Дежурный наряд ППС прибыл на первый объект через двенадцать минут и обнаружил возле указанного дома толпу зевак, а на крыше – бегающего по карнизу и вопящего человека в рясе. Поднявшись на пятый этаж, и с трудом справившись с огромными ржавыми замками на люках, старший наряда с удивлением обнаружил на крыше изнемогающего от жажды и голода гражданина государства Ватикан, библиотекаря его святейшества Папы Римского в затрёпанной сутане и в сбитых башмаках. В кармане учёного-теолога нашли маленький изящный позолоченный браунинг, с виду почти игрушечный, но стреляющий настоящими пулями и с достаточной меткостью. Задержанного с почтением доставили в отделение для выяснения обстоятельств. Сдав с наслаждением опустошающего вторую бутылку «Тархуна» богослова в участок, патруль отправился на рынок «Северный» разбираться с похитителем арбузов.

Однако, прибыв на место, старший наряда был весьма обескуражен. Обстоятельства дела оказались тоже не менее странными. Если кражу нескольких арбузов из развала в первую ночь сторожа отнесли на счет местных ребятишек, то на вторую ночь, организовав засаду, они настигли вора, одетого в длинную рясу, в каких-то странных сапожищах и явно ненормального, ибо он вопил что-то на непонятном языке и отбивался от двух дюжих парней длиннющим тяжёлым крестом, как палашом. Сторожа в смятении отступили, предоставив бороться со столь странным субъектом представителям закона, а похититель арбузов бесследно скрылся в ночи с трофейным арбузом под мышкой. Ущерб от утраты нескольких арбузов был невелик, однако налицо были элементы грабежа с применением холодного оружия в виде креста, и старший наряда лейтенант Соколов решил провести срочное дознание.

Как оказалось, злоумышленник проникал на территорию базара по контейнеру со стороны железной дороги, о чём свидетельствовали следы его сапог и битые арбузы, которые остались на контейнере. Далее его маршрут указывали арбузные корки, разбросанные по всему пути его следования. Этот несложный анализ привёл опергруппу к заброшенному полуразрушенному дому за железной дорогой.

При входе в разрушенное строение лейтенант с напарником был внезапно атакован неистовым, заросшим невероятной растительностью монахом в разодранной ветхой рясе, который стал швырять в них недоеденные арбузы, отмечая каждое попадание рёвом восторга и осеняя себя при этом огромным массивным серебряным крестом. На требование власти немедленно прекратить хулиганство он ответил очередным дьявольски точным попаданием в милиционера и сатанинским восторженным хохотом.

Оперативному наряду пришлось применить оружие, произведшее полный успех. Как только лейтенант Соколов выстрелил в воздух из табельного «Макарова», так хулиганствующий священнослужитель тотчас упал без чувств. Его долго приводили в себя, предварительно снабдив наручниками и отобрав оружие – старинный крест, а затем препроводили в участок, отметив в рапорте активное сопротивление органам правопорядка. Пробудившись, буйный миссионер вновь активно начал предавать анафеме злых демонов, служителей дьявола в ярких мундирах, под которыми они искусно прячут чертенячьи копыта, хвосты и рога. Ему повезло лишь в том, что действительно осатаневшие от него милиционеры не понимали всех его обидных речей.

Однако так случилось, что когда неистового похитителя арбузов привезли в участок, в это самое время отделение милиции почтительно прощалось с папским нунцием, ведущим специалистом папской библиотеки, столь длительно изучавшим состояние мягкой кровли на крыше одного из домов нашего города. Правда, при этом

браунинг, во избежание дипломатических скандалов, пришлось объявить безобидной зажигалкой и вернуть владельцу. И вот в тот самый момент, когда опившийся «Тархуна», раздувшийся как сытый вампир богослов покидал с почётом помещение отделения милиции, ему навстречу попался несчастный, в наручниках, в изодранной рясе, но непокорённый самим Сатаной полубезумный Алквилл. Конфискованное оружие – увесистый серебряный крест, несли позади. Они встретились глазами и поняли, что нужны друг другу.

– Кто этот несчастный? – спросил через переводчика отец Дионисий.

– Мы сами хотели бы это знать, – мрачно ответили ему милиционеры, счищая с себя спелые арбузные косточки. – Столько арбузов испортил, стервец. И мундир стирать придётся.

Тогда отец Дионисий по-итальянски сам обратился к бешено стреляющему глазами арестанту.

– Кто вы, падре? Почему в таком виде и чем я могу вам помочь?

Арестованный изумлённо посмотрел на чинного представителя Ватикана и, увидев на его сутане золотой значок в форме папской тиары, рухнул перед ним на колени, и на каком-то странном, забытом латинском наречии заявил, что он тайный посланец Папы Ценчио Савелли на дикий Дальний Восток, и ему срочно нужно увидеть Папу и передать ему свои наблюдения.

– Но, сударь, – мягко возразил ему папский нунций, – Папа Ценчио Савелли умер почти восемьсот лет тому назад. Вы можете сообщить свои наблюдения только нынешнему Папе или мне, его представителю здесь на русском Дальнем Востоке.

Тогда мрачный Алквилл приблизился к Дионисию и тихо, с оглядкой, чтобы никто не слышал, сообщил ему нечто, отчего тот вздрогнул и попросил срочно освободить своего соотечественника, потерявшего документы и попавшего в беду здесь на русской земле. Все хлопоты по оформлению бумаг и возмещению ущерба он берёт на себя.

Через несколько часов конфликт был улажен существенным возмещением ущерба за похищенные арбузы, и оба итальянца в сопровождении наряда ППС прибыли в гостиницу «Находка», где бедного Алквилла помыли, чему он сопротивлялся, как бешеный кот, постригли, приодели в современный костюм, покормили, показали доктору, выписавшему странному пациенту ведро валерьянки, после чего он приобрёл вполне цивильный вид и даже стал несколько заносчив.

Затем в гостиницу был приглашён адвокат, который помог составить заявление в милицию о нападении на представителей государства Ватикан, о принудительной изоляции отца Дионисия на крыше здания, что представляло угрозу его жизни, и о похищении у отца Алквилла группой бесчинствующих подростков некоего камня, являвшегося его собственностью и большой ценностью. Были указаны имена и адреса всех членов банды юных разбойников и просьба к компетентным органам разобраться в случившемся, наказать виновных и вернуть похищенное. Адвокат покинул гостиницу очень довольный, в хорошем настроении и с изрядно оттопырившимся внутренним карманом пиджака.

28.

Когда корабль «Знание» из неведомых далей гиперкосмоса по расчётной траектории вернулся в Находку, здесь была тёмная тёплая июльская ночь. Улицы были влажны от недавнего ливня, но небо уже было чистое и ещё совсем недавно бывшие рядом звёзды и созвездия, которые пронзил корабль Шамбалы, теперь были далеки и холодны. Аркад осторожно прошёл над городом и подвёл свой корабль к третьему этажу городской больницы, к одному из ажурных балконов на тыльной стороне здания. Ущербный узкий серп луны отбрасывал на корпус ломаную тень от соседнего строения.

Вдруг из тени в углу балкона медленно вышла сгорбленная, совершенно чёрная фигура в светлом больничном халате и величаво направилась к затемнённой «летающей тарелке». Ребята не сразу, но узнали дедушку Тимбукту, а опечаленный Симба разом забыл о своих неприятностях и радостно бросился дедушке на шею. Он сбивчиво рассказывал на своём гортанном языке дедушке свои приключения, а мудрый зулусский шаман только покачивал курчавой головою и приговаривал: – «Сукты, эби, сукты», что на их древнем языке означало: – «Знаю, сын мой, знаю». Без малейшей опаски древний зулус по лучу от гравипрожектора вошёл на корабль «Знание», устало махнул рукой Аркаду, как таксисту, что можно отправляться, сел в выдвинувшееся из стены под него кресло, устало закрыл глаза и спокойно уснул. Симба с благоговением смотрел на деда и прошептал друзьям:

– Дедушка не спал все трое суток. Боялся, что ему укол сделают во сне. А он не любит делать уколы. Нам это не надо. Нам духи помогают от всех болезней.

Аркад медленно вёл корабль «Знание» над ещё сонным городом. Невидимый в тёмном звёздном небе, он видел всё и всех. От него не ускользали сейфы, сумки, коробки и банки, заполненные белой смертью – героином, опием, анашой и прочей наркотической гадостью. Он видел множество людей в домах и на улицах города, одурманенных наркотиками и алкоголем, людей безвольных, опустившихся, многих уже совсем пропащих. Грустно ему было видеть это в таком чудесном городе. Печальная гримаса опустилась на его смуглое и обычно бесстрастное лицо. Он повернулся к ребятам:

– Мы с грустью и печалью наблюдаем за венком пороков, охватившем многие районы вашей прекрасной планеты. Но мы ничем не можем в этом вам помочь. Только вы сами сможете победить себя и избавиться от скверны. Однако сегодня мы продемонстрируем вашему городу, как это хорошо – жить без наркотиков. Завтра утром в вашем городе не останется ни единого грамма этого дурмана, а дальше сами решайте, как вам быть и как жить.

Сашка возликовал:

– Вот здорово. Завтра эти чудики очнутся, а вместо «Геры» у них в заначках сахарная пудра. Да только ради этого можно распрощаться с «летающей тарелкой», хотя я бы тут навсегда остался. Аркад, пожалуйста, давайте сделаем это всюду и навсегда.

– Нет, ребята, мы не можем и не должны делать это везде. Вы сами должны справиться с этим пороком и недугом. Никогда в истории космических цивилизаций навязанная помощь не помогала обладателям разума. Примером этому может служить опять же история Эболы, планеты Эборга. Сосуществование с могучим разумом превратило их в безвольных исполнителей чужой воли. И когда они лишились подсказки, они едва не вымерли целой планетой. Подаренный вами небольшой осколок биокатализатора слишком мал для всей планеты. Поэтому им придётся понемногу думать и размышлять самим, и это спасёт их. А ваши воля и разум обязательно спасут вас.

– Аркад, – вспомнила вдруг Марина, – а как же Абдулла? Он ведь остался там, в Средневековье. Какой бы он ни был, но он из нашего времени, и мы не можем его бросить там на погибель. Надо его спасти и вернуть обратно.

Аркад усмехнулся:

– С Абдуллой случай особый. Мы уже направляли к нему наших специалистов для возвращения в родное время. Удивительно, но он отказался возвращаться. Он к тому времени стал вождём крупного манчжурского племени, затем объединил разрозненные группы кочевников и стал их предводителем. Далее он стал одним из основных советников самого Чингизхана, пребывает в довольстве и роскоши. Зачем ему наш рискованный стремительный век? Вместо своего «Лэнд Круизера» он передвигается в носилках, которые несут восемь дюжих рабов. У него достаточно наложниц, питается он по-хански. Зачем ему наши генетически изменённые продукты? Он умный и хитрый, проживёт до девяноста девяти лет и умрёт в почёте. Кстати, он всячески отговаривал Чингизхана от походов на Русь и этим на несколько десятков лет их отсрочил набеги. За

это время древняя Русь успела окрепнуть и немного подготовиться к набегам варваров. Россия сохранилась как государство благодаря своим героическим защитникам и немножечко – благодаря Абдулле из Находки, главному советнику Чингизхана.

Между тем на сонный город медленно, но неотвратимо надвигался рассвет. Ясное чистое небо посветлело. Погасло звёздное марево над пирамидальной Сестрой. Только яркая Венера продолжала ещё светиться в зареве рассвета. Корабль «Знание» медленно скользил над пробуждающимся городом. Аркад плавно опустил его на траву в сквере на площади Совершеннолетия. Настала пора прощаться. Ребята обняли дедушку Тимбукту, хлопнули на прощанье по плечу невозмутимого Симбу, которому подарили так необходимую в жаркой саванне фляжку с недопитой в странствиях водой. Растроганный Симба, пустив скупую слезу, протянул им своё незаменимое во всех случаях жизни копьё. А Марина расцеловала и дедушку Тимбукту, и уже зареванного Симбу, и отважного и мудрого Аркада в щечки, потребовала у всех адреса для переписки и разрыдалась как обыкновенная плакса. Симба с готовностью нацарапал ей на бумажке: – Afrika, Simba.

– От имени народа Шамбалы я поздравляю вас, мои юные друзья, со сдачей сурового экзамена на зрелость, – торжественно произнес на прощанье Аркад. – Вы проявили стойкость, мужество и настоящую мудрость в решении очень трудных космических проблем, и я рад сообщить вам, что, по решению Совета Шамбалы, вы приняты в первый круг высокого ранга Посвящённых. Спокойно живите, учитесь, вырастайте достойными представителями планеты, и могу вам обещать, что мы ещё не раз с вами встретимся на шумных земных перекрёстках пространства и времени.

Через несколько секунд корабль «Знание» взмыл вверх и вскоре превратился в самую яркую звёздочку в рассветном небе, вскоре, правда, в нём потерявшуюся.

29

Утром в городе начался ползучий переполох. Сначала он проявился лишь в нескольких десятках домов, где жаждущие кайфа наркоманы вкололи себе заботливо приготовленную ещё с вечера дозу своего отвратительного зелья. Окончив операцию со шприцем, они устало откинулись в креслах и приготовились к отправке в страну глупейшего призрачного счастья. Но, к их удивлению, кайф к ним не приходил, хотя их состояние улучшилось. Они почувствовали себя всего лишь бодрей и бойчей.

Однако, не привыкнув обходиться без порции кайфа, они озабоченно приготовили вторую порцию и приняли её с ещё большим ожиданием счастья. Но и после второго сеанса они не достигли желаемого эффекта. Снедаемые ужасными подозрениями, они достали оставшийся запас своей дебильной «радости» и с ужасом обнаружили, что их «колёса» превратились в обыкновенный витамин С, желанная «травка» – в обыкновенную мятную сечку, а «великий Гера», король грёз – героин, оказался банальнейшей глюкозой, от которой их организм почувствовал всего лишь прилив сил.

Обзвонив своих собратьев по кайфу, они убедились, что с ними происходит то же самое. Едва осознав эту страшную утрату, они кинулись к «косячникам»-продавцам с определёнными вопросами, но те сами были в великом недоумении. Большинство из них, почуяв неладное и предчувствуя надвигающуюся лавину суровых «рекламаций», рано утром исчезли из города до выяснения ситуации, а те, кто остался, недоумённо разводили руками, клянясь разъярённым потребителям, что ещё вчера их партия товара была прекрасного качества.

Колян Арапкин по прозвищу Цибуля проснулся с предчувствием явного ожидания неприятностей. Ему это ощущение было знакомо с того самого вечера, когда он со своей шайкой получил отпор от Сашки-Рыжего. Тогда, увидев своего противника в свете яркого оранжевого ореола с горящими яростью и полными пренебрежения к ним глазами, он как-то особенно остро почувствовал своё убожество, и с тех пор ощущал

себя сносно только под очередной дозой героина. Поэтому сегодня, прямо с утра он вкатил себе в бедренную артерию хорошую порцию вчерашнего товара и упал на диван, торопясь поймать накатывающееся «райское наслаждение». Но «кайфа» отчего-то не случалось.

В это время ему позвонил перепуганный Штымп, которого уже с самого раннего утра атаковали несколько разъярённых наркоманов, получивших от него вчера за хорошие «бабки» партию свежего товара от Абдуллы.

– Цибуля, – пищал в трубку полузадушенный наркосбытчик, – товар липовый. Подстава конкретная. Абдулла нас кинул и дёру дал. Пацаны стрелку требуют, стволами машут. Бабки горят немалые. Что делать?

– Свистеть и бегать! – коротко и зло ответил Цибуля и вкатил себе вторую дозу.

Не поймав кайфа от второй дозы, он достал из-под подушки чёрный пистолет и отправился к Абдулле на стрелку. Возле коттеджа Абдуллы уже толпились ранние гости, обеспокоенные наплывом рекламаций на «товар». Однако Абдуллы дома не оказалось, поскольку его не было здесь уже со вчерашнего дня. Домашние знали лишь то, что он с каким-то немцем отправился на джипе кого-то не то искать, не то ловить.

«Лэнд Круизер» Абдуллы обнаружили спокойно стоящим за мостом в устье Сучана внизу за будкой ВОХР без признаков присутствия своего хозяина. В машине остались документы, какие-то деньги, деловые бумаги, записки. Одна из коротеньких записок заинтересовала сыщиков. На тетрадном листе было наспех начертано:

«Гимназия борзеет. Камень там. Гуталинчик?».

Кстати, немца из Дюссельдорфа по имени Ганс Келлер тоже не нашли ни в гостинице, ни в казино, ни в других злачных местах города. Однако, «догадливые» менты по записке мигом сообразили, что «гимназия» – это известный рецидивист Бородай по кличке «Школяр», у которого, видимо, оказался какой-то самоцвет, интересующий пропавшего Абдуллу. Непонятно только, о каком «Гуталинчике» шла речь.

«Школяра» тотчас арестовали, благо нашелся, наконец, повод, и принялись выяснять у него с пристрастием, куда он подевал Абдуллу, о каком камне идёт речь в записке и что это за «Гуталинчик» вдруг объявился.

Ошалевший от неожиданного наезда Школяр, Абдуллу лично не знавший и никакими самоцветами не занимавшийся, поскольку просто перепродавал краденые тряпки, орал благим матом и требовал адвоката. Через три дня, получив вожделенного адвоката, он вышел на свободу и скрылся наглухо на одной из «малин» на Пади до лучших времён.

А сбытчики наркозелья, не найдя Абдуллу, поняли, что их откровенно кинули. Они поклялись найти обидчика и наказать, но вскоре сами сбежали из города от разгневанных потребителей.

Цибуля со Штымпом, не заезжая домой, где их с утра ждали обманутые наркоманы, на чёрном джипе «Сафари», нагло угнанном с парковки у универмага, скрылись из города в неизвестном направлении.

Но самое удивительное было то, что все наркоманы, лишившись допинга, не испытывали особого дискомфорта. Их не посещала ломка, они не желали искать очередную дозу, а кто всё-таки по привычке попытался найти её, тот её не нашёл и не был очень уж огорчён. Не смея верить своему счастью, наркоманы были вынуждены заняться своими давно забытыми делами.

Студенты вспомнили, что пора засесть за учёбу и хотя бы сдать хвосты, тянущиеся за ними пыльным шлейфом не один семестр. Фермеры поняли, что пора навестить свои заброшенные унылые посевы. Служащие явились вовремя на работу и удивили сослуживцев тем, что они ещё, оказывается, живы и относительно здоровы. Так за одну единственную ночь город Находка чудесным образом избавился от самых гадких и подлых своих сограждан – от наркоторговцев и большинства законченных наркоманов, и

воспрянул духом. Всем наркоманам в родном городе был дан единственный и последний шанс стать нормальными людьми, и большинство из них воспользовались этим.

Однако такая ситуация в городе нравилась далеко не всем. Именно в то время, когда местные наркодилеры, подобно уже нам известным Цыбуле и Штымпу, удирали из города тайными воровскими тропами, во Владивостоке к шикарному офису на Светланской подъехал истекающий чёрным лаком «Лэндровер». Выскочившие из офиса мальчики-лакеи аккуратно распахнули дверцы лимузина, из которых выбрался очень важный чёрнобородый господин с дорогой тростью, в тёмных очках, в ослепительно чёрном костюме и при бабочке. Ни на кого не глядя и не замечая никого, он, держа трость в левой руке, прошествовал в офис, где его уже ожидали и провели в кабинет для приёмов. Зайдя в просторный зал, прибывший господин обнялся с ожидающим его маленьким, сухим и вертлявым азербайджанцем, затем запросто сел на полированный стол и по-простецки спросил у хозяина:

– Мамед, что творится в Находке?

Вертлявый азербайджанец слинял с лица, шумно выдохнул и, пожав плечами, настороженно ответил:

– Сам не пойму. Звоню, звоню – на месте никого нет. Саид, охранник Абдуллы, молотит под дурака, что Абдулла исчез, а вся последняя партия товара – фальшивая. Пацаны чистят стволы и из тира не вылазят. Наши «бабки» горят синим пламенем, да и нам скоро жарко станет. За товар платить надо, а денег нет. Мне вчера прислали образец товара от Абдуллы. Упаковка в полном порядке, а внутри – глюкоза с витамином С. Это как понимать, Али? Но самое ужасное в том, что клиент внезапно интерес потерял.

Назим позвонил, говорит, приехал к Боре-хлюпику, ты знаешь, наш клиент с солидным стажем, а он свою развалюху штукатурит и головы не повернёт. Послал Назима с его товаром очень далеко. Говорит, что исполнилась мечта всей его поганой жизни, и теперь он не хочет и не будет колоться. Как это получилось, не знает, и знать не хочет. А колоться больше, говорит, не буду, и точка. И таких большинство в городе. Помешательство общее в Находке среди наркоманов. Где это видано, чтобы вот так весь город ширяться перестал? Если так пойдёт всюду, скоро нам придётся на барахолке женским бельём торговать. А чем за последнюю партию платить будем, Али?

Важный чернобородый гость бросил на собеседника длинный взгляд и, не торопясь, веско ответил:

– Всю партию товара из Находки отправить обратно поставщику в Душанбе. Платить за неё не будем. Пусть там сами разбираются с поставщиками витаминов. А нам надо собраться, потрясти кубышки и набрать «бабок» на следующую партию. В долг больше не дадут, времена тревожные. Объясни пацанам, что на кон поставлено наше общее большое дело. Если мы сейчас отступим, мы дело потеряем, и тогда другие пацаны будут хрустеть зелёными бумажками в ночных казино.

Сейчас надо срочно оказать помощь Находке из резервных каналов. Если каким-то чудом старые наркоманы завязали вкрутую, необходимо раскручивать новых. Во все школы, лицеи и ВУЗы заслать наших сбытчиков с товаром, и пусть его раздают бесплатно всем желающим, а придурков на халяву найдётся немало. Через неделю мы будем иметь новую постоянную клиентуру. И вот тогда они заплатят нам втройне. Пошли человека в Находку, а лучше – поезжай сам на недельку и разберись там, что стряслось с Абдуллой, а самое главное – разыщи его тайник. В нём, кроме партии героина, ещё крупная партия необработанных алмазов и изумрудов от наших партнёров из Якутии. Вот за них мы с тобой точно можем рассчитаться своими головами.

Собеседники внимательно посмотрели друг на друга, не чокаясь, выпили по рюмочке дорогого армянского коньяка, и распрощались.

30

В это время дежурный поста ГИБДД на въезде в город Фокино лейтенант Сорокин заметил странного пешехода. По обочине шоссе навстречу движению транспорта шел прилично одетый молодой человек в джинсовом костюме, правда, несколько запылённом, в запачканных на манжетах брюках. Шёл он спокойно, не нарушая правил дорожного движения, но было в нём что-то странное, привлекающее внимание и режущее глаз. Сорокин ещё раз вгляделся в незнакомца и ужаснулся – у путника, передвигающегося какими-то неровными движениями, толчками, были плотно закрыты глаза. Между тем, он смело шёл по обочине, и, похоже, уже давно, о чём свидетельствовал его запылённый и немного подмоченный ночным дождичком костюм. Лейтенант подозвал напарника и показал ему на это явление.

– Ты посмотри, сержант, лунатик, что ли? Это же он всю ночь шёл. Видишь, у него костюм мокрый и все штанины в грязи, по траве где-то прошёл. Ночью дождичек моросил, а трава у нас на обочине только на перевале. Не иначе, из города шагает, столько километров отмахал. Ты постой у телефона, а я тормозну его. Нельзя его так дальше пускать. Дорога всё-таки, а не стадион.

Он пошёл навстречу кое-как переставляющему ноги путнику, удивляясь всё более. Молодой человек был измождён и чем-то напуган. Как только Сорокин подошёл к нему и скомандовал резко: – Стоять! – как тот широко открыл глаза и упал, как подкошенный без чувств. Милиционеры погрузили странного пешехода в свою дежурку и отвезли в поселковую больницу, откуда его отправили в Находку и сдали местным психиатрам. Всю обратную дорогу постовые крутили головами и гадали, что значили его постоянно повторяемые как молитва слова на ломаном русском языке: «Находка. Сестра. Шамбала. Находка. Сестра. Шамбала» – и ещё что-то о каком-то Граале и его какой-то чашке.

Психиатры подлечили незнакомца, оказавшегося бизнесменом из Германии по имени Ганс Келлер, вытряхнули из его карманов какой-то серый порошок, после чего он успокоился, пришёл в себя и отправился в гостиницу, где у него был забронирован номер, и где его уже поджидали следователи из прокуратуры.

Дотошные следователи стали спрашивать его о цели приезда в Находку, о его знакомстве с неким авторитетом Абдуллой, не было ли у него каких-либо дел с бандой малолетних разбойников из двух мальчишек и одной девочки. Они показывали измученному Гансу фотографии подростков и всячески склоняли к откровенности, к которой он, как раз, и не был склонен. Очень специалистов сыска интересовал вопрос – куда подевался Абдулла после их совместной поездки. Они прочитали Гансу записку, найденную в машине Абдуллы, и попросили разъяснить её непонятный текст. На все вопросы Ганс ответил честно и подробно, но делу это не помогло. Он объяснил, что приехал с Абдуллой к мосту через реку, зачем – не помнит. Затем они пошли к подножию Сестры, зачем – тоже не помнит. И что было дальше, он совсем не помнит, а очнулся он только на посту ГИБДД, где его остановил милиционер.

Тем не менее, он дал показания о том, что при одной из его прогулок по городу на него напали именно те самые трое малолетних преступников, отобрали у него очень редкий камень, найденный им в окрестностях Находки в районе горы Сестра для музея в родном городе Дюссельдорфе.

По данному заявлению в отделении милиции г. Находка было возбуждено два уголовных дела, в которых фигурировала банда несовершеннолетних подростков в количестве четырёх человек, и помогающий им, невесть откуда взявшийся в городе старик-негр с площади Совершеннолетия. Эта преступная группа организовывала нападения на иностранцев, гостей города в целях ограбления, причём, совершала их с применением особо циничных методов воздействия на психику.

На допрос в отделение были официально вызваны проходившие по делу трое находкинских подростков и два иностранца – юноша по имени Симба вместе со своим

старым дедом-колдуном. Последние, правда, к этому времени уже успели покинуть пределы города, но непонятно, каким путём. По загадочным африканцам решили вести отдельное доследование, поскольку стало известно, что они к тому же несколько дней проживали в городе вовсе без всяких документов.

По этому делу были допрошены представители милиции и ФСБ, проверявшие по долгу службы документы у странных гостей города. Проверяющие все в один голос подтвердили, что документы и у чернокожего старика, и у мальчика с копьём оказались при проверке в полном порядке. В паспортах стояли въездные визы, и имели место даже отметки городского отдела ОВИР. Однако в списках транспортной таможни и местного ОВИРа никаких упоминаний о странных гостях не нашлось, и было сделано заключение о пребывании оных в городе по поддельным документам.

В качестве вещественных доказательств были приобщены к делу и изучены экспертами боевое копьё негритёнка, подаренное соучастнице Марине, и странный серый порошок из карманов потерпевших, которого они жутко боялись.

Анализы серого порошка в криминалистической лаборатории показали присутствие в его составе пепла различного происхождения, причём, не исключался и человеческий материал, тонко измельчённых костей и кала животного и птичьего происхождения, а также мелко истёртого золота, драгоценных камней и, кроме того, ряда частиц неустановленного происхождения, которые под микроскопом вдруг начинали внезапно кружить и танцевать фокстрот на предметном стекле, а затем просто исчезали бесследно.

Криминалистическое изучение копья показало, что оно изготовлено из бамбука, произрастающего только в тропических джунглях Центральной Африки, что возраст его составляет не менее трёхсот лет и что его костяной наконечник из рога дикой антилопы обработан весьма токсичной смесью неизвестного состава. Были проведены опыты на лабораторных мышах и кроликах, показавшие, что мышь, поражённая этой дьявольской смесью, жила только пять секунд, а кролик – не более полуминуты.

– Это посильнее цианистого калия, – мрачно заметил эксперт-токсиколог, тщательно отмывая руки после успешного эксперимента.

Сашка и Пашка сидели в отдельной камере следственного изолятора уже вторые сутки. Марину, конечно, арестовывать не стали по случаю её девичества, но допрашивали очень настойчиво, пытаясь получить какой-либо компромат на ребят. Кроме всего прочего, следователей очень интересовало, куда и как исчезли Симба и его камлающий дед. Но вся троица вела себя очень спокойно и на вопросы о своих друзьях из Африки отвечала одинаково:

– А кто их знает? Пришли ниоткуда, и ушли в никуда.

Но более всего сыщиков интересовал необычный камень, который, судя по заявлению всех потерпевших иностранцев, подростки похитили у них. Но на все вопросы «следаков» ребята отвечали, что не знают, о чём, собственно, речь. . Был у них какой-то камень, что-то вроде сердолика, по определению геолога Славы Петрова, но ничего необыкновенного они в нём не заметили, и вскоре потеряли его там же возле скал, где, собственно, его и нашли. А иностранцы сами не знают, чего им надо, вот и придумывают.

На очной ставке с отцом Дионисием, которым оказался именно тот самый фанатичный монах из автобуса, ребята заявили, что его лично не знают, но подтвердили, что этот ненормальный монах всё время крутился возле них, тайно следил за ними и даже предлагал им большие суммы в долларах, но они не поняли, за что.

– А может быть, он с ненормальной сексуальной ориентацией, – предположил Сашка следователям. На что следователи мрачно хмыкнули и покачали головами.

На обвинение в принудительной изоляции монаха на крыше дома ребята ответили, что просто подшутили над монахом, тайно следившим за ними. Люки были закручены на мягкую проволоку, которую снять было очень легко, а о амбарных замках и понятия не имели. Таких древних замков у них никогда не было.

На очную ставку с несчастным Алквиллом не решились сами милиционеры, ибо они никак не могли поручиться за потерпевшего, который до сих пор вёл себя весьма странно, шарахаясь и открещиваясь от каждой автомашины, не говоря уже о таких благах цивилизации, как самолёт или, скажем, телевизор, которых он истребил в гостинице уже около десятка, как бесовское наваждение, в чём он, однако, был несколько прав.

А от очной ставки с Гансом Келлером наотрез отказался сам Ганс Келлер, который при упоминании о ребятах начинал мелко дрожать и писаться.

Кроме всего прочего, у следователей возник чисто юридический вопрос о том, как могли эти отчаянные ребята похитить один и тот же предмет, какой-то камень, пусть даже необыкновенный, практически одновременно у всех потерпевших сразу, каждый из которых уверял следствие, что сам лично нашёл его в окрестностях горы Сестра.

После всей этой околесицы вконец замороченные следователи мрачно посмотрели друг на друга и отпустили ребят домой, закрыв дело за отсутствием свидетелей, состава преступления, предмета похищения, да и за несовершеннолетием подследственных.

31.

В это время в гостинице «Находка» на её третьем этаже царила усталая паника. Измученная коридорная с влажным полотенцем в одной руке и со зловеще поблёскивающими наручниками в другой подбежала к двери номера 315 и осторожно попыталась заглянуть туда. Однако внезапно раздавшийся в номере телефонный звонок, а затем густой радостный мужской рёв, сопровождавшийся громкими ударами и звуками бьющегося и хрустящего под ногами телефонного аппарата не позволил ей совершить этого. Она в истерике приложила влажное прохладное полотенце к своему лбу и устало опустилась на пол.

– Я не могу так больше, – причитала она в тоске, обращаясь не то к богу, не то к внезапно прибежавшему на шум охраннику. – Витя, ну хоть ты скажи шефу, чтобы он выселил этого дикаря куда-нибудь на Папуа, пусть даже за мой счёт. Я на это согласная. Нету у меня более жизненных сил терпеть этот разбой. Какой он священник? Это террорист какой-то! Три телевизора импортных в окно выбросил, и вот пятый телефон расколошматил, не считая вдребезги разнесённого финского унитаза и разбитого венецианского зеркала. И всё потому, что зашумевший унитаз ему показался голосом дьявола, а в зеркале он в себе увидел демона. Это сколь же терпеть такое можно? Этому разбойнику в пирамиде египетской жить надо, а не в номере-люкс.

Охранник сочувственно покачал головой:

– А чего вы, Марь Иванна расстраиваетесь. Ну и пусть он всё это колотит, если за всё платят. За эти три дня гостиница за счёт этих чокнутых католиков полностью обновила аппаратуру на третьем этаже. Вместо голдстаровских престарелых «теликов» новые «Хитачи» поставили. Почаще бы такой клиент к нам шёл, мы бы себе быстренько ещё две звёздочки пририсовали бы!

Вдруг в номере наступило настораживающее затишье. Двухметровый бритоголовый Витюша недоверчиво прислушался и осторожно приоткрыл дверь.

– А куда наш благодетель подевался? – удивился он. – В номере ведь никого нет.

Он осторожно приотворил дверь и вошёл в разгромленный номер. В нём царил полумрак от полностью зашторенных и закрытых щитами из ДСП окон, на полу валялся вдребезги разбитый и истоптанный телефонный аппарат, постель тоже была скомкана на полу, а на высокой одинокой уцелевшей люстре печально болтался моднющий цветастый в полоску мужской галстук.

– Вот ирод, – прошептала коридорная, заглядывая в номер. – Каждое утро одевают его, в костюм впихивают и галстук завязывают, а он вон куды его. Уж не вешаться ли собрался, прости господи?

Витюша скептически усмехнулся:

– Да как же! Этот, скорее, нас всех перевешает, чем на себя руки наложит. Да куда же он в самом деле пропал?

Он прошёл в ванную, заглянул в туалет. Виновника погрома нигде не было ни видно, ни слышно.

– Не в канализацию же он просочился? – продолжал недоумевать охранник.

В это время в номер вошёл высокомерный патер Дионисий, несмотря на тропическую июльскую жару, в сутане и чёрной католической шляпе. Мельком окинув разгром в номере, он небрежно бросил коридорной что-то по-итальянски, сунул ей две зелёные бумажки, отчего та сразу тихо выплыла из номера. Витюша тоже получил свою бумажку рангом пониже и тоже откланялся. Потный патер снял шляпу и только тогда ласково позвал:

– Аквиллчик, где ты?

Вдруг внезапно матрас на разгромленной кровати вздыбился бешеным торосом и из-под него выскочил сияющий преданностью Алквилл в тренировочном синем китайском костюме и пал перед богословом на колени, кладя неустанно мелкие частые кресты и стукаясь узким лбом о мягкий палас в номере.

– Ну что ты, Алквиллчик, я же не Папа, зачем ты так? – пожурил он монаха, однако было видно, что ему это очень нравилось. Осмелевший монах, видя своего покровителя в хорошем настроении, стал ему громко жаловаться на старолатинском наречии, помогая себе активной итальянской жестикуляцией, показывая то на провинившийся в чём-то галстук, то на внушающий ему ужас расплющенный телефон, то на дверь, куда только что вышли его гонители.

– Ничего, монах, – утешал его богослов, – привыкай у цивилизации. Скоро мы найдём то, что принадлежит нам по праву Космоса. И тогда мы с тобой поедем к Папе, доложим ему обо всём и заживём на славу. А пока позавтракать нужно, славненький ты мой, и заняться серьёзными делами. Не всё же тебе телефоны курочить и унитазы крушить.

Патер достал из чёрной походной сумки кружок полукопчёной колбасы, фигуристую бутылку итальянского «Кьянти», хлеб, два апельсина и связку бананов. Оголодавший за ночь монах накинулся, урча по-кошачьи, на еду и вмиг очистил заставленный яствами журнальный столик.

– О-о, мальчик мой проголодался, – довольно заметил папский богослов. – Подкрепись, святой отец. Сегодня нам надо быть крепкими и телом, и духом.

Закончив трапезу, монах поспешно перекрестился, громко и с удовольствием отрыгнул, поспешно перекрестил рот и вновь упал на колени перед своим благодетелем.

– Ну, будет, будет, – опять пожурил его высокий покровитель. – Вот теперь собирайся в поход, милый мой. Нас ждут большие и славные дела.

Они собрались и вышли из номера, резко открыв дверь, чем напугали стоящую у дверей и подслушивающую коридорную. Впереди спокойно и величаво, как и полагается важному представителю самого Папы в этой дикарской стране, выступал раздувшийся от важности богослов, а за ним мелким бесом, кланяясь и вытягивая вперед голову, семенил представитель средневекового миссионерства.

Однако, спустившись по лестнице в фойе, миссионер вдруг резко переменился в лице, походка его стала крадущейся, хищной, он подобрался, словно приготовился к прыжку, а взор его неотрывно уставился на работающий в уголочке телевизор, на котором как раз что-то вещал печально знаменитый Доренко. Поравнявшись с ним, непримиримый миссионер-воитель, выхватив из-под рясы свой знаменитый серебряный крест, ринулся было на врага, метя прямо в темечко несчастному Доренко, и неминуемо сокрушил бы его электронный образ, если бы не чуткая опытная охрана и не цепкая рука папского богослова, схватившая его за полу сутаны и удержавшая от очередного разбоя во имя веры.

Выйдя из гостиницы, они сели в арендованную небольшую «Субарушку», куда Алквилла пришлось привычно запихивать силком с помощью двух дюжих охранников, и затем намертво блокировать двери, которые этот древний монах всё-таки приловчился открывать. На заднем сидении автомобиля охрана приметила новенькие, только что из магазина кайло, две лопаты, большой аккумуляторный фонарь и толстую бухту тонкого капронового шнура.

– Куда собрались эти чудные святые отцы? – недоумевали они. – Не на дачу же колодец копать.

Между тем, «Субарушка» с важным отцом Дионисием за рулём резво взяла с места и покатила из города. Очевидно, святой отец точно знал, куда держать путь. Они проехали станцию Находка, где Алквилл вдруг засуетился на заднем сиденье, поворотился к Северному рынку и подняв свой вездесущий крест миссионера-воина, погрозил в сторону рынка, явно ругаясь на своём древнем наречии. Из его тарабарщины можно было понять только отдельные выражения, вроде – «О, диабль!», что означало, скорее всего, «Чёрт вас побери!». Очевидно, арбузная история прочно запала ему в память. Далее они проехали по мосту через реку, обогнав длиннющий состав с лесом, свернули направо в бухту Лашкевича и остановились в правой стороне бухточки, над которой величественно нависали древние серые скалы Сестры.

Наши путешественники бодренько выбрались из машины и, взвалив на жилистого миссионера всё нехитрое снаряжение, маленький поисковый отряд двинулся вверх в гору. Впереди деловито вышагивал отец Дионисий, а за ним мелко семенил под тяжестью рюкзака его преданный оруженосец. Очевидно, богослов бывал здесь не один раз, поскольку он прекрасно ориентировался на местности и точно придерживался одного определённого направления, двигаясь на видневшиеся впереди скальные выступы на крутом склоне сопки. Однако, внимательный наблюдатель при изучении этой поисковой группы, отметил бы некоторую немалую странность. Он бы с недоумением заметил, что отец Дионисий в пути шёл как бы не совсем самостоятельно, вроде бы покорно следуя за кем-то. А временами, когда группа выходила на поляны, лишённые травы, наблюдатель с удивлением заметил бы некий чёрный комочек, неутомимо петляющий впереди богослова.

Тем временем, склон становился всё круче и чище. Деревья уступали место густому орешнику, на крутом склоне, в свою очередь, отступающему под натиском пышной травы.

Пройдя около получаса вверх по склону, наш отряд приблизился к крутым скалам, обрывающимся отвесными уступами прямо в воды реки. Здесь путники остановились, приуставший миссионер сбросил опостылевший неудобный груз на землю, затем они малость передохнули, глядя на великолепную панораму окрестностей города, открывшуюся перед ними.

Далеко впереди виднелся в синей дымке город с портовыми кранами и трубами котельных. Наблюдаемый пейзаж точно пополам резался линией железной дороги, по которой катила в Находку миниатюрная синяя электричка. Над долиной реки затарахтел вертолёт, заставивший насторожиться многого ещё не знающего и не понимающего монаха из средневековья. Однако испугаться по-настоящему ему не дал наш неутомимый богослов. Он небрежно махнул в сторону тарахтящей рукотворной стрекозы и показал миссионеру на кайло и лопату.

– Копать надо, копать! – скомандовал он.

Патер взял лопату в руки, показал, где и как надо рыть, помогая себе кайлой, и у скал закипела работа. Солнце уже подошло к зениту, когда лопата приуставшего Алквилла вдруг провалилась в пустоту. Богослов выдал крик восторга и приказал ещё быстрей копать, нетерпеливо заглядывая под лопату землекопа из средневековья.

Потихоньку пустота под лопатой приняла вид небольшой чёрной дыры в скальном выступе, затем вдруг обозначилась как небольшая ниша, и, наконец, приняла облик

отрытого в грунте входа в глубокую пещеру. Отец Дионисий от нетерпения стал пританцовывать, криками подгоняя валившегося с ног от усталости землекопа:

– Быстрей, быстрей, мы уже совсем рядом. Ещё чуть-чуть осталось, и мы с тобой будем богаче всех! Ты будешь жить в самом богатом пансионате Италии, Алквилльчик. У тебя будет много красивых женщин. Только постарайся ещё немного.

Понемногу чёрная дыра увеличивалась под лопатой миссионера, пока не стала достаточной для проникновения внутрь. Тут богослов не выдержал.

– Стой, – закричал он, – хватит! Бери верёвку, фонарь и лезь туда. Быстрей, быстрей, я за тобой. Вперёд, отважный Алквилл.

Послушный миссионер взял в руки бухту капронового троса, с опаской подошёл к чёрной дыре и заглянул внутрь. Ничего, скорее всего, не увидев, кроме полной темноты, он решился, перекрестился и полез в тёмную дыру ногами вперёд. Вот он нащупал ногами опору, стал на ноги, голова его исчезла в темноте. Несколько мгновений было тихо, затем из чёрной глубины раздался испуганный отчаянный вопль, из пещеры стремительно буквально вылетел как пробка из бутылки хорошего шампанского наш миссионер с перекошенным от ужаса лицом и кинулся прочь по склону.

– Стой, ты куда, Алквилл? Что там, погоди? – кричал ему вслед недоумевающий святой отец.

Но миссионер ничего не слышал и в ужасе перебирал ногами уже далеко внизу. Определённые сомнения закрались в душу охотника за сокровищами, но они его не смутили.

– О, диабль, что могло так испугать моего бесстрашного Алквилла? – задал он вопрос сам себе и решил получить на него ответ. Он подошёл к лазу, посветил в него фонарём, и совсем уж было собрался в него забраться, как вдруг увидел, как из глубины тёмной пещеры на него уставились чьи-то маленькие злые красные глаза, под которыми он увидел ровный ряд оскаленных острых клыков. В ужасе он выхватил свой маленький пистолет и всю обойму выпустил в молчаливую пугающую черноту пещеры. Затем, бросив всё снаряжение, он кинулся вниз вдогонку за своим перепуганным напарником.

32.

Ребята вышли из душной «кутузки» в июльскую жару потные, голодные и злые, как сотня павианов. Но возле дверей их ждала верная Маринка. И куда делась их ярость и злость?

– Ну, наконец-то! – обрадовалась она. – Я тут прямо закипаю от жары и духоты. Давайте сразу на пляж. На Лашкевича уже поздно, махнём на «Волну», там тоже неплохо, народу немного, можно поговорить и обсудить, что нам делать дальше. Там я вас подкормлю немного тем, что нашла в холодильнике.

Оголодавшие ребята с благодарностью согласились, и через двадцать минут они уже плескались на мелком городском пляже как раз напротив величественной и уже не столь загадочной Сестры. Затем они плюхнулись на горячий песок и, шумно жуя подсохшие бутерброды, обсуждали текущий момент.

– Ребята, как вы думаете, – спросила их Марина, – с милицией мы полностью разделались?

– Да кто их знает? – ответил Паша, – Вроде все дела закрыли, поскольку никаких фактов или свидетелей, кроме этих чудных монахов и Ганса из Дюссельдорфа у них нет. А они потерпевшие и их показания в счёт не идут. Но вдруг завтра эти чудики или кто другой ещё чего-нибудь придумают? У этих монахов денег хватит на любую гадость.

– Да вряд ли. Всё, что они могли совершить против нас, они уже сделали. Можно считать, что пока мы выпутались, – вмешался Сашка. – Никто доказать против нас ничего не сможет, хотя все желают знать, что же с нами было, где наш волшебный камень, и что

он из себя представляет. Но об этом пока никому ни слова, ибо правде никто не поверит, а красиво врать мы не сможем. Мы расскажем обо всём только тогда, когда найдём золотую статую Маринки, которую мы все видели, и которая осталась на Земле и, видимо, в Приморье. Мне кажется, что вся эта канитель от монахов с обвинениями нас в грабеже затеяна только для того, чтобы им подольше остаться в Приморье и вывезти отсюда эту статую. А допустить этого мы не можем. Она принадлежит нашему городу, и мы никому её не должны отдавать.

– Да это так, – подтвердила Марина слова Саши. – Как сказал нам этот «полужидкий» Эборг, он рассчитался с Дионисием статуей за помощь. Значит, пока ватиканский богослов здесь, здесь и «золотая баба». И нам необходимо сделать всё, чтобы не позволить вывезти её за рубеж. Но куда её мог спрятать Эборг? Почему мы его об этом не спросили?

– Почему? Спросили, да он не успел ответить. Слабенький он больно оказался. Он ведь совсем растаял перед нами, как снеговик в жарком апреле. Да и не до этого нам там было, – утешил всех Саша. – Мы были на грани космической войны с чужой цивилизацией и достойно избежали её. Но теперь нужно крепко подумать и найти эту статую. Я полагаю, что все данные у нас есть. Необходимо вспомнить всё, что с нами происходило за эти дни, сопоставить факты и решить задачу. Эборг был далеко не всемогущ и не мог переместить статую куда-нибудь в Швейцарию или в Ватикан. Ему было очень тяжело в нашем земном жарком климате, и он был вынужден часто возвращаться в свою неопределённую полужидкую фазу и наверняка спрятал её где-нибудь поблизости, скорее всего, где-то в соседних пещерах, и завалил камнями.

– Точно, – Паша даже вскочил с песка, – Сашка, ты гений! Вспомните обвал, когда нас Симба вёл к этой «бабе». Очень может быть, что его устроил именно Эборг. Что ему стоило выплеснуться на неустойчивые стены так, чтобы они посыпались, как груши с дерева на Сашкиной даче? Но мы прошли его благодаря Камню, и Эборгу пришлось устроить следующий завал, на который мы наткнулись перед уходом. Очень может быть, что и нашу «золотую бабу» он также где-то рядом завалил, пока мы отсыпались в пещере.

– Точно, ребята, – вмешалась Марина. – Мы отыщем её, потому что я знаю, кто нам в этом поможет. У нас же есть лохматый и добрейший Батти, который пещеры Сестры знает лучше, чем вы свои карманы. Что нам говорил наш друг йети о том, как его найти? Если мы найдём его, мы найдём и статую!

– Очень смутно припоминаю, – отозвался Саша. – Кажется, надо прийти куда-то и что-то крикнуть. А куда и что – убей, не помню. Как жаль, что с нами нет нашего магического друга Симбы. С ним мы очень скоро нашли бы и Батти, и «золотую Маринку», – подвёл итог беседы Саша. – Но мы всё-таки попробуем отыскать Батти. Давайте именно этим и займёмся на днях. А сейчас я совсем изжарился на песке, как камбала на сковородке. Пошли, искупаемся, а то солнце уже к закату. Нужно вовремя вернуться домой. Нас опять совсем потеряли. А завтра, Мариша, ты поведёшь нас на Сестру к дедушке Таргу.

Ребята стайкой, визжа и толкаясь, кинулись в воду. Они с наслаждением плескались, топя друг друга, отфыркиваясь и весело крича, и совсем не обратили внимания, что мужчина, в пёстрых трусах, загоравший неподвижно неподалёку от них, встал, быстро оделся и, сев в стоящую неподалёку скромненькую иномарку, укатил, задумчиво смотря вперёд. А другой совсем пьяненький мелкий мужичонка, копошившийся в воде тоже рядом с ними, сразу перестал дурачиться, с трудом натянул узкие джинсы на влажные плавки и тоже скрылся, озабоченно нахмурив брови.

Накупавшись и наболтавшись, усталые ребята на закате дня стояли на автобусной остановке, когда мимо них пронёсся автомобиль, за рулём которого удивлённые мальчики узнали мрачного богослова, а на заднем сиденье сидел с перекошенным от страха лицом древний миссионер с руками по локоть в чернозёме.

33.

Подъём на Сестру занял не очень много времени. Тропа была знакомая, много раз исхоженная, но ребята всё-таки изрядно устали, поскольку они шли не налегке, а тащили в руках и в рюкзаках на спинах немалый груз. Несколько раз они отдыхали на самых крутых и сложных участках подъёма, прислонившись тяжеленными рюкзаками к деревьям или обнажившимся скальным уступам. Наконец последние, самые крутые и трудные метры пути остались позади, и они оказались на обдуваемой лёгким ветерком с моря вершине горы.

Открывшаяся перед ними панорама вновь поразила и очаровала их. Много раз они бывали здесь, но привыкнуть к великолепной картине, открывающейся с вершины этой горы, так и не смогли. Величественным серым утёсом обрывается Сестра к устью реки Сучан. Немало секунд будет падать камень, брошенный с самой вершины горы в реку, но всплеска вы не услышите. Слишком глубоко его паденье. А с другой стороны сопка крутым зелёным ковром с радостными белыми пятнами расцветших полевых пионов, оранжево-красных тигровых лилий или яркими точечками рассеянных в высокой пышной траве приморских «жарков» спускается к морю в бухту Лашкевича, незаметно переходя в полукружье чистого ровного ласкового пляжа, омываемого пронзительно синим и чистым-пречистым морем. Далеко в море застыл на страже святого союза моря и скал немым богатырём одинокий кекур, неразрывно связанный с берегом как пуповиной, протяжённой отмелью. У любого поднявшегося на вершину просто дух захватывает от внезапно открывшейся перед ним величественной картины, и не забудет он её уже никогда.

Не так уж и велика гора Сестра, но что-то неуловимо роднит её по духу с далёкими гигантами Гималайских гор. Может быть, по крупному геологическому разлому, на одном из крыльев которого она вздыбилась в очень давние древние времена, змеистой дорожкой смыкающемуся с главными Сихоте-Алиньскими разломами, которые, в свою очередь, через могучую глубинную сеть глобальных планетарных швов через Китай и Монголию уверенно тянутся к могучим Гималаям, поступают сюда неведомые священные флюиды, поражающие сердца и души неравнодушных горожан трепетом и любовью. Не зря гора Сестра вместе с невезучей и порушенной людьми соседней горой Брат издавна считалась у местных народов священной и почитаемой.

Ребята посидели несколько минут на камнях у геодезической пирамидки на вершине горы, отдышались, остыли немного под ласковым бризом. Затем Марина повела их дальше. Они чуть спустились по гребню с вершины в едва заметную ложбинку, где Марина остановила их, внимательно осмотрелась и подошла к небольшому кустику багульника среди развала глыб известняка чуть ниже гребня.

– Вот здесь, ребята, как раз здесь я вместе с Унушу и племенем Белого Леопарда похоронила мудрого дедушку Таргу почти тысячу лет назад. Мне самой не верится, что это было здесь и со мной, но, честное слово, вот этими самыми камнями я помогала Унушу обложить могилу дедушки, чтобы её не осквернили дикие звери. Тут холмик был, но за столько лет что могло от него остаться. Когда-нибудь мы поставим здесь красивый памятник, а сейчас просто, как и договаривались, давайте поставим бетонную пирамидку, посадим на вершине кедровую рощицу имени мудрого вождя Таргу и будем за ней ухаживать. Через несколько лет на вершине горы вокруг дедушки Таргу будут шуметь красавцы кедры, по веткам которых будут носиться неугомонные белки, а среди густой хвои начнут вить свои гнёзда таёжные птицы, и это будет самым лучшим памятником и Таргу, и его племени Белого Леопарда, сохранившим для нас этот чудесный край.

Ребята принялись за работу, неутомимо рассадив в землю вокруг могилы Таргу и по гребню горы несколько сотен кедровых орешков. Затем они распаковали свои рюкзаки и достали оттуда дощечки, цемент, песок, несколько пластиковых бутылей с водой и вскоре на вершине отсвечивала новенькими влажными боками небольшая бетонная

трехгранная пирамидка с никелированной табличкой, на которой были выведены такие слова: «Таргу – вождь Племени Белого Леопарда. Погиб за свой народ. XIII век от Р.Х.».

Затем они среди камней развели небольшой костёр, заварили чёрный геологический чай и помянули им и дедушку Таргу, и всё могучее его племя. У древней могилы мудреца они поклялись быть всегда вместе, всегда помогать друг другу, никогда не предавать друг друга, никогда не забывать друг друга.

– Один за всех и все за одного, – торжественно повторили они старую, но до сих пор точную клятву лихих мушкетёров прошлого и знали, что так всегда было и будет с ними.

И едва они это произнесли, как вдруг. откуда не возьмись, закружились вокруг них большие. ослепительно белые, ранее никогда не виданные мохнатые бабочки. Их было так много, что они заслоняли белой дымкой и реку, и море, и гору. Бабочки порхали вокруг них в каком-то радостном вихревом воздушном танце, садились на плечи и руки ребят, ласкали их лица крылышками и хоботками, а потом все разом сели на камни у могилы Таргу, на ещё влажную пирамидку-памятник и замерли в минуте молчания, накрыв старинное погребение живым белым покрывалом. Через несколько минут, словно по чьей-то команде, они разом поднялись и умчались куда-то вверх белым облачком на бирюзовом небесном куполе.

– Ребята, – промолвила потрясённая Марина, – у меня такое впечатление, что это души воинов племени Белого Леопарда посетили и нас, и дедушку Таргу.

С горы по знакомой тропе ребята спускались уже немного другие – сосредоточенные, молчаливые и какие-то просветлённые.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ..

ПРИЛОЖЕНИЕ.

(Записки Абдуллы, найденные в большой пещере, в нише под золотой статуей).

Гимназия, как ты меня подставила! Когда я отсюда выберусь, я, клянусь, найду тебя всюду и тоже посажу на самую верхушку самого высокого дерева. Я даже лифтом боюсь пользоваться, а тут пришлось спускаться без парашюта с такой висоты. Я целую ночь провёл на вершине дерева как сорока, а затем мне помогли спуститься мои вернувшиеся дикари. Но теперь мне здесь хорошо. Я вождь большого племени, у меня есть всё, но если бы мне ещё несколько обойм к моему «Макарову» или хотя бы один «Калашников» с магазином.

Однако, ребята, я очень прошу вас, сделайте так, чтобы я вернулся обратно в Находку. У меня очень много концов там осталось. Их надо подвязать, иначе будет столько неприятностей в городе. Я вас очень отблагодарю. У меня есть чем, сами понимаете. Сделайте, пожалуйста. Как я хочу ещё хотя бы раз прокатиться в своём «Лэндике». Как мне надоели их заморенные клячи и их носилки.

Ваш надёжный друг Абдулла, 12 июля 2000 года.

–

«Марина и ребята, кажется, Саша и Паша. Я уже седьмой месяц, как живу в этом времени и с этими дикарями. Для меня это ужасно, но я сам в этом виноват. Я много думал обо всём, что со мной случилось, и я понял, как был неправ. Именно потому и несу я свою тяжкую ношу в глубинах времени. Но видели бы вы, что стало с моим племенем. Я за полгода из дикарей сделал настоящих джигитов. Мы уже взяли под контроль всю

территорию от Раздольной и до самой Кореи. С Унушу я дружу, хотя бы потому, что он помнит, кто я и откуда пришёл. Я принёс ему богатые дары за достойного Таргу. Хороший был старик, но мир так жесток. Унушу простил меня. Он сейчас самый могущественный правитель Северной Манчжурии. У него много золота, но не пойму, откуда оно у него. А недавно я принимал послов от самого Чингизхана.

Кто бы мог подумать? Я, Абдулла Азизов из Сумгаита, учил уму-разуму посланцев самого свирепого властелина Средневековья. Послы пригласили меня на беседу к Чингизу, обещая неземные радости. Если бы они знали, какие радости я уже знал ранее. Но я дал согласие сотрудничать с ними. Что мне было делать в моём положении?

Абдулла, 5 февраля 2001 года, как я думаю или год Великого Повелителя Лошадей Эпохи Зелёного Дракона, как они думают».

–

«Современники, я пишу Вам с благодарной памятью. Я очень надеюсь, что эти записки, рано или поздно, попадут к вам, кто ещё знает меня и кто ещё сможет оценить сказанное и сделанное мной. Это пишу Вам я, Абдулла Азизов, бывший, надо полагать, генеральный директор ООО «Время», надёжные поставки продуктов питания и ликёро-водочных изделий, свидетельство № 6598 от 5 марта 1996 года. в Администрации города Находка, а ныне – главный советник Великого Чингизхана, его представитель на Дальнем Востоке, вроде как господин Пуликовский сейчас у вас.

Совсем недавно я встречался здесь с представителями Шамбалы. Они предлагали мне вернуться обратно в своё время и забыть всё увиденное во избежание исторических прецедентов. Но я решительно отказался. Я здесь уже привык и мне хорошо. У меня здесь двенадцать прекрасных жён и чудесные дети. Как я могу забыть и бросить их здесь одних. А ведь там, в вашем времени, у меня никого не было.

Я предложил моему другу Чингисхану пойти войной на богатую Индию. Великий властелин мира поддержал его, и вскоре мы выступаем в этот великий поход. А перед этим я отговорил его от похода на Великую Русь. С Русью мы должны быть дружны и будем союзниками на долгие времена. Я уже начал строительство большого города в южных степях Предуралья, где буду сооружать металлургические заводы на уральском сырье и снабжать металлом всю Евразию. Как я могу оставить всё это? Это, наверно, моя судьба и я следую ей.

Я очень раскаиваюсь в той жизни, которую вёл ранее в вашем времени. Так бессовестно жить было нельзя. На человеческих пороках нельзя наживаться. Я обращаюсь к тем, кто ещё занят страшным наркобизнесом, продажей наркотиков с требованием прекратить калечить людей и детей и прошу прощения у тех, кому принёс страдания и беды. Все ценности, которые найдёте в моём тайнике в по…..е И..а, я прошу сдать государству, а наркотики – уничтожить. Собственность мою передайте наследникам, если таковые отыщутся

. Прощайте, современники. Сегодня с надёжным гонцом я отправлю эти записки Унушу с просьбой положить их возле «золотой богини». Марина, ты догадалась, конечно, что это безутешный Унушу, страдая по тебе, всё золото племени отлил в твоё изображение. Через год после прощания с тобой он женился на хорошенькой девочке Тару. Свою дочь он назвал Марьяну в твою честь. Я знаю, что вы вернётесь в эту пещеру хотя бы ещё один раз, и найдёте мои записки. А мои настоящие архивы могут и не сохраниться.

Недавно я с дипломатической миссией был в Германии. Добирался туда с вашим другом Ефимкой, которого вы узнаете в своё время, целых два года через только-только отстроенную деревянную Москву, где встретился с её основателем Георгием, который позже останется в истории как Юрий Долгорукий. Неглупый мужик, но крутой больно, даже по нашим восточным понятиям. Порол всех нещадно и головы холопов рубил как

капусту. А Европа уже в это время была цивилизованной. Люди уже тогда старались жить по справедливым законам, которые исполнялись.

Прощайте, мои друзья, коллеги и вы, ребята. Как я понял, главное не то, в каком времени ты живёшь, а что ты сделал для своего времени.

Наместник Великого Чингис-хана в Дальнем Китае, первый Визирь Великой Монгольской Империи Абдулла Справедливый. 27 февраля 2009 года от Рождества Христова по вашему календарю и 1242 год по моему нынешнему».

Владимир Янов.
г. Находка, 2 марта 2002 года